

ПАМЯТНЫЕ ДНИ

Изъ воспоминаній

Гвардейскихъ стрѣлковъ

Таллиннъ, 1937

Digitized by the Internet Archive
in 2009 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

Подъ редакціей Э. А. ВЕРЦИНСКАГО

ПАМЯТНЫЕ ДНИ

Изъ воспоминаній

Гвардейскихъ стрѣлковъ

2

Таллиннъ, 1937

J. & A. Paalmann'i trükk. Tallinn, V. Karja 12. 1937 a.

Печатано въ типографіи І. и А. Пальманъ.

Printed by J. & A. Paalmann in Estonia 12, Väike Karja, Tallinn.

Императорская Гвардія въ Эмиграціи. *)

Къ 30-му октября 1920 г. закончилась вооруженная борьба съ большевиками въ Крыму и Сѣв. Тавріи и наша геройская армія, руководимая однимъ изъ доблестнѣйшихъ вождей Бѣлыхъ армій, генераломъ барономъ Петромъ Николаевичемъ Врангелемъ, покинула предѣлы Россіи.

подавляющее большинство офицеровъ бывшей Императорской Гвардіи, честно боровшейся за восстановление Родины, водворилось на мирное жительство въ столицѣ родного по вѣрѣ и крови народа — Бѣлградѣ.

Окончилась открытая борьба, но не была потеряна вѣра въ Россію, въ ея жизненность и грядущее возрожденіе. Освобожденіе ея чаяли видѣть другими путями, но не теряли при этомъ надежды, что Гвардіи еще придется сыграть историческую роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ Россіи.

Чтобы не дать расплыться оставшимся кадрамъ Гвардіи и поддержать въ ихъ средѣ прежній воинскій духъ и историческія традиціи, возникло стремленіе къ объединенію Гвардіи, сначала по полкамъ, а затѣмъ — по родамъ войскъ и общему.

Такъ возникли полковыя объединенія, во главѣ коихъ стали частью бывшіе командиры, а частью — старѣйшіе ветераны гвардейскихъ полковъ и артиллерійскихъ бригадъ.

Полковыя объединенія Гвардіи, всѣхъ 3-хъ родовъ оружія, стали привлекать въ составъ своихъ объединеній не только своихъ офицеровъ, находившихся въ Югославіи, но и проживающихъ въ другихъ странахъ Зарубежья.

Для выработки единства взглядовъ въ пониманіи задачъ текущей жизни и дѣятельности и объединенія этой дѣятельности въ Югославіи стали собираться представители полковыхъ объединеній.

*) Составлено по даннымъ В. А. Леховича, Н. В. Нагаева и Г. К. Шпигеля.

Такимъ образомъ возникла необходимость общегвардейскаго объединенія, къ возглавленію котораго въ Югославіи въ 1921 г. былъ призванъ старшій изъ проживавшихъ тамъ генераловъ Гвардіи генераль-лейтенантъ Владиміръ Андреевичъ Леховичъ, остававшійся во главѣ гвардейскихъ объединеній Югославіи до іюля 1924 г., когда онъ съ семьей переѣхалъ на жительство въ Ньюіоркъ.

1-го марта (ст. ст.) 1922 г., въ Югославію прибылъ Главнокомандующій эвакуированной изъ Крыма арміи, генераль-лейтенантъ баронъ Врангель со своимъ штабомъ, расположившимся невдалекѣ отъ Бѣлграда, въ сербской патриаршей резиденціи — гор. Сремски Карловцы. Самъ генераль Врангель поселился въ Бѣлградѣ.

Прибытіе генерала Врангеля явилось большимъ событіемъ въ жизни мѣстной русской эмиграціи, не только военной, но и гражданской. Его стойкость въ непримиримомъ отношеніи къ врагамъ Родины, вѣра въ Россію и заботы о сохраненіи арміи создавали ему ореолъ идейнаго вождя эмиграціи.

Однако непосредственнаго вліянія на жизнь гвардейскихъ объединеній прибытіе генерала Врангеля не оказало. Гвардія только считалась съ его положеніемъ, какъ начальника воинскихъ контингентовъ, которые изъ Галлиполи и Лемноса переброшены были потомъ въ Югославію и Болгарію, но не была ему подчинена.

Въ сотрудничествѣ своемъ съ другими военными союзами, во главѣ коихъ сталъ „Совѣтъ объединенныхъ офицерскихъ организацій“, съ назначеннымъ генераломъ Врангелемъ предсѣдателемъ, Гвардія также сохраняла свое самостоятельное положеніе, считаясь съ „Совѣтомъ“ и его рѣшеніями, но не подчиняясь имъ.

Въ первые годы эмиграціи нашимъ военно-политическимъ центромъ былъ городъ Бѣлградъ. Здѣсь находился привлекавшій всеобщее вниманіе генераль баронъ Врангель. Его штабъ проявлялъ жизнь и дѣятельность. Поэтому въ Бѣлградѣ сосредоточилась вся организаціонная работа по собиранію и сплоченію военныхъ силъ эмиграціи. Въ эту работу входила и политически-освѣдомительная часть.

Въ Бѣлградѣ находилась и большая часть наилучше организованной и наиболѣе дѣятельной представительницы русской военной среды — Императорская Гвардія.

Общая организація Гвардіи вполнѣ отвѣчала тому времени и давала положительные плоды. Благодаря ей, оказалось возможнымъ вліять на нравственную сторону жизни гвардейскихъ офицеровъ, въ

коихъ иногда чувствовался нездоровый духъ времени гражданской войны. Воспитывалось молодое поколѣніе. Получали нравственную поддержку и опору въ жизненныхъ затрудненіяхъ черезъ пріобщеніе къ общей жизни всѣхъ разрозненно жившіе члены гвардейской среды.

Въ дальнѣйшей жизни Гвардіи 1924 годъ отмѣченъ былъ значительными событіями.

Весною этого года, по призыву представителей*) Гвардіи, во главѣ ея сталъ бывший командиръ Гвардейскаго корпуса и командующій Особой арміей генераль-адъютантъ Владиміръ Михайловичъ Безобразовъ. 13-го апрѣля (ст. ст.) онъ прибылъ въ Бѣлградъ и ему была устроена торжественная встрѣча и представленіе всѣхъ чиновъ Гвардіи въ обширномъ залѣ ресторана „Русская Семья“.

Военная форма, съ которой еще многіе не разставались, и большое число собравшихся (свыше 200 человекъ), выстроенныхъ по частямъ, дивизіямъ и корпусамъ, придали встрѣчѣ характеръ внушительной демонстраціи. Генераль Безобразовъ внесъ въ среду Гвардіи нѣкоторую струю бодрости и вѣры въ недалекое возрожденіе нашей Родины.

Въ послѣдующіе дни состоялись его совѣщанія съ высшими чинами Гвардіи (генералы Леховичъ, Киселевскій, Орловъ, Павловъ и др.) по политическимъ и военно-организаціоннымъ вопросамъ. Генераль-адъютантъ Безобразовъ внесъ рѣшительное измѣненіе въ организацію Гвардіи и приступилъ къ формированію скрытыхъ боевыхъ кадровъ полковъ и высшихъ соединеній Гвардіи съ подчиненіемъ таковыхъ Великому Князю Николаю Николаевичу. Приказомъ „Кадрамъ Войскъ Гвардіи“, отъ 20-го апрѣля 1924 г. за № 1, были объявлены назначенія на соотвѣтствующія должности.

Отъ всѣхъ офицеровъ, вступившихъ въ составъ скрытыхъ кадровъ, отбиралась особая росписка о явкѣ по первому призыву, когда того потребуетъ политическая обстановка, и въ принятіи обязательства не вступать въ политическія и тайныя организаціи.

Послѣдующія событія жизни Россіи и общая международная политика въ отношеніи нея не оправдали надежды на внутренній сдвигъ въ Россіи. Подготовительная работа по формированію боевыхъ кадровъ Гвардіи оказалась преждевременной и нежизненной.

*) Постановление объединенія офицеровъ Русской Гвардіи въ королевствѣ С. Х. С. отъ 10/23 апрѣля 1923 г. (Приказаніе Кадрамъ Войскъ Гвардіи отъ 3 дек. 1924 г.).

лахъ“. Одновременно во главѣ организаціи Гвардіи вмѣсто генераль-адъютанта Безобразова Великимъ Княземъ былъ поставленъ генераль-отъ-кавалеріи Алексѣй Михайловичъ фонъ Кауфманъ-Туркестанскій.

Въ письмѣ отъ того же числа генералу барону П. Н. Врангелю, по порученію Великаго Князя, указывалось: — „Всѣ офицеры, принимавшіе въ составѣ своего полка участіе въ Великой и Гражданской войнахъ, образуютъ кадровый составъ полка. Начальникомъ кадрового состава полка является лицо, возглавляющее объединеніе даннаго полка, въ каковое могутъ входить всѣ лица, когда либо служившія въ полку въ офицерскихъ чинахъ...“

Въ прощальномъ приказѣ генераль-адъютанта Безобразова по Кадрамъ Войскъ Гвардіи, отъ 3-го декабря 1924 г., скрытые боевые кадры Гвардіи были расформированы.

25-го декабря 1924 г. „Гвардейское Объединеніе во Франціи“ было официально зарегистрировано въ префектурѣ Парижа.

Съ переѣздомъ въ Парижъ управленія воинскими организаціями и контингентами, а самаго генерала Врангеля въ Бельгію, Бѣлградъ потерялъ свое значеніе и въ отношеніи военно-политическомъ сталъ лишь провинціальнымъ центромъ.

Для объединенія въ немъ гвардейскихъ ячеекъ предполагалось назначеніе замѣстителя генерала фонъ Кауфмана-Туркестанскаго, но самаго назначенія не послѣдовало. На замѣну прежней организаціи было въ Бѣлградѣ организовано совѣщаніе изъ старшихъ представителей Гвардіи, по два отъ каждаго рода войскъ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго начальника штаба генерала Безобразова, въ періодъ возглавленія имъ боевыхъ кадровъ Гвардіи, — генераль-лейтенанта Агапѣева. Возглавляющіе же объединенія полковъ, согласно распоряженію Великаго Князя, остались начальниками ихъ кадровъ.

Возглавленіе Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ не разрѣшило большихъ вопросовъ русской эмиграціи. Попытка полнаго объединенія всей русской эмиграціи, подъ именемъ Великаго Князя Николая Николаевича, на Зарубежномъ съѣздѣ 1926 г. въ Парижѣ не увѣнчалась успѣхомъ. Лишь воинскіе союзы, объединенные именемъ популярнаго вождя, сохранили до времени свою сплоченность.

Съ кончиной Великаго Князя и переходомъ руководства Общевоеинскимъ Союзомъ къ Его замѣстителямъ, Гвардейское объединеніе вновь

заняло вполне самостоятельное положеніе, входя лишь въ тѣсную связь съ другими аналогичными офицерскими организаціями.

26-го іюля 1934 г. скончался генераль-отъ-кавалеріи фонъ Кауфманъ-Туркестанскій и предсѣдательство Гвардейскаго Объединенія перешло къ генераль-лейтенанту В. А. Леховичу.

Въ настоящее время почти всѣ офицеры Гвардіи въ Зарубежьи объединены въ своихъ полковыхъ, бригадныхъ и однородныхъ организаціяхъ и черезъ свои полковые союзы входятъ въ Гвардейское объединеніе.

По даннымъ на 15-е мая 1935 г., въ Зарубежьѣ пребываетъ болѣе 2.000 бывшихъ офицеровъ Гвардіи, въ томъ числѣ: гвардейской пѣхоты — 883, гвардейской кавалеріи — 556, гвардейской пѣшей артиллеріи — 214, гвардейской конной артиллеріи — 127, гвардейскихъ казаковъ — 112, гвардейскихъ саперъ — 24, Собственнаго Его Величества желѣзнодорожнаго полка — 14 и гвардейскаго экипажа — 47, всего 1977. Сверхъ того находятся на Дальнемъ Востокѣ — 47, въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ — 101 и гвардейскаго Запаснаго кавалерійскаго полка — 9 офицеровъ.

За послѣднее время дѣятельность Гвардейскаго Объединенія значительно оживилась. Образована военно-историческая комиссія, при содѣйствіи которой за 1934—36 г.г. прочитано 14 докладовъ и напечатанъ рядъ историческихъ трудовъ. Выработанъ новый „Наказъ“, который разсмотрѣнъ и утвержденъ представителями полковыхъ объединеній Гвардіи на общемъ собраніи 17-го мая 1936 г.

Гвардія, создавъ одну сплоченную организацію, въ цѣломъ однако не выявила свою политическую идеологію. Съ кончиной Великаго Князя Николая Николаевича броженіе умовъ на этой идейной почвѣ усилилось и расхожденіе политической оріентаціи среди офицеровъ Гвардіи продолжается.

Для сохраненія сплоченности Гвардіи крайне желательно скорѣйшее установленіе Гвардейскимъ Объединеніемъ однородной политической оріентаціи.

Э. Верцинскій.

Наказъ Гвардейскаго Объединенія.

УТВЕРЖДЕНЪ Собраніемъ-Представителей полковыхъ Объединеній 17-го Мая 1936 года.

- Ст. 1. Гвардейское Объединеніе есть Союзъ Объединеній отдѣльныхъ частей Гвардіи, вѣрныхъ священному завѣту — за Вѣру, Царя и Отечество.
- Ст. 2. Въ задачи Гвардейскаго Объединенія входятъ:
- а) храненіе священныхъ завѣтовъ и славныхъ традицій Императорской Гвардіи,
 - б) поддержаніе духа единенія и корпоративной солидарности какъ между отдѣльными Объединеніями, такъ и между всѣми чинами Гвардіи,
 - в) оказаніе черезъ полковыя Объединенія нравственной и, по мѣрѣ возможности, матеріальной поддержки чинамъ Гвардіи,
 - г) согласованіе дѣятельности отдѣльныхъ Объединеній въ общихъ интересахъ,
 - д) разрѣшеніе вопросовъ, имѣющихъ принципиальное значеніе и общій интересъ,
 - е) поддержаніе дружественныхъ отношеній съ родственными по духу организаціями и содѣйствіе дѣятельности, направленной къ общимъ цѣлямъ,
 - ж) собираніе, разработка и изданіе историческихъ матеріаловъ, относящихся къ бывшей службѣ частей Императорской Гвардіи.
- Ст. 3. Средства Гвардейскаго Объединенія состоятъ изъ:
- а) обязательныхъ ежегодныхъ взносовъ, поступающихъ отъ Объединеній частей Гвардіи,
 - б) пожертвованій,
 - в) суммъ, поступающихъ въ видѣ прибыли отъ разныхъ начинаній Гвардейскаго Объединенія.
- Ст. 4. Гвардейское Объединеніе пользуется правами юридическаго лица на основаніи законовъ того государства, гдѣ имѣетъ свое мѣстопробываніе.
- Ст. 5. Мѣстопробываніемъ Гвардейскаго Объединенія считается Парижъ. Измѣненіе можетъ послѣдовать по постановленію Собранія Представителей Объединеній.

- Ст. 6. Гвардейское Объединеніе имѣетъ свою печать съ изображеніемъ Андреевской звѣзды.
- Ст. 7. Объединенія частей Гвардіи, входящія въ составъ Гвардейскаго Объединенія, пользуются полной автономіей и руководствуются въ своей дѣятельности принятыми ими Уставами и настоящимъ Наказомъ.

Управленіе Гвардейскаго Объединенія.

- Ст. 8. Дѣлами Гвардейскаго Объединенія вѣдаютъ: Предсѣдатель, состоящій при немъ Распорядительный Комитетъ и Собраніе Представителей Объединеній отдѣльныхъ частей Гвардіи.
- Ст. 9. Предсѣдателемъ Гвардейскаго Объединенія является старшій по времени производства въ офицеры, изъ числа возглавителей Объединеній, входящихъ въ составъ Гвардейскаго Объединенія, проживающій въ Парижѣ или его окрестностяхъ и командовавшій отдѣльной Гвардейской частью на основаніи Высочайшаго приказа.
- Примѣчаніе: Если въ числѣ возглавителей Объединеній не окажется ни одного бывшаго командира отдѣльной Гвардейской части, то Предсѣдателемъ признается тотъ изъ нихъ, кто прослужилъ въ строю Гвардейской части наибольшее число лѣтъ.
- Ст. 10. Слѣдующій по старшинству (согласно ст. 9-ой) назначается замѣстителемъ Предсѣдателя.
- Ст. 11. Предсѣдатель руководитъ дѣятельностью Гвардейскаго Объединенія, представляетъ его передъ всѣми учрежденіями и лицами и предсѣдательствуетъ въ Собраніи Представителей Объединеній.
- Ст. 12. Предсѣдатель заботится о преуспѣваніи Гвардейскаго Объединенія и, памятуя поставленныя симъ Наказомъ задачи, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы въ дѣятельности его не происходило какихъ либо нежелательныхъ уклоненій.
- Ст. 13. Предсѣдатель имѣетъ наблюденіе за капиталами и имуществомъ Объединенія.
- Ст. 14. Въ случаѣ отказа Предсѣдателя отъ занимаемой имъ должности, а равно и переѣзда его на жительство внѣ Парижа или его окрестностей, въ должность Предсѣдателя вступаетъ его замѣститель, который тотчасъ же назначаетъ новаго замѣстителя, согласно ст. 10-й.

Ст. 15. При кратковременныхъ отлучкахъ изъ района Парнжа Предсѣдателя, а также въ случаѣ его болѣзни, замѣститель вступаетъ во временное исполненіе обязанностей Предсѣдателя.

Распорядительный Комитетъ.

Ст. 16. Распорядительный Комитетъ состоитъ изъ Предсѣдателя, назначаемаго Предсѣдателемъ Гвардейскаго Объединенія и девяти членовъ, изъ коихъ семь являются уполномоченными отъ Дивизіи, одинъ отъ частей, не входящихъ въ Дивизіи, и одинъ — отъ Гвардейской Артиллеріи.

Секретарь и Казначей Гвардейскаго Объединенія входятъ въ составъ Распорядительнаго Комитета на правахъ членовъ онаго.

Ст. 17. Распорядительный Комитетъ избираетъ изъ своего состава Товарища Предсѣдателя, который замѣняетъ Предсѣдателя въ его отсутствіе и въ случаѣ болѣзни.

Ст. 18. Распорядительный Комитетъ вѣдаетъ текущей дѣятельностью Гвардейскаго Объединенія:

- а) Разсматриваетъ всѣ вопросы, передаваемые на его заключеніе Предсѣдателемъ Гвардейскаго Объединенія.
- б) Заботится о возможно болѣе успѣшномъ выполненіи Гвардейскимъ Объединеніемъ возлагаемыхъ на него симъ Наказомъ задачъ.
- в) Изыскиваетъ способы увеличенія средствъ Гвардейскаго Объединенія и принимаетъ мѣры къ обезпеченію своевременнаго поступленія обязательныхъ взносовъ отъ Объединеній.
- г) Опредѣляетъ порядокъ храненія капиталовъ и денежныхъ суммъ Гвардейскаго Объединенія и устанавливаетъ отчетность.
- д) Повѣряетъ, не менѣе двухъ разъ въ годъ, отчетность Казначея и наличность денежныхъ суммъ.
- е) Производитъ расходы въ предѣлахъ смѣты.
- ж) Составляетъ смѣту приходовъ и расходовъ, повѣряетъ годовой отчетъ Казначея и представляетъ ихъ Предсѣдателю Гвардейскаго Объединенія не позднѣе 31-го января каждаго года.

Ст. 19. Распорядительный Комитетъ руководствуется въ своей дѣятельности Уставомъ и настоящимъ Наказомъ, а также и общими указаніями Предсѣдателя Гвардейскаго Объединенія.

- Ст. 20. Засѣданія Распорядительнаго Комитета назначаются его Предсѣдателемъ или, въ его отсутствіе, Товарищемъ Предсѣдателя.
- Ст. 21. Засѣданія Распорядительнаго Комитета считаются состоявшимися при наличіи Предсѣдателя или его Товарища и 4-хъ членовъ.
- Ст. 22. Всѣ вопросы, обсуждаемые Распорядительнымъ Комитетомъ, рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. При равенствѣ голосовъ, голосъ Предсѣдателя даетъ перевѣсъ.
- Ст. 23. Засѣданіямъ Распорядительнаго Комитета ведется журналъ и протоколы, которые подписываются Предсѣдателемъ по ихъ утвержденіи Комитетомъ.
- Ст. 24. Постановленія Распорядительнаго Комитета вступаютъ въ силу по ихъ утвержденіи Предсѣдателемъ Гвардейскаго Объединенія.

Казначей.

- Ст. 25. Казначей избирается Распорядительнымъ Комитетомъ на годъ.
- Ст. 26. Казначей хранитъ деньги и цѣнности Объединенія, согласно инструкціи, выработанной Распорядительнымъ Комитетомъ и утвержденной Предсѣдателемъ Гвардейскаго Объединенія, и расходуетъ деньги по письменнымъ ордерамъ Предсѣдателя Распорядительнаго Комитета.
- Ст. 27. Казначей ведетъ денежную отчетность по формѣ, одобренной Распорядительнымъ Комитетомъ, подготавливаетъ проекты смѣтъ и отчетовъ.
- Ст. 28. Казначей собираетъ денежные взносы съ Объединеній.

Секретарь.

- Ст. 29. Секретарь Гвардейскаго Объединенія назначается Предсѣдателемъ онаго. Онъ вѣдаетъ дѣлопроизводствомъ Гвардейскаго объединенія и Распорядительнаго Комитета и ведетъ журналы засѣданій какъ Собраній Представителей Объединеній, такъ и Распорядительнаго Комитета.

Въ вѣдѣніи Секретаря находится архивъ Гвардейскаго Объединенія.

Ревизіонная Комиссія.

- Ст. 30. Для повѣрки денежной отчетности Собрание Представителей избираетъ ежегодно Ревизіонную Комиссію въ составѣ 5-ти членовъ.
- Ст. 31. Предсѣдателемъ является старшій изъ членовъ; одинъ изъ членовъ избирается Секретаремъ. Для дѣйствительности засѣданія необходимо присутствіе 3-хъ членовъ, въ томъ числѣ Предсѣдателя.
- Ст. 32. Ревизіонная Комиссія повѣряетъ кассу, отчеты, передаваемые ей Распорядительнымъ Комитетомъ, удостоверяется въ наличіи оправдательныхъ документовъ и составляетъ заключеніе по представленному ей отчету, каковое вносится, одновременно съ отчетомъ, на разсмотрѣніе Собранія Представителей Объединеній.

Собрание Представителей.

- Ст. 33. Собрание Представителей составляется изъ представителей всѣхъ Объединеній отдѣльныхъ частей Гвардіи, входящихъ въ составъ Гвардейскаго Объединенія — по одному отъ каждаго Объединенія. Предсѣдательствуетъ въ Собраніи Предсѣдатель Гвардейскаго Объединенія, а въ случаѣ его отсутствія — замѣститель Предсѣдателя.
- Ст. 34. Собранія Представителей бываютъ годовыя и чрезвычайныя. Годовое Собрание созывается ежегодно, не позднѣе Мая мѣсяца.
- Ст. 35. Чрезвычайныя Собранія созываются по инициативѣ Предсѣдателя Гвардейскаго Объединенія, а также и по ходатайству, подписанному не менѣе какъ $\frac{1}{4}$ возглавителей отдѣльныхъ Объединеній или ихъ замѣстителей во Франціи.
- Ст. 36. Собранія Представителей созываются по повѣсткамъ, рассылаемымъ отъ имени Предсѣдателя Гвардейскаго Объединенія. Повѣстки рассылаются съ такимъ расчетомъ, чтобы отдѣльныя Объединенія получали ихъ не позднѣе, какъ за мѣсяць до дня, назначеннаго для Собранія. Въ совершенно экстренныхъ случаяхъ разрѣшается послать повѣстки за двѣ недѣли.
- Ст. 37. Въ рассылаемыхъ повѣсткахъ должны быть указаны всѣ вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію Собранія.

Представителямъ Объединеній разрѣшается дѣлать на Собраніи заявленія и вносить разныя предложенія, касающіяся дѣятельности Гвардейскаго Объединенія, но никакіе вопросы, не упомянутые въ повѣсткѣ, не могутъ быть рассмотрѣны Собраніемъ безъ особаго согласія Предсѣдателя онаго, полученнаго до начала Собранія.

Ст. 38. Вѣдѣнію Собранія Представителей подлежатъ:

- а) Утвержденіе всякихъ измѣненій и дополненій, предлагаемыхъ, съ одобренія Предсѣдателя Гвардейскаго Объединенія, Распорядительнымъ Комитетомъ для внесенія въ дѣйствующій Наказъ, а равно и разнаго рода положеній.
- б) Утвержденіе предложеній Предсѣдателя Гвардейскаго Объединенія и представленій Распорядительнаго Комитета, направленныхъ къ развитію дѣятельности Гвардейскаго Объединенія и къ успѣшному достиженію его задачъ (ст. 2).
- в) Утвержденіе денежнаго отчета за минувшій годъ и сметы на текущій годъ.
- г) Рассмотрѣніе всѣхъ дѣлъ, вносимыхъ Предсѣдателемъ Гвардейскаго Объединенія.
- д) Установленіе, по предложенію Предсѣдателя, размѣровъ ежегодныхъ взносовъ.

Ст. 39. Собранія Представителей считаются состоявшимися при наличіи Представителей не менѣе половины плюсъ одного всѣхъ Объединеній.

Ст. 40. Всѣ вопросы, подлежащіе вѣдѣнію Собранія Представителей, разрѣшаются присутствующими на Собраніи представителями, при чемъ каждое Объединеніе пользуется однимъ голосомъ.

Ст. 41. Собраніе Представителей разрѣшаетъ всѣ обсуждаемые вопросы большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ.

Ст. 42. Въ случаѣ, если Собраніе не состоялось вслѣдствіе неприбытія законнаго числа представителей (ст. 39), то созывается новое Собраніе, согласно статьямъ 36 и 39.

Ст. 43. Протоколы и постановленія Собранія Представителей рассылаются во всѣ Объединенія, входящія въ Гвардейское Объединеніе и во всѣ его Отдѣлы.

Лейбъ-Гвардіи 2-й Стрѣлковый Баталіонъ — Лейбъ-Гвардіи 2-й Стрѣлковый Царскосельскій Полкъ.

Очерки быта и службы Царю и Родинѣ за періодъ отъ Японской до Міровой войны. Изъ воспоминаній Царскосельскаго стрѣлка.

ВНУТРЕННІЙ БЫТЬ.

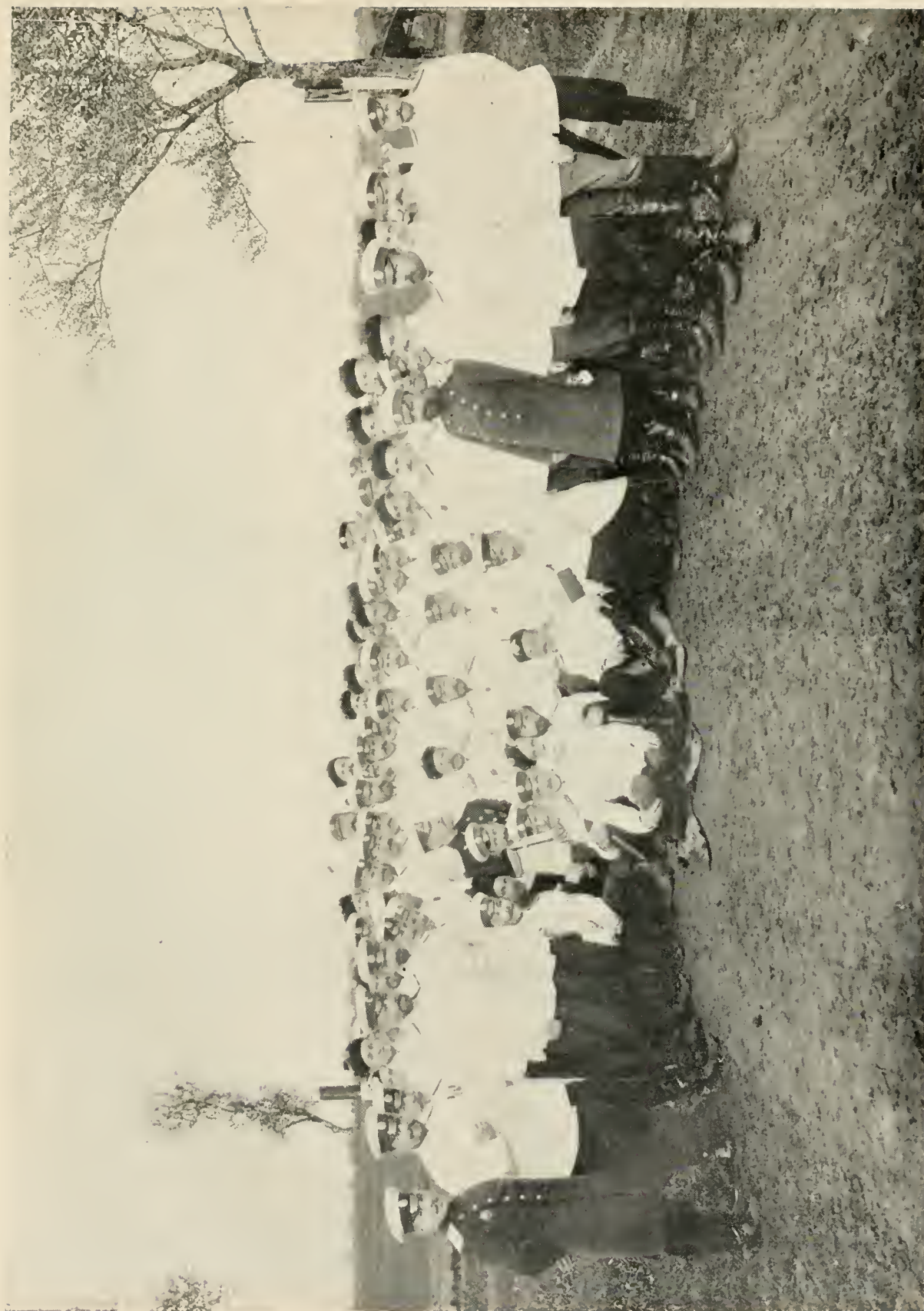
Стоянка баталіона и общій характеръ быта и службы офицеровъ.

Царское Село — резиденція Россійскихъ ИМПЕРАТОРОВЪ и мѣсто стоянки частей Гвардейской стрѣлковой бригады (кромѣ л. гв. 3-го Финскаго стр. б-на, а впоследствии кромѣ замѣнившаго его л. гв. 3-го стр. Е. В. полка) — представляло собой небольшой, но при обширности площадей, занятыхъ парками, казармами и дворцовыми учрежденіями и постройками, широко раскинувшійся городъ, въ которомъ развивался особый, отличный отъ обычныхъ русскихъ городовъ бытъ.

Въ немъ не было того, что называется мѣстной провинціальной жизнью. Это была часть столицы, вынесенная за городскую черту, на разстояніе полчаса ѣзды по желѣзной дорогѣ. Военная и придворная разныхъ ранговъ среда, богатые люди разнаго общественнаго положенія, имѣвшіе свои особняки, вся эта часть населенія жила интересами Петербургской жизни и въ самомъ Царскомъ Селѣ мало между собою общалась.

Въ городѣ не было объединяющихъ общество центровъ. Офицерскія собранія частей гарнизона представляли собой почти замкнутые клубы и жили каждое своей обособленной жизнью. Лишь изрѣдка офицеры иныхъ частей появлялись въ нихъ въ качествѣ гостей. Не было въ городѣ и обычныхъ свѣтскихъ развлеченій, черезъ которыя завязываются знакомства. Мысли и стремленія всѣхъ были связаны съ Петербургомъ.

Но поѣздки туда для насъ, какъ гвардейскихъ офицеровъ, представлявшихъ близкій къ Престолу, привилегированный слой русской

Посѣщеніе Государемъ Императоромъ 12-го мая 1903 г. гарнизоннаго стрѣльбища въ Царскомъ Селѣ (стр. 50)

Парадъ въ Высочайшемъ присутствіи 21-го апрѣля 1905 г. по случаю баталіоннаго праздника. Назначеніе Великаго Князя Дмитрія Павловича Шефохъ баталіона (стр. 24 и 27).

арміи, не всегда являлись доступными. Гвардейскій мундиръ, по сложившейся традиціи, ко многому обязывалъ. Такъ носитель его, въ общественныхъ мѣстахъ, не долженъ былъ смѣшиваться съ толпой, а занимать болѣе-менѣе видное мѣсто. Открывая обычно двери богатыхъ и аристократическихъ домовъ, тотъ же мундиръ требовалъ подражанія свѣтскому образу жизни этихъ домовъ.

Все это вызывало большіе расходы. Въ нашей же баталіонной средѣ большинство жило на сравнительно скромныя средства. Поэтому только небольшое число, изъ болѣе обеспеченныхъ офицеровъ, могло широко пользоваться поѣздками въ Петербургъ и всѣмъ тѣмъ, что давала столичная жизнь. Большинство же выѣзжало изъ Царскаго только по праздникамъ и не предавалось особенно развлеченіямъ свѣта. Оставаясь обычно въ предѣлахъ казармъ, гдѣ помѣщались и офицерскія квартиры, это большинство проводило свободное время въ офицерскомъ собраніи или у семейныхъ однополчанъ. Кругъ городскихъ знакомствъ обыкновенно бывалъ незначительный.

Такимъ образомъ условія офицерской жизни баталіона были таковы, что интересы служебные не подавлялись соблазнами городской жизни со всѣми присущими ей развлеченіями. Кромѣ того особенность жизни въ Царскомъ Селѣ накладывала извѣстный отпечатокъ и на характеръ взаимоотношеній офицеровъ. Послѣдніе больше между собой общались. Облегчалось усвоеніе младшими взглядовъ и стремленій старшей, руководящей группы, носительницы традиціи баталіона. Вырабатывался духъ солидарности и товарищества.

Послѣднее особенно глубоко укоренилось въ баталіонѣ, вошло какъ бы въ традицію, которою баталіонъ нашъ прославился еще со времени царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го. Насколько въ баталіонѣ стрѣлковъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии, помимо единственнаго въ своемъ родѣ шефства, привлекала красивая и своеобразная форма, а въ баталіонѣ стрѣлковъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — быстрое производство, настолько у насъ — единеніе и дружба среди офицерскаго состава. Таково было общее мнѣніе всѣхъ, кто такъ или иначе соприкасался съ жизнью Царкосельскихъ стрѣлковъ. Духъ этой жизни — духъ истиннаго военнаго братства — производилъ большое впечатлѣніе на лицъ, кои по завершеніи образованія, обычно высшаго, отбывали у насъ воинскую повинность въ качествѣ вольноопредѣляющихся. И были случаи, что, по отбытіи срока своей

службы, нѣкоторые держали офицерскій экзамень и оставались служить въ баталіонѣ, отказываясь отъ можетъ быть больше сулившей имъ въ жизни гражданской карьеры.

Среди случаевъ этого рода выдѣляется вступленіе въ офицерскій составъ баталіона Григорія Александровича Пушкина, прямого внука поэта, сына Александра Александровича Пушкина, генерала-отъ-кавалеріи и почетнаго опекуна. Лиценствъ по образованію, по примѣру своего дѣда, Григорій Александровичъ не помышлялъ о военной службѣ и, прибывъ въ баталіонъ для отбыванія воинской повинности, производилъ впечатлѣніе глубоко штатскаго человѣка. Однако, подъ неотразимымъ вліяніемъ сплоченной, дружной жизни офицерской семьи, онъ, имѣя всѣ связи, необходимыя для наилучшаго устройства судьбы, отказывается отъ всего ради службы въ сравнительно скромной гвардейской части.

По вступленіи въ ряды офицеровъ баталіона Григорій Александровичъ оказался прекраснымъ строевикомъ и службистомъ, а въ отношеніяхъ съ сослуживцами — ревнителемъ традиціоннаго въ баталіонѣ товарищества. Проведя значительное время въ отвѣтственной должности баталіоннаго адъютанта, онъ своимъ умомъ, тактомъ и преданностью интересамъ баталіона снискалъ себѣ общую любовь и уваженіе.

Спортивные увлеченія въ связи съ военнымъ дѣломъ.

Преимущество стоянки баталіона внѣ шумной и суетливой жизни большихъ городовъ, при высокихъ качествахъ офицеровъ, ибо въ Гвардію въ большинствѣ попадали лучшіе, сказывалось и въ чисто служебномъ отношеніи. Военному дѣлу отдавались не только по долгу, но съ истиннымъ увлеченіемъ, особенно въ отношеніи стрѣльбы. Увлеченію этой важной отрасли военнаго дѣла, впрочемъ, много содѣйствовалъ рѣдкій для нашей арміи подборъ въ баталіонѣ офицеровъ — выдающихся стрѣлковъ.

Не обходилось почти ни одного состязанія въ стрѣльбѣ на ИМПЕРАТОРСКІЕ призы безъ того, чтобы одинъ или нѣсколько офицеровъ баталіона не увѣнчивались бы этой высокой наградой. Отъ офицеровъ не отставали фельдфебеля и сверхсрочные унтеръ-офицеры, которые въ большинствѣ являлись призвиками.

Развитію искусства стрѣльбы содѣйствовало также занятіе офицеровъ охотой. Въ вестибюлѣ офицерскаго собранія красовалось

чучело большого медвѣдя, напоминавшаго объ одномъ изъ трофеевъ. Съ медвѣдемъ и выѣздами офицеровъ на охоту связано воспоминаніе о братьяхъ Иванѣ и Александрѣ Чикиныхъ, отбывавшихъ у насъ воинскую повинность и ставшихъ послѣ того неизмѣнными друзьями баталіона. Владѣльцы имѣнія и завода въ окрестностяхъ Петербурга, на рѣкѣ Оредежѣ, гостепріимные братья Чикины широко раскрывали двери своего дома для частенько пріѣзжавшихъ туда офицеровъ. Пріемы гостей сопровождались охотой и рыбной ловлей съ обильнымъ возліаніемъ вина.

Наряду съ увлеченіемъ стрѣльбой процвѣтали и другіе виды спорта. Особенное развитіе спортивный духъ получилъ въ послѣдніе предвоенные годы, когда, съ развертываніемъ баталіона въ полкъ, въ него влилось значительное число молодыхъ и предпріимчивыхъ офицеровъ. Если раньше, благодаря паркамъ Царскаго Села и Павловска, всѣ увлекались велосипедами, то теперь появились мотоциклы. Изъ владѣльцевъ послѣднихъ образовалась значительная группа во главѣ съ неутомимымъ спортсменомъ всѣхъ видовъ спорта капитаномъ Ф. В. Крузе, инициаторомъ и дѣятельнымъ участникомъ гонокъ и состязаній.

Процвѣталъ также лыжный спортъ, появился и лаунъ-теннисъ. Въ ходьбѣ на лыжахъ практиковалась и охотничья команда баталіона, переименованная потомъ въ команду развѣдчиковъ, получившая, подъ начальствомъ подпоручика П. Б. Вальдена, I-й призь на состязаніи охотничьихъ командъ Гвардейскаго корпуса.

На этомъ спортивная увлеченія не остановились и отъ земли перешли затѣмъ въ воздухъ. Двое изъ офицеровъ поступили въ только что созданную въ Россіи авіаціонную школу въ Коломягахъ подъ Петербургомъ. Про одного изъ нихъ, подпоручика К. А. Крутецкаго, впрочемъ, друзья его шутя говорили, что онъ полетѣлъ изъ-за неудачи въ любви. Вскорѣ же оба они, на изношенныхъ учебныхъ аппаратахъ, съ большою по тому времени опасностью, черезъ Петербургъ прилетѣли въ расположеніе полка и снизились на Софійскомъ плацу. Покатавъ затѣмъ нѣкоторыхъ изъ болѣе рѣшительныхъ офицеровъ, также благополучно вернулись къ себѣ.

Впослѣдствіе, въ Міровую войну, второй изъ нихъ, подпоручикъ И. Д. Хризосколео, сдѣлался небезизвѣстнымъ летчикомъ и былъ награжденъ за боевые полеты Георгіевскимъ крестомъ. Отважный искатель сильныхъ ощущеній, онъ послѣ революціи отправился въ

Абиссинію и пытался разводитъ тамъ кофейныя плантаціи. Затѣмъ былъ инструкторомъ въ абиссинской арміи, но погибъ отъ болѣзни и непривычнаго климата.

Другой примѣръ того, какъ увлеченіе спортомъ бываетъ полезно для боевой работы на войнѣ, явилъ подпоручикъ В. В. Михайловъ-Капнистъ. Заинтересовавшись автомобильнымъ дѣломъ и будучи прикомандированъ къ авто-частямъ, онъ попалъ съ ними впоследствіе на войну и въ дѣйствіяхъ на броневыхъ автомобиляхъ, на Персидскомъ фронтѣ, былъ отличенъ Георгіевскимъ крестомъ.

Взаимоотношенія офицеровъ и солдатъ.

Нигдѣ интеллигентный классъ прежняго русскаго общества не соприкасался такъ близко съ его низшимъ слоемъ, какъ это было въ арміи, гдѣ офицеры и солдаты такъ часто совмѣстно переживали и радости, и горе. Русскій офицеръ всегда былъ близокъ къ солдату. Даже въ силу Воинскаго устава онъ долженъ былъ пещись о подчиненныхъ. А для этого нужно было не ограничивать свое общеніе съ нижними чинами только служебными отношеніями, но входить и въ ихъ внутреннюю жизнь.

Такъ въ большинствѣ своемъ русское офицерство и поступало, за что солдаты платили ему своей неизмѣнной преданностью, особенно проявлявшейся на войнѣ, а въ мирное время такъ трогательно выражавшейся въ особыхъ заботахъ „деньщика“ по отношенію къ своему „барину“. И крылатое „отець-командиръ“ не было пустымъ звукомъ до самаго послѣдняго времени существованія ИМПЕРАТОРСКОЙ Русской арміи.

Такъ было и у насъ, гдѣ нѣкоторые офицеры съ чисто отеческою любовью отдавали часть своихъ досуговъ своей меньшей и малопросвѣщенной въ то-же время братіи. Вспоминается командиръ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА роты П. В. Панпушко, обучавшій въ свободное время своихъ стрѣлковъ пѣнію и достигшій прекрасныхъ результатовъ. Его рота выделялась и своимъ стройнымъ пѣніемъ, и осмысленнымъ подборомъ народныхъ и военно-патріотическихъ пѣсенъ. Иные изъ офицеровъ любили вести со стрѣлками бесѣды, рассказывая о случаяхъ выдающихся военныхъ подвиговъ или знакомя съ главнѣйшими событіями изъ отечественной исторіи. Были устроители солдатскихъ спектаклей, нѣкоторые увлекались гимнастикой и т. п.

Въ праздничныхъ случаяхъ устраивались увеселенія для солдатъ съ участіемъ въ нихъ мѣстныхъ жителей, главнымъ образомъ изъ окрестнаго сельскаго населенія. Организовывались состязанія въ ловкости и силѣ, вродѣ лазанія на высокой столбѣ, сбиванія другъ друга мѣшками съ сѣномъ съ бревна, на которомъ сидѣли, бѣга, прыжковъ и т. п. При этомъ выдавались призы. Для поднятія общаго веселья изъ ротъ выступали пѣсенники, появлялись плясуны, рассказчики и т. д. Офицеры проявляли живое участіе въ направленіи этого веселья и поощряли выступавшихъ, угощая ихъ пивомъ и папиросами. Создавалось непринужденное объединеніе солдатъ съ офицерами.

Но наряду съ этимъ здоровымъ объединеніемъ прорывались нерѣдко случаи односторонняго, для офицеровъ, увеселенія, являвшагося нежелательнымъ на фонѣ военнаго быта Гвардіи. Это вызовы въ офицерское собраніе кутящими офицерами пѣсенниковъ изъ ротъ, а иногда и полкового оркестра. Соблазнительная для нѣкоторыхъ бравада лихимъ кутежомъ влекла и на дальнѣйшіе „подвиги“ — перенесенія веселья съ пѣснями и музыкой за предѣлы баталіона, къ сосѣдямъ или въ городъ.

Послѣдніе случаи не оставались безнаказанными и, обыкновенно, влекли за собой для ихъ устроителей заключеніе на дворцовой гауптвахтѣ. Это выражалось въ пребываніи въ одномъ помѣщеніи съ дежурнымъ по карауламъ, рундомъ и караульнымъ начальникомъ въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ, со всѣми сопряженными съ этимъ удобствами и благами, въ число коихъ входило довольствіе изъ придворной кухни съ обѣдомъ изъ пяти блюдъ съ водкой, виномъ и закусками.

Ротные и баталіонный (полковой) праздники.

Среди разныхъ случаевъ объединенія офицеровъ съ нижними чинами, объединенія, черезъ которыя создавалась ихъ внутренняя спайка, выдѣлялся обычай устройства такъ называемыхъ ротныхъ праздниковъ. Съ увѣренностью можно сказать, что въ своей религіозной сущности обычай этотъ не имѣлъ себѣ подобія ни въ одной арміи міра. Преслѣдуя цѣль воспитанія религіознаго духа, празднества эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, ближе роднили солдатъ съ той воинской частью, куда они были призваны, оставляя неизгладимую память о всѣхъ особенностяхъ той роты (эскадрона или батареи), въ которой ихъ служба протекала.

Воспитаніе русскаго воина вообще въ духѣ любви къ своей части, черезъ развитіе ревности къ ея служебной репутаціи въ мирное и къ боевой славѣ въ военное время, было поставлено у насъ высоко. Воспитаніе это должно было имѣть своей цѣлью не развитіе пустого тщеславія, а созданіе при мобилизаціи крѣпко спаянныхъ внутренно частей. Для завершенія этого дѣла необходимо было провести территориальную систему комплектованія и пополненія арміи при мобилизаціи. При этой системѣ запасные, съ объявленіемъ войны, являю́тся въ части, съ коими связаны прохожденіемъ въ нихъ дѣйствительной службы и объединены кромѣ того между собою чувствомъ землячества. Таково было устройство западно-европейскихъ армій, особенно германской.

Къ введенію этой важной реформы у насъ мѣшало направленіе нашей внутренней политики, въ основѣ которой лежало недовѣріе къ инородческимъ элементамъ окраинъ, боязнь ихъ мѣстныхъ сепаратизмовъ, требовавшія, при призывѣ на службу новобранцевъ изъ нерусскаго населенія, распредѣленія ихъ по разнымъ частямъ, удаленнымъ отъ ихъ мѣстожителства. Была и другая причина невозможности проведенія территориальной системы — это неравномѣрное распредѣленіе арміи мирнаго времени по территоріи государства, сосредоченіе ея къ западнымъ границамъ, подвергшееся впрочемъ въ послѣдніе годы исправленію.

Основаніемъ для ротныхъ праздниковъ было слѣдующее. Каждая рота имѣла въ своемъ помѣщеніи большую икону своего покровителя святого, передъ которою совершались общія вечернія и утреннія молитвы. При этомъ, обыкновенно, вся рота пѣла. Икона всячески украшалась. Передъ ней возжигалась лампада, ставились свѣчи. И можетъ быть многія души впервые оторванныхъ отъ родного гнѣзда молодыхъ русскихъ крестьянъ находили здѣсь утѣшеніе и помощь въ непривычной и трудной для нихъ обстановкѣ жизни. День памяти святого и считался днемъ ротнаго праздника.

4-я рота, въ которой я началъ офицерскую службу, имѣла своей небесной заступницей Св. Мученицу Царицу Александру. Подвигъ Ея тѣсно связанъ съ именемъ Св. Георгія Побѣдоносца. Супруга Императора Діоклетіана, мучителя христіанъ, она обратилась ко Христу при видѣ чуда — воскресенія мертваго — совершеннаго по молитвѣ Св. Георгія, и одновременно съ нимъ приняла послѣ этого мученическую кончину. Такимъ образомъ этотъ день посвящается

памяти обоихъ святыхъ, при чемъ Церковь особенно прославляетъ Св. Георгія Побѣдоносца... И духъ послѣдняго какъ будто запечатлѣлся въ 4-й ротѣ, два бывшихъ командира которой съ ихъ младшими офицерами были награждены впослѣдствіе Георгіевскими крестами.

Въ день своего праздника рота освобождалась отъ занятій. Служился молебенъ съ присутствіемъ на немъ въ качествѣ приглашенныхъ гостей всѣхъ офицеровъ и командира баталіона (полка). Послѣ молебна командиръ поздравлялъ роту съ праздникомъ. Выпивались чарки съ провозглашеніемъ здравицъ. Оркестръ исполнялъ гимнъ и маршъ баталіона. Къ обѣду стрѣлкамъ дѣлались добавленія въ видѣ пироговъ, колбасы и сластей и выдавалось по чаркѣ водки и пиво. Праздничный столъ устраивался не въ общей столовой, а въ собственномъ помѣщеніи роты. Тутъ же командиромъ празднующей роты устраивалась трапеза для приглашенныхъ. За столомъ продолжались тосты, принимавшіе уже менѣе оффиціальныя характеръ. Появлялись пѣсенники, которыхъ болѣе щедрые гости жаловали пивомъ и водкой.

Вечеромъ командиръ роты устраивалъ ужинъ въ квартирѣ фельдфебеля, гдѣ послѣдній являлся хозяиномъ. Приглашались болѣе близкіе офицеры и фельдфебеля другихъ ротъ и командъ съ женами и ихъ родственницами, иногда и нѣкоторыя полковыя дамы. Происходила непринужденная бесѣда и общее объединеніе. Молодые офицеры занимали разговоромъ „барышень“ и „дамъ“ изъ дер. Аракчеевки и другихъ окрестныхъ селеній. Веселье нерѣдко затягивалось за полночь.

Совсѣмъ другой характеръ носилъ баталіонный (полковой) праздникъ. Тамъ — въ ротахъ — черезъ объединеніе вокругъ своего домашняго очага выковывался единый воинскій организмъ изъ отдѣльныхъ разрозненныхъ человѣческихъ единицъ; здѣсь же, на церковномъ парадѣ, создавалось единеніе Царя и Верховнаго Вождя съ одной изъ частицъ Его арміи. Личность Царя, какъ избранника Божія, олицетворявшаго величіе и мощь Россіи, въ душахъ вѣрныхъ сыновъ нашей Родины вызывала почти благоговѣйное почитаніе. Оно не зависело отъ личныхъ, хотя и высокихъ качествъ Россійскихъ ИМПЕРАТОРОВЪ, но отъ того ореола Божественнаго помазанничества, который несли на себѣ Вѣнценосцы. „Богъ Одинъ поставляетъ Царей“... и „отъ Господа подается власть, сила, мужество и мудрость Царю управлять своими подданными“ — такими словами выражалъ сущность Царской Самодержавной власти великій чудотворецъ и прозорливецъ того времени Блаженный о. Іоаннъ Кронштадтскій. Такова же была

издревле настроенность въ отношеніи этой власти православныхъ русскихъ людей.

Стремленіе всѣхъ чиновъ полка, какъ можно лучше представиться Государю на блестящемъ весеннемъ парадѣ 17-го апрѣля, было весьма велико. И за долгое время до праздника мы тщательно къ нему готовились. Репетиціи всего церемоніала во время встрѣчи Царя, молебна и самага парада, пригонка обмундированія, тренировка въ ружейныхъ приѣмахъ и отвѣтахъ на привѣтствіе и т. д., все это служило предметомъ особенныхъ заботъ въ этотъ періодъ времени.

День 17-го апрѣля, за рѣдкимъ исключеніемъ, былъ однимъ изъ веселыхъ, солнечныхъ дней начала нашей сѣверной весны. Деревья только что распускались. Сама природа придавала нашему празднику особую радость и красоту. Одновременно съ нами справляли свой праздникъ л. гв. 1-й стрѣлк. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА баталіонъ и стоявшая въ Павловскѣ л. гв. 6-я Донская батарея Гвардейской конной артиллеріи. Парадъ былъ общій и командовалъ имъ начальникъ Гвардейской Стрѣлковой бригады. Баталіоны стрѣлковъ выстраивались во взводныхъ ротныхъ колоннахъ. Донцы представлялись въ пѣшемъ строю.

Въ 11 час. раздавалась команда „смирно“, „слушай на кра-уль“. Затѣмъ на правомъ флангѣ выстроенныхъ частей слышался мягкій, но громкій и ясный голосъ Государя НИКОЛАЯ II-го — „Здорово музыканты“. За нимъ слѣдовалъ отвѣтъ и музыка начинала „Боже Царя Храни.“ Государь медленно обходилъ фронтъ, здороваясь съ каждой частью отдѣльно. Послѣ отвѣта раздавалось непрерывное русское „ура“. У Государя была особо выработанная привычка, обходя фронтъ, останавливаться на мгновение взглядомъ на каждомъ отдѣльномъ солдатѣ и офицерѣ. Каждый изъ насъ чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ, внимательный и серьезный, ждалъ его и боялся, чтобы какой-нибудь оплошностью въ строевомъ отношеніи не произвести неблагоприятнаго впечатлѣнія на Государя.

Послѣ обхода служился молебенъ святымъ угодникамъ Божиимъ и нашимъ небеснымъ покровителямъ Зосимѣ и Савватію, Соловецкимъ Чудотворцамъ. Послѣ молебна опять совершался обходъ, въ сопровожденіи священника, окроплявшаго святою водою. Послѣ этого Государь поздравлялъ баталіоны и батарею съ праздникомъ и выражалъ свою благодарность за службу Ему и Россіи. Начиналась заключительная часть — перестроеніе „къ церемоніальному маршу“ и затѣмъ самое прохожденіе развернутымъ фронтомъ ротъ.

Сохраненіе равенія въ этомъ тонкомъ и длинномъ строѣ требовало большаго искусства, какъ въ отношеніи маршировки, такъ и соблюденія особеннаго вниманія. Баталіонъ нашъ блестяще выполнялъ эту труднѣйшую часть парада и удостоивался всегда наивысшей похвалы ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — „Славно стрѣлки“. При этомъ прохожденіи особенно выдѣлялись шедшіе впереди своихъ ротъ командиры ихъ и у всѣхъ запечатлѣвалась фигура, съ бравой, неподражаемой выправкой и безподобной маршировкой, командира 3-й роты капитана И. Ф. Алексѣева. Крупный, широкоплечій, съ развѣвающейся рыжей бородой, онъ еще съ подпоручичьяго чина прозванъ въ товарищеской средѣ „капитаномъ“, и подъ этимъ прозвищемъ былъ извѣстенъ во многихъ гвардейскихъ частяхъ.

Послѣ церемоніальнаго марша заканчивалось празднество для солдатъ. Роты вводились въ казармы. Офицеры же приглашались во Дворецъ къ ВЫСОЧАЙШЕМУ завтраку, происходившему въ большомъ Екатерининскомъ залѣ. По окончаніи завтрака переходили въ одну изъ боковыхъ комнатъ, гдѣ собирались группами, каждая войсковая часть отдѣльно. Государь и Государыня по очереди подходили къ намъ, вступая въ милостивую бесѣду. Во время парада ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО присутствовала, стоя на балконѣ Дворца. Передъ этимъ Ей подносился букетъ малиновыхъ розъ, соответствовавшихъ цвѣту нашихъ лацкановъ на мундирахъ, съ такими же лентами. Букеты подносились съ утра и всѣмъ баталіоннымъ дамамъ, которыхъ на время парада ИМПЕРАТРИЦА приглашала къ Себѣ на балконъ.

При разговорѣ съ офицерами ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА обращались обыкновенно къ командиру и старшимъ чинамъ. Но нѣкоторые изъ младшихъ старались иногда протиснуться ближе и принять участіе въ разговорѣ. Особенно этимъ отличался А. Ф. Катыбаевъ, охотникъ и неутомимый рассказчикъ, легко находившій тему, чтобы занять Государя, также любившаго охоту. Если были прикомандированные изъ арміи офицеры, то тутъ-же Государь поздравлялъ ихъ съ переводомъ въ баталіонъ.

Вечеромъ устраивался ужинъ въ офицерскомъ собраніи съ участіемъ на немъ значительнаго числа гостей изъ числа прежде служившихъ въ баталіонѣ. Послѣ ужина разбивались по группамъ; кто направлялся къ карточному столу или шахматамъ, кто къ билліарду, иные развлекались музыкой и пѣніемъ, нѣкоторые, наконецъ, въ

теплой и небольшой кампаніи за стаканомъ вина вели задушевныя бесѣды съ преждеслужившими ветеранами, слушая ихъ рассказы о минувшихъ дняхъ жизни баталіона.

Въ теченіе нѣкотораго времени эта вечерняя трапеза устраивалась совмѣстно л. гв. съ 1-мъ стрѣлковымъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА баталіономъ въ одномъ изъ офицерскихъ собраній поочередно. 1904-й годъ былъ послѣднимъ годомъ общаго вечерняго празднованія, и происходило оно у стрѣлковъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. На слѣдующій годъ, въ виду нашихъ тяжелыхъ пораженій въ войнѣ съ Японіей, праздникъ нашъ вообще носилъ очень скромный характеръ, хотя и сопровождался значительнымъ и радостнымъ событіемъ — назначеніемъ Шефомъ баталіона Великаго Князя ДМИТРІЯ ПАВЛОВИЧА. Но объ этомъ упомянемъ особо.

Знаменательнымъ и необычнымъ было празднованіе въ слѣдующемъ, 1906-мъ году. 27-го марта этого года исполнилось пятидесятилѣтіе со дня основанія 1-го и 2-го Гвардейскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ. Торжество было приурочено ко дню церковнаго праздника. Къ этому юбилею мы задолго готовились путемъ собиранія денежныхъ средствъ, установивъ для этого особый ежемѣсячный вычетъ изъ нашего офицерскаго жалованія. Въ воздаяніе заслугъ баталіона, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, послѣ парада и завтрака во Дворцѣ, пожаловалъ командира баталіона, полковника Дельсаля, флигель-адъютантомъ. Командиръ л. гв. 1-го Стрѣлковаго Е. В. баталіона, генераль-маіоръ Розеншильдъ-фонъ-Паулинъ, былъ пожалованъ въ свиту. Кромѣ этого Государь оказалъ особо милостивое вниманіе обоимъ баталіонамъ, пригласивъ офицеровъ на обѣдъ въ Александровскомъ Дворцѣ, въ болѣе интимной обстановкѣ. Наконецъ послѣдовало посѣщеніе ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ офицерскаго собранія, каковое посѣщеніе будетъ описано ниже.

Шефъ л. гв. 2-го Стрѣлковаго баталіона (Царскосельскаго полка).

Послѣ трагической смерти 4-го февраля 1905 г. шефа баталіона, Великаго Князя СЕРГІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, павшаго отъ руки революціонера-террориста на отвѣтственномъ и важномъ посту Московскаго генераль-губернатора, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было назначить нашимъ Шефомъ Своего двоюроднаго брата Великаго Князя Дмитрія Павловича.

До этого времени будущій Шефъ, въ виду ранней потери своей АВГУСТЫЙШЕЙ Матери, Великой Княгини АЛЕКСАНДРЫ ГЕОРГИЕВНЫ, воспитывался въ Москвѣ подъ руководствомъ Великаго Князя СЕРГІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и Великой Княгини ЕЛИСАВЕТЫ ФЕОДОРОВНЫ. Со смертью же дяди Великій Князь ДМИТРІЙ ПАВЛОВИЧЪ переѣхалъ на жительство въ Царское Село. Наблюденіе надъ Его воспитаніемъ приняли на себя лично Государь ИМПЕРАТОРЪ и Государыня ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА, отечески къ нему расположенные. Непосредственное воспитаніе Его поручено было генераль-маіору Лаймингу.

Назначеніе Великаго Князя Шефомъ состоялось въ день баталіоннаго праздника, перенесеннаго въ томъ году, въ виду страстной недѣли, на 21-е апрѣля. Юному Шефу не было въ то время полныхъ 14-ти лѣтъ. По разсказу Его воспитателя, когда онъ утромъ впервые увидѣлъ пожалованный ему Государемъ мундиръ нашего баталіона, то искренно обрадовался и поцѣловалъ этотъ мундиръ. До этого Онъ уже состоялъ шефомъ 11-го гренадерскаго Фанагорійскаго полка.

Передъ баталіономъ своихъ стрѣлковъ ЕГО ВЫСОЧЕСТВО впервые предсталъ на церковномъ парадѣ, сопровождая Государя при обходѣ имъ фронта. По окончаніи обхода и молебна ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, какъ всегда, обратился къ празднующимъ частямъ съ привѣтственнымъ словомъ, послѣ котораго объявилъ нашему баталіону о назначеніи Имъ Шефомъ Своего двоюроднаго брата, въ воздаяніе ревностной службы баталіона Ему и Родинѣ.

Для того, чтобы ближе ознакомить новаго Шефа съ Его стрѣлками, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО выразилъ желаніе лично привезти Великаго Князя въ расположеніе баталіона и посѣтить съ нимъ офицерское собраніе. И это свое желаніе Государь высказалъ вскорѣ командиру баталіона на одномъ изъ воскресныхъ завтраковъ во Дворцѣ, къ каковымъ приглашались обыкновенно командиры частей Царскосельскаго гарнизона.

Въ пазначенный день состоялся пріѣздъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА съ Шефомъ. Для встрѣчи Высокихъ Гостей стрѣлки были выстроены шпалерами между казармами по направленію къ офицерскому собранію, куда и прослѣдовали Государь и Великій Князь. Въ собраніи былъ сервированъ чай съ фруктами и тортами. Послѣ чая Государь съ Шефомъ удостоили офицеровъ сняться съ ними въ общей группѣ.

Для ознакомленія Великаго Князя съ воинской выправкой, отданіемъ чести и преподаванія вообще начатковъ строевого обученія, по ВЫСОЧАЙШЕМУ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА повелѣнію, фельдфебель ЕГО ВЫСОЧЕСТВА роты Моисей Пчелкинъ былъ назначенъ инструкторомъ къ Великому Князю. Впослѣдствіе фельдфебель Пчелкинъ доблестно палъ въ Міровой войнѣ, будучи сраженъ снапомъ разорвавшейся передъ нимъ шрапнели (26 авг. 1914 г.).

По достиженіи Великимъ Княземъ неполныхъ еще 18-ти лѣтъ Ему предстояло отбыть краткій лагерный сборъ для практическаго ознакомленія со строевой пѣхотной службой. Съ этой цѣлью, лѣтомъ 1909-го года, въ теченіе около полутора мѣсяца, ЕГО ВЫСОЧЕСТВО несъ службу младшаго офицера въ ротѣ Его Имени подъ командой капитана П. В. Панпушко. Продолжая жить въ Большомъ Царско-сельскомъ Дворцѣ, Великій Князь ежедневно пріѣзжалъ на занятія въ роту, проводя свободное время въ кругу офицеровъ въ офицерскомъ собраніи.

Это пребываніе ЕГО ВЫСОЧЕСТВА въ близкомъ, товарищескомъ общеніи съ офицерами, простота и доступность обращенія, открытый живой характеръ и наблюдательный умъ влекли къ Нему общія симпатіи и оставили у всѣхъ служившихъ въ то время офицеровъ неизгладимую память.

Черезъ 2 года послѣ этого ЕГО ВЫСОЧЕСТВО вступилъ въ службу корнетомъ л. гв. въ Конный полкъ, съ каковымъ выступилъ потомъ на войну и въ рядахъ коего, исполняя отвѣтственное боевое порученіе, удостоился награжденія орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

Офицерскій составъ и особенности взаимоотношенія офицеровъ.

Офицерскій составъ баталіона (полка) не былъ вполне однороденъ ни по образованію, ни по сословному происхожденію, ни по степени матеріальной обеспеченности для службы въ Гвардіи. Былъ цѣлый рядъ офицеровъ, имѣвшихъ высшее образованіе — Императорскій Александровскій лицей, университетъ, академія Генеральнаго Штаба, но большая часть имѣла дипломы средней школы — кадетскаго корпуса или гимназій и военнаго училища.

Были дворяне по происхожденію, и таковыхъ было большинство, но были дворяне и по выслугѣ этого званія ихъ отцами или дѣдами. Особенно богатыхъ офицеровъ въ баталіонѣ вообще не было.

Нѣкоторые имѣли небольшія помѣстья, другіе получали денежную подмогу отъ родителей.

Общій уровеньъ жизни отличался относительной простотой, отсутствіемъ какого-бы то ни было внѣшняго блеска. Такое направленіе жизни вошло какъ-бы въ традицію и, при приѣмѣ въ баталіонъ молодыхъ офицеровъ, не было погони ни за родовитостью, ни за матеріальнымъ состояніемъ принимаемаго, стремленіе къ чему замѣчалось въ нѣкоторыхъ гвардейскихъ частяхъ. Руководились главнымъ образомъ строевыми и нравственными качествами выбираемыхъ кандидатовъ.

Господствовавшій среди офицеровъ духъ единенія и истиннаго товарищества отнюдь не мѣшалъ развитію между ними правильныхъ служебныхъ отношеній. И послѣднія являли собою высокій образецъ дисциплины. Чинопочитаніе распространялось не только на старшихъ чинномъ, но и на старшихъ по выпуску въ томъ же чинѣ. При этомъ оно касалось не только внѣшней стороны отношеній — оказанія почестей въ строю и соблюденія правилъ воинской вѣжливости въ строю, доведенныхъ порою до щепетильности, — но и внутренней — признанія авторитета старшихъ товарищей въ отношеніи всего служебнаго и бытового уклада жизни баталіона. Это была прекрасная школа для развитія послушанія и благородства. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта внутренняя дисциплина еще болѣе укрѣпляла и сплачивала офицерскій составъ.

Въ общемъ баталіонъ нашъ и въ отношеніи служебномъ, и бытовомъ имѣлъ свою опредѣленную фیزیономію, не зависившую отъ иногда часто смѣнявшихся командировъ. Корпусъ офицеровъ являлся настоящимъ фундаментомъ части. Командирамъ представлялось только поддерживать высокій духъ части и рвеніе офицеровъ къ службѣ и не допускать отдѣльныхъ представителей офицерства до проявленія, въ силу естественной человѣческой слабости, нерадѣнія или упущеній по службѣ, а также поощрять успѣвающихъ.

Офицерское собраніе и музей.

Сравнительная замкнутость частной жизни офицеровъ приводила къ большому процвѣтанію офицерскаго собранія. Общеніе офицеровъ происходило здѣсь на почвѣ увлеченія игрой на билліардѣ, особенно популярной въ то время, за карточнымъ столомъ и за шахматами. Нѣкоторымъ собраніе давало возможность удовлетворять ихъ музыкальные интересы. Имѣлся рояль, подъ аккомпаниментъ котораго

выступалъ на своемъ модномъ въ старину корнетъ-а-пистонѣ П. В. Панпушко, на скрипкѣ Д. П. Кусковъ и др. Были и пѣвцы, среди которыхъ выдѣлялся своимъ недурнымъ голосомъ И. А. Добровольскій. Собраніе обладало довольно большой бібліотекой, въ которой, помимо беллетристики и всѣхъ значительныхъ въ то время журналовъ, имѣлось достаточное количество книгъ военно и обще-научнаго содержанія.

Первые годы описываемаго періода были годами смуты русскихъ умовъ и революціоннаго броженія. Большой интересъ представляло поэтому чтеніе газетъ различнаго направленія и обмѣнъ послѣ этого мнѣніями. Но интересъ этотъ отнюдь не возбуждался сочувствіемъ офицеровъ какому-нибудь оппозиціонному направленію русскаго общества того времени. Этимъ никто не былъ зараженъ.

Чтеніе было естественнымъ желаніемъ офицеровъ находиться въ курсѣ происходившихъ въ Россіи событій и общественныхъ настроеній. И только, когда, повелѣніемъ свыше, страна наша стала на путь либерально-демократическихъ реформъ, нѣкоторые офицеры поддались вліянію распространявшихся въ обществѣ идей конституціонализма и парламентаризма, оставаясь, впрочемъ, по существу своему все-же наиболѣе консервативнымъ элементомъ русскаго общества.

Были офицеры прикосновенные къ литературной работѣ. Такъ капитанъ Е. К. Завадскій сотрудничалъ въ журналѣ „Наблюдатель“. Извѣстенъ былъ его трудъ, посвященный роли еврейства въ русской и міровой жизни, подъ заглавіемъ — „Государство въ государствѣ“.

Несмотря на сравнительную молодость баталіона, онъ имѣлъ уже свою, хотя и краткую, исторію. И его боевое прошлое — участіе въ усмиреніи Польскаго возстанія (1863 г.) и въ Русско-Турецкой войнѣ (1877-78 г.), а также значительныя событія изъ жизни мирнаго времени, всегда возбуждали живой интересъ у офицеровъ. Но памятники прошлаго недостаточно береглись, были разбросаны, о существованіи нѣкоторыхъ вовсе не знали. Пока офицерское собраніе заключалось лишь въ 4-хъ сравнительно небольшихъ комнатахъ стариннаго зданія, трудно было что-нибудь въ этомъ отношеніи сдѣлать. Но съ постройкой новаго роскошнаго собранія, открывалась возможность создать музей баталіона. Починъ въ этомъ дѣлѣ принялъ на себя одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ офицеровъ того времени капитанъ А. П. Буковской.

Одушевленный любовью къ баталіону и его прошлому и вооруженный высшимъ военнымъ образованіемъ, А. П. сталъ тщательно собирать и изучать все то, что могло имѣть историческое значеніе. Составивъ всему подробную опись, онъ выдѣлилъ предметы, имѣвшіе особую цѣнность, изъ которыхъ и образовался музей. Вещи же, имѣвшія историческое значеніе, но составлявшія украшеніе комнатъ собранія (портреты Высочайшихъ Особъ и офицеровъ), или принадлежавшія къ обиходу столовой (жалованные кубки, чарки и серебряные приборы Высочайшихъ Особъ и др.), были лишь взяты на учетъ и приведены въ порядокъ. Обмундированіе покойныхъ ИМПЕРАТОРОВЪ АЛЕКСАНДРА II-го и АЛЕКСАНДРА III-го, также принадлежа къ музею, хранилось въ церкви (описаніе музея см. въ приложеніи).

Продолжателемъ дѣла по поддержанію и развитію музея явился впоследствии штабсъ-капитанъ С. В. Нагаевъ, интересовавшійся помимо военнаго дѣла археологіей и получившій соответствующее образованіе въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Археологическомъ институтѣ. Имъ была составлена и напечатана „Памятка Царскосельскаго Стрѣлка“, содержащая краткія историческія свѣдѣнія о прошломъ нашего баталіона.

Службою просвѣтительнымъ цѣлямъ и невиннымъ развлеченіямъ не исчерпывалась однако роль въ нашей жизни офицерскаго собранія. Столовая собранія, удовлетворяя потребности имѣть хорошей и недорогой обѣды, являлась вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ объединенія офицеровъ за стаканомъ вина и рюмкой водки. Объединеніе бывало официальнымъ — въ дни разнаго рода торжествъ, и частнымъ — по почину особыхъ любителей дружеской бесѣды, вдохновляемой виномъ. Любителей этихъ пирушекъ въ старину бывало немало. Среди нихъ попадались и высшія начальствующія лица, какъ напр. доблестный въ служебномъ отношеніи Начальникъ Гвардейской Стрѣлковой бригады генераль-лейтенантъ С.

Для насъ, молодыхъ офицеровъ, участіе въ кутежахъ въ офицерскомъ собраніи являлось почти обязательнымъ. Уклонявшихся или почему-либо отсутствовавшихъ вызывали изъ ихъ квартиръ, не считаясь ни съ временемъ, ни съ нахожденіемъ ихъ въ постели. И нужна была немалая стойкость характера, чтобы удерживаться отъ излишествъ и не пристраститься къ вину вообще. Иные на этомъ спотыкались. Положеніе наше отяжелялось еще и тѣмъ, что существовало правило, по которому въ случаѣ нахожденія въ собраніи, въ каче-

ствѣ гостя, кого-либо изъ постороннихъ военныхъ чиновъ, молодые и, особенно, холостые офицеры не должны были покидать собранія во все время пребыванія гостя.

Торжество освященія церкви и открытія новаго собранія и жизнь послѣдняго.

Большимъ событіемъ, связаннымъ съ офицерской и баталіонной жизнью вообще, явилось освященіе въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ присутствіи новаго храма, построеннаго на замѣну приспособленной въ полковомъ манежѣ временной церкви. Храмъ былъ небольшой и не могъ вмѣстить всего баталіона, но онъ былъ соединенъ аркой съ манежемъ, составляя съ нимъ какъ-бы одно зданіе, но съ поднятой крышей, маковкой и колокольней. Стиля опредѣленнаго не имѣлъ, т. к. строился самымъ экономическимъ образомъ на пожертвованные деньги и кирпичъ. Главнымъ жертвователемъ былъ московскій купецъ и милліонеръ Протопоповъ, которому командиръ выхлопоталъ за это награжденіе орденомъ, кажется Св. Владиміра 4-й степени.

Внутри храмъ былъ украшенъ дубовымъ, рѣзной работы иконостасомъ, оставшимся отъ прежняго храма. Стѣны были покрыты живописью, причемъ фигуры священныхъ изображеній поражали своимъ, какъ помнится, особенно изможденнымъ видомъ, а общій фонъ — преобладаніемъ лиловыхъ тоновъ. Расписывалъ храмъ начинавшій художникъ-иконописецъ Чехонинъ, хотѣвшій, какъ говорили, составить себѣ на этой работѣ имя.

Но все дѣлалось на очень скромныя средства, собранныя неустаннымъ трудомъ командира баталіона, генераль-маіора Сергѣя Ивановича Кутепова, и нельзя было поэтому претендовать ни на архитектурныя достоинства храма, ни на выдержанность стиля его внутреннихъ фресокъ. Храмъ, въ общемъ, производилъ впечатлѣніе благолѣпія и давалъ извѣстную настроенность. Онъ являлся приходскимъ храмомъ для жителей ближайшихъ селеній. Ктиторомъ его былъ капитанъ П. В. Панпушко, а впослѣдствіе — капитанъ А. А. Стессель. Во время войны подъ храмомъ была устроена усыпальница для павшихъ въ бояхъ офицеровъ.

Съ освященіемъ храма было соединено и открытіе новаго, прекрасно устроеннаго и украшеннаго изящной обстановкой офицерскаго собранія. На меблировку его, въ теченіе ряда лѣтъ, собирались соответствующія средства путемъ ежемѣсячныхъ вычетовъ изъ жалованія.

Посвящені Государемъ Императоромъ и Шефомъ баталіона Великимъ Княземъ Дмитріємъ Павловичемъ офицерскаго
собранія баталіона, весною 1905 г. (стр. 27).

Шефъ л. гв. 2-го стрѣлковаго баталіона и л. гв. 2-го
стрѣлковаго Царскосельскаго полка Великій Князь
Дмитрій Павловичъ

О церкви почему-то не думали и заслуга постройки ея всецѣло принадлежитъ С. И. Кутепову, который, скончавшись въ 1905 г. отъ удара, въ ней же и былъ погребенъ.

Новое офицерское собраніе представляло собой часть зданія, заключавшаго офицерскія квартиры, и главнымъ своимъ фасомъ выходило въ Баболовскій паркъ. Въ верхнемъ его этажѣ помѣщались: двухсвѣтный залъ съ лѣпнымъ потолкомъ, украшенный хрустальною люстрой, канделябрами и портретами ИМПЕРАТОРОВЪ АЛЕКСАНДРА II и НИКОЛАЯ II и Шефа Великаго Князя СЕРГІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, съ мебелью изъ свѣтлаго клена съ зеленой обивкой; гостиная краснаго дерева съ тяжелыми малиновыми драпировками и столовая съ дубовой панелью и огромнымъ балкономъ, выходившимъ въ Баболовскій паркъ. Нижній этажъ заключалъ въ себѣ: вестибюль съ дубовой панелью и вѣшалками, приѣмную съ ковровой, восточнаго стиля мебелью, биллиардную, библіотеку, музей и комнату для дежурнаго по баталіону. На верхней площадкѣ лѣстницы, ведущей изъ вестибюля въ залъ, къ стѣнѣ была прибита большая мраморная доска съ выгравированными золотомъ фамиліями офицеровъ, имѣвшихъ ИМПЕРАТОРСКІЕ призы за стрѣльбу, а внизу, возлѣ лѣстницы, стояло огромное чучело медвѣдя. Сколько заботъ, вдумчиваго труда и денегъ было потрачено на это внѣшнее украшеніе нашей жизни!

Торжество освященія храма и открытія новаго собранія состоялось 19-го ноября 1904 г. въ присутствіи ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ II, Великаго Князя Главнокомандующаго ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА съ супругой Великой Княгиней МАРИЕЙ ПАВЛОВНОЙ и Шефа баталіона Великаго Князя СЕРГІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА. Государь и другіе Высокіе Гости выстояли весь длинный чинъ освященія церкви, послѣ чего удостоили офицеровъ принятіемъ приглашенія на трапезу — завтракъ, сервированный въ залѣ новаго офицерскаго собранія.

Приборы были приготовлены на нѣсколькихъ круглыхъ столахъ и такимъ образомъ офицеры легко могли видѣть и слышать Государя, съ которымъ за однимъ столомъ сидѣли конечно лишь старшіе чины. Это было первое посѣщеніе ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ II нашего офицерскаго собранія и это было, кромѣ того, время наибольшаго напряженія военныхъ дѣйствій въ Манчжуріи. Поэтому мы съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за Государемъ и старались не пропустить Его словъ.

Вся Россія жила тогда надеждами на побѣду. Наша армія въ Манчжуріи возрастала; флотъ, подъ начальствомъ адмирала Рождественскаго, шелъ на Дальній Востокъ; Портъ-Артуръ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Стесселя, геройски отражалъ атаки японцевъ. Въ числѣ офицеровъ баталіона былъ сынъ генерала Стесселя. Государь оказалъ ему особо милостивое вниманіе, подозвавъ поручика Стесселя къ Себѣ и выпивъ за здоровье его отца. Послѣ этого мы ожидали пожалованія поручика Стесселя флигель-адъютантомъ, но Портъ-Артуръ скоро былъ сданъ японцамъ и слава начальника его обороны смѣнилась впоследствии судомъ.

Съ окончаніемъ Японской кампаніи какъ-то скоро забылись скорбь и тяжелыя потери Россіи и жизнь вошла въ свою обычную колею. Оживилось и наше собраніе, въ жизнь коего стали врываться нововведенія. Устроенное съ расчетомъ на гостей и приемы, оно приняло въ себя отсутствовавшій дотолѣ женскій элементъ. Были назначаемы дни, разъ въ двѣ недѣли, когда въ собраніе приглашались баталіонныя дамы. Появленіе ихъ повлекло за собою устройство танцевъ, что вылилось впоследствии въ настоящіе танцевальныя вечера, съ приглашеніемъ барышень и, въ качествѣ танцоровъ, офицеровъ другихъ частей, большей частью нашихъ друзей — стрѣлковъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Гостямъ подавался чай, а впоследствии и ужинъ. Игралъ баталіонный оркестръ, съ дополненіемъ въ антрактахъ рояля, за который садились любители.

Другимъ нововведеніемъ было устройство ежемѣсячныхъ и обязательныхъ, такъ называемыхъ „товарищескихъ обѣдовъ“, съ участіемъ въ нихъ старослуживыхъ офицеровъ. Заимствованное отъ другихъ частей Гвардіи, гдѣ не было такой близкой и сплоченной жизни, оно не вызывалось для насъ необходимостью искать общенія между офицерами, а преслѣдовало лишь цѣль поддержанія дружескихъ связей со старыми товарищами, уходившими изъ баталіона на другіе роды службы. Семейные офицеры стремились, впрочемъ, къ этому и изъ другихъ побужденій, ища лишняго повода отдохнуть отъ „домашняго уюта“, проведя вечеръ въ кругу однополчанъ.

Жизнь семейная. Приемы у баталіонныхъ дамъ и командира баталіона.

Общеніе офицеровъ съ семьями своихъ однополчанъ было весьма оживленнымъ. Въ большинствѣ своемъ семейные жили довольно от-

крыто и жены ихъ постоянно принимали у себя всѣхъ офицеровъ баталіона. Именины, дни свадебъ и прочіе табельные дни являлись обычно поводомъ для общаго сбора. Особеннымъ гостепріимствомъ славились семьи Малиновскихъ, Седергольмъ, Панпушко и Катываевыхъ. Въ заботахъ объ устройствѣ судьбы холостыхъ офицеровъ, по свойственной женщинамъ склонности, нѣкоторыя изъ дамъ любили устраивать у себя встрѣчи и знакомства офицеровъ съ кѣмъ либо изъ близкихъ родственницъ или подругъ и оказывать содѣйствіе браку. Усилія ихъ не остались тщетными. Извѣстны три случая устроенныхъ такимъ образомъ свадебъ.

Чтобы скрасить жизнь неизмѣвшимся знакомствъ офицерамъ, семейные приглашали ихъ часто запросто, на обѣдъ или къ вечернему чаю, при чемъ приглашеннымъ зачастую бывалъ скучающій въ праздничный день, когда всѣ разъѣзжались, дежурный по баталіону офицеръ. Нѣкоторыя изъ дамъ устраивали журъ-фиксы или фэйфъ-о-клокъ-ти. Изъ послѣднихъ мнѣ памятна „четверги“ у матери ротной командирши Надежды Анатоліевны Буковской.

Въ бытность командиромъ баталіона С. И. Кутепова у него также устраивались „четверги“ съ карточной игрой и обильнымъ угощеніемъ за ужиномъ. Посѣщеніе ихъ приравнивалось къ исполненію служебныхъ обязанностей, и пропустившаго четвергъ офицера ожидалъ строгій допросъ командира о причинахъ его отсутствія. Семья С. И. Кутепова и онъ самъ проявляли большое радушіе. Дамамъ бывало скучновато, т. к. въ карты многія изъ нихъ не играли и, въ свою очередь, было мало неиграющихъ въ карты офицеровъ, такъ что занимать ихъ было некому. „Для развлеченія дамъ“, какъ выражался С. И. Кутеповъ, онъ сажалъ иногда меня за рояль. Только за ужиномъ происходило общее оживленіе.

Такія же „среды“, сопровождаемыя тѣмъ же радушіемъ, происходили въ семьѣ младшаго штабъ-офицера полковника А. М. Малиновскаго, впоследствии командира л. гв. Кекегольмскаго полка, женатаго на дочери генералъ-адъютанта Паткуля, личнаго друга ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го.

При жизни семейныхъ офицеровъ въ ограниченномъ районѣ казармъ, баталіонныя дамы очень близко входили не только въ служебную сторону жизни, но и во внутренній бытъ своихъ офицеровъ, куда не должно бы было проникать ихъ женское любопытство. Явленіе это было нежелательнымъ.

Въ концѣ концовъ эта скученность жизни, со слишкомъ частыми встрѣчами холостыхъ офицеровъ съ женами своихъ однополчанъ, не проходила безслѣдно. На пути этомъ представлялись соблазны, побѣждавшіе иногда голосъ чести и совѣсти. Это печальное явленіе, сопутствовавшее жизни „маленькихъ гарнизоновъ“, сопровождалось у насъ разстройствомъ нѣкоторыхъ семей и разбитыми жизнями.

Но при этомъ надо однако замѣтить, что общественная офицерская совѣсть никогда не мирилась съ этого рода явленіями. Если къ распущенной жизни холостыхъ относились вообще снисходительно, считая ее будто-бы неизбежной, то только до тѣхъ поръ, пока эта распущенность не затрагивала семейную честь офицера. Въ послѣднемъ же случаѣ „Судъ Общества Офицеровъ“ беспощадно каралъ виновнаго исключеніемъ его изъ баталіона, предоставляя впрочемъ возможность устройства на другой родъ службы. Обычныхъ въ старину дуэлей на этой почвѣ у насъ не происходило.

Православная Вѣра и Церковь въ жизни баталіона (полка) и ихъ значеніе на войнѣ.

Вѣроятно нигдѣ во всемъ мірѣ, кромѣ Россіи, не удѣлялось столько вниманія и не прилагались такія усилія къ тому, чтобы всѣ войсковыя части арміи получали возможность удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей, причемъ это касалось не только православныхъ, но, отчасти, и иновѣрцевъ. У насъ были войсковыя священники и войсковыя храмы. Посѣщеніе праздничныхъ богослуженій было для нижнихъ чиновъ обязательнымъ. Соблюдались посты. Одинъ разъ въ годъ, въ Великомъ посту, всѣ говѣли и приобщались Св. Таинъ.

Такимъ образомъ порядокъ жизни церковной, въ которой массы русскихъ простолюдиновъ въ общемъ воспитывались съ дѣтства, съ поступленіемъ ихъ на военную службу не прерывался. Обиходъ казарменной жизни также включалъ въ себя эту религіозную сторону въ видѣ вечернихъ и утреннихъ молитвъ, ротныхъ праздниковъ, молебновъ по разнымъ случаямъ, какъ напр. выходъ въ лагерь, приведеніе къ присягѣ и проч.

На всемъ распорядкѣ нашей военной жизни лежала печать православія и церковности. Но отвѣчало ли это дѣйствительному состоянію душъ русскихъ воиновъ и моральному уровню жизни?

Увы, далеко не всегда, въ особенности по отношенію офицерства. Какъ и во всемъ русскомъ обществѣ того времени церковность въ военной средѣ не столько была выраженіемъ истинной настроенности душъ, сколько лишь соблюденіемъ обычая, установившейся традиціи. Она была формой жизни, а не духомъ ея.

Русское офицерство не сознавало великаго значенія православія ни въ отношеніи всей жизни вообще, ни въ примѣненіи къ ратному дѣлу и часто формально относилось къ самымъ основнымъ требованіямъ религіи. Поэтому нельзя было ожидать проявленія съ его стороны серьезныхъ усилій къ тому, чтобы внести и въ религіозную жизнь солдата больше сознательности и использовать ее въ военно-воспитательныхъ цѣляхъ.

Къ выполненію этой высокой роли не готовила русскаго офицера и наша военная школа. Въ ней больше бывало теоретическаго преподаванія и заучиванія истинъ вѣры, чѣмъ воспитанія въ духѣ христіанской жизни, чѣмъ стремленія къ выработкѣ въ будущихъ руководителяхъ христолюбиваго воинства нравственнаго христіанскаго характера. Въ системѣ преподаванія, такъ наз. „Закона Божьяго“, не было цѣльности, наоборотъ — искусственное дробленіе на несвязанные между собою отдѣлы. Христіанская мораль не вытекала изъ догматики и въ основѣ этой морали лежала идея долга, а не любви.

Въ результатѣ такой постановки дѣла въ военной школѣ, при столкновеніи молодыхъ офицеровъ съ жизнью и ея многочисленными соблазнами и при воздѣйствіи старшей товарищеской среды, отъ христіанскаго воспитанія, заложеннаго часто въ семьѣ, но не углубленнаго въ школѣ, оставалось немного. Отступленіе же въ жизни вело постепенно къ потерѣ и правильнаго христіанскаго міровоззрѣнія. Критическій духъ и вольномысліе, иногда увлеченіе модными антихристіанскими направленіями мысли, являлись удѣломъ многихъ.

Не исправляло положенія и то, что каждая войсковая часть имѣла своего духовнаго руководителя — священника. Духовный санъ вообще не всегда пользовался среди офицеровъ подобающимъ почетомъ и уваженіемъ, чему, впрочемъ, въ иныхъ случаяхъ поводъ давали и сами носители этого сана. Но въ солдатской средѣ, по воспринятой еще въ деревенской жизни традиціи, къ священнику относились съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Его, какъ непринявшаго къ корпораціи господъ, нижніе чины считали къ себѣ ближе, чѣмъ офицеровъ.

Полковой батюшка не былъ членомъ офицерскаго собранія, а лишь приглашался въ качествѣ гостя. Присутствіе его не было замѣтно и голосъ его, какъ представителя Церкви, не слышался тамъ ни въ дни какихъ-либо торжествъ, ни въ обычное будничное время. Онъ не являлся желаннымъ гостемъ и въ частной офицерской жизни. Трудно было ему, при этихъ условіяхъ, оказывать какое нибудь вліяніе на нравственный уровень этой жизни. Роль его опредѣлялась лишь церковными службами съ поученіемъ, требами въ установленныхъ случаяхъ и веденіемъ специальныхъ бесѣдъ съ солдатами въ назначенные по расписанію дни и часы.

Отношеніемъ офицеровъ къ служителю Божію опредѣлялось и отношеніе къ Богу. Такъ, посѣщая богослуженіе, тяготились его обычной длительностью, немного превышавшей часъ, и одинъ изъ командировъ, будучи по своему религіознымъ, но отражая общее настроеніе, указывалъ полковому священнику на невозможность якобы удерживать вниманіе при „столь долгой церковной службѣ“.

Но были среди офицеровъ баталіона и положительные примѣры. Такъ своей религіозной настроенностью, не исключавшей, конечно, свойственныхъ каждому недостатковъ, любовью къ богослуженію и заботами объ украшеніи храма выдѣлялся строитель нашей церкви командиръ баталіона генераль-маіоръ С. И. Кутеповъ, а изъ круга офицеровъ — ктиторъ церкви капитанъ П. В. Панпушко и подпоручикъ С., способный, выдѣлявшійся изъ общей среды офицеръ.

Только война и послѣдовавшая затѣмъ революція всколыхнули мертвѣвшія души и пробудили религіозныя стремленія у ряда нашихъ однополчанъ. Такъ нѣкоторые изъ нихъ, пройдя въ свое время этапы грѣховныхъ соблазновъ и увлеченія ими, семейныхъ драмъ и разочарованія жизнью, а въ годы войны и смуты — страданій въ связи съ раненіями или контузіей и тяжелыхъ нравственныхъ переживаній, измѣнили направленіе своей жизни и стали на путь богоискательства.

Среди этихъ лицъ ярко свѣтится образъ полковника Федора Валеріановича Крузе съ его мало извѣстнымъ намъ подвигомъ необыкновеннаго духовнаго перерожденія. Путь его нравственнаго переворота таковъ. Въ должности старшаго штабъ-офицера онъ сопровождаетъ въ атакѣ павшаго въ первомъ бою командира полка генераль-маіора Д. Н. Пфейфера и получаетъ тяжелое раненіе въ голову. Въ результатъ борьбы между жизнью и смертью Ф. В. сталъ поправляться, но у него остается непоправимое увѣчье — хромота.

Съ тѣхъ дней измѣнилось его настроеніе. Онъ глубоко задумывается надъ смысломъ жизни и духовною сущностью человѣка и отдается чтенію соотвѣтствующихъ книгъ. Это приводитъ его въ Георгіевскій монастырь подъ Севастополемъ. При эвакуаціи Крыма во время борьбы съ большевиками Федоръ Валеріановичъ попадаетъ сначала въ Египетъ, а затѣмъ водворяется въ Болгаріи, въ Инвалидномъ домѣ на Шипкѣ съ его прекраснымъ храмомъ — памятникомъ. Здѣсь онъ окончательно стряхиваетъ съ себя все земное и грѣшное и, занимаясь ручнымъ трудомъ — выпиливаніемъ изъ дерева различныхъ фигуръ и предметовъ, весь отдается молитвѣ и аскетическимъ подвигамъ. Такъ напр., не иначе какъ босой, не исключая зимней стужи и снѣга, онъ ходилъ въ храмъ на богослуженіе. Вступавшихъ съ нимъ въ переписку нѣкоторыхъ однополчанъ онъ призывалъ къ молитвѣ и христіанской жизни. Такъ же безвѣстно, вдали отъ близкихъ, онъ мирно отдалъ свою душу Богу.

Наряду съ этимъ подвигомъ нравственнаго героизма полковника Крузе интересно отмѣтить и тотъ знаменательный фактъ, что въ рядахъ нашего баталіона, въ Добровольческой арміи, въ борьбѣ за поруганную Вѣру и Родину, подобно древнимъ инокамъ — воинамъ, подвизался съ оружіемъ въ рукахъ послушникъ Оптиной Пустыни Владиміръ Кургановъ, впоследствии Архимандритъ Амвросій, нынѣ покойный, рѣдкій въ современныхъ условіяхъ подвижникъ благочестія и создатель образцовой иноческой обители въ Сербской православной странѣ.

Въ свѣтѣ этого ратнаго подвига будущаго монаха-подвижника, — подвига, на который онъ шелъ съ благословенія старца Оптиной Пустыни, высокую нравственную и патріотическую цѣнность пріобрѣтаетъ участіе офицеровъ въ борьбѣ съ утвердившеюся въ Россіи коммунистической властью.

Побужденіемъ къ этому являлось не только безкорыстное желаніе послужить возрожденію Родины, но и возмущенное нравственное и религіозное чувство, ввиду антихристіанскаго направленія этой власти, въ которой болѣе чуткіе видѣли олицетвореніе мистической, темной силы на землѣ.

Только незначительное число офицеровъ Гвардіи и нашего полка въ частности подпало соблазну служенія Родинѣ при всякой формѣ и характерѣ власти, въ чаяніи возрожденія государственности Россіи изъ состоянія революціоннаго хаоса какъ бы черезъ голову этой власти,

но при ея временномъ содѣйствіи. При этомъ нѣкоторымъ изъ нихъ чудилось, что какъ знатоки и спеціалисты военного дѣла, безъ которыхъ нельзя обойтись, они, не принимая идеологіи новой власти, оставаясь какъ-бы аполитичными, займутъ якобы современемъ прочное и авторитетное положеніе въ странѣ и смогутъ тогда вліять на ходъ внутренней политической жизни Россіи. Послѣдній ходъ мыслей относится, впрочемъ, больше къ творцамъ Красной Арміи изъ среды офицеровъ Генеральнаго Штаба и нѣкоторыхъ высшихъ войсковыхъ начальниковъ.

Трагизмъ положенія всей этой части русскаго офицерства яснѣе выступитъ, если провести параллель между нимъ и оставшимся въ Россіи духовенствомъ. Извѣстно, что послѣ кончины Святѣйшаго Патриарха Тихона на путь соглашенія съ безбожною властью, въ надеждѣ на сохраненіе Церкви и обезпеченіе духовныхъ интересовъ вѣрующихъ, вступилъ рядъ іерарховъ во главѣ съ Митрополитомъ Сергіемъ и съ ними рядовое духовенство.

Однако, какъ уклоненіе офицеровъ отъ своего христіанскаго долга — поднятія оружія на безбожниковъ и осквернителей святынь, такъ и части православнаго духовенства — по отстаиванію истины духовнымъ мечомъ — не принесли ожидаемыхъ благъ ни русской государственности, ни Церкви.

Послѣдняя не получила легализаціи, а гоненія за вѣру не прекратились. Въ сердца же истинно-вѣрующихъ внесень былъ соблазнъ и разочарованіе. При этомъ служители Божіей Правды поставили себя въ положеніе покорныхъ слугъ органовъ сатанинской власти и, не смотря на эту покорность, въ большинствѣ своемъ все же подверглись впоследствии заключенію въ тюрьму или ссылкѣ, но уже не за отстаиваніе церковной истины и не въ ореолѣ исповѣдничества, а за неуплату налоговъ и другія гражданскія провинности.

А старое кадровое офицерство, вмѣсто высокаго и почетнаго положенія въ странѣ, за немногими исключеніями, такъ же безславно сошло со сцены, уступивъ свое мѣсто молодымъ и частью ими же подготовленнымъ коммунистамъ.

Отмѣченный выше религіозный укладъ и церковныя начала, которыми проникнуть былъ бытъ русской арміи, не были оцѣнены и использованы руководителями этой арміи, ни въ мирное, ни въ военное время, т. к. сами руководители большей частію не имѣли въ себѣ подлиннаго христіанскаго духа. Къ этому склонялось положеніе ве-

щей по крайней мѣрѣ въ послѣднія времена существованія Императорской Русской Арміи, времена заката ея боевой славы.

Между тѣмъ сила нашей арміи издревле больше всего заключалась въ ея религіозномъ духѣ, въ особой настроенности воиновъ въ отношеніи своего христіанскаго долга. Представляя собой плоть отъ плоти и кость отъ кости человѣка древней Святой Руси, воинъ русской исповѣдывалъ въ своей жизни и міровоззрѣніе этого человѣка. Такъ, напримѣръ, борьба съ невѣрными, угрожавшими Родинѣ, представлялась подвигомъ христіанской любви, а смерть на войнѣ — какъ мученичество за Христа или за Святую Православную Церковь.

Развитію этихъ особенностей міровоззрѣнія русскаго воина много способствовало то, что на всемъ протяженіи нашей отечественной исторіи защита родной земли отъ враговъ всегда неразрывно связывалась съ защитой Православной Вѣры, причемъ этой защитой вѣры обуславливались не только тѣ войны, которыхъ цѣлью являлась непосредственная оборона Государства, но также и тѣ, кои по внѣшности имѣли завоевательный характеръ, но по существу были направлены къ освобожденію поработенныхъ православныхъ народѣвъ, какъ, напримѣръ, всѣ наши войны съ турками.

Отсюда, изъ этого религіозно-патріотическаго одушевленія и изъ исканія подвига живой вѣры и любви, исходила та необыкновенная стойкость въ бояхъ и терпѣніе въ несеніи тягостей и невзгодъ боевой и походной жизни, которыя на протяженіи столѣтій проявляли наши войска. Можно сказать, что и самая храбрость и мужество въ бояхъ у значительной части воиновъ зависели отъ ихъ христіанской настроенности, отъ сознанія, что, жертвуя жизнью „за други своя“, они дѣлаютъ это во имя Христова, ибо Церковь въ лицѣ своихъ предстоятелей всегда благословляла на войну.

Многіе знаютъ по личному опыту, что въ ряду сложныхъ душевныхъ переживаній при опасныхъ и отвѣтственныхъ положеніяхъ въ бою немалую роль играло у нихъ религіозное чувство. И движимые сознаніемъ религіознаго долга и направляемой этимъ долгомъ внутренней борьбой съ собою, они проявляли рѣшительность и храбрость, къ которымъ по природѣ своей можетъ быть и не были способны.

Зная все это и будучи часто сами проникнуты высокимъ религіознымъ духомъ до подлиннаго аскетизма въ своей жизни включительно, какъ это было у Суворова, великіе русскіе полководцы вдохновляли свои войска къ боямъ, обращаясь къ самымъ возвышеннымъ

струнамъ человѣческой души — ея религіозному чувству. Поэтому-то молитва передъ боемъ, пронесеніе передъ фронтомъ войскъ чудотворной иконы, горячее слово съ призываніемъ благодатной помощи свыше, являлись съ ихъ стороны обычнымъ средствомъ, чтобы поднять у воиновъ храбрость и мужество. И средства эти постольку были дѣйствительны, поскольку воины были къ нимъ подготовлены церковно-религіознымъ укладомъ всей русской жизни вообще.

Такимъ образомъ тотъ принципъ военнаго дѣла, который принято называть „преобладаніемъ духа надъ матеріей“, или „господствомъ нравственныхъ началъ надъ матеріальными“, осуществлялся въ боевой жизни русской арміи черезъ развитіе вѣры и благочестія въ средѣ нашего народа. Укорененіе же и развитіе въ душахъ воиновъ этихъ началъ, забытыхъ въ послѣднее время, составляли основную проблему военнаго воспитанія. И въ лучшія времена русской жизни, при отвѣчавшихъ своему назначенію начальникахъ, воспитаніе это стояло очень высоко.

Предѣломъ и недосыгаемымъ образцомъ его являлась постановка этого дѣла въ войскахъ, предводимыхъ Великимъ Суворовымъ. Извѣстно, что въ бытность его командиромъ Суздальскаго полка, онъ даже самъ училъ солдатъ истинамъ Православія и составилъ для нихъ молитвенникъ и катехизисъ. Вѣнцомъ всей работы Суворова являлось его словесное поученіе передъ боемъ: „Умирай за Домъ Богородицы (русская земля)! За Батюшку (Царя)! За Пресвѣтлѣйшій Домъ (Церковь)! Церковь Бога молить. Кто останется живъ, тому честь и слава!“ Только высокій религіозный духъ русской арміи, имъ же воспитываемый, могъ внушить геніальному полководцу подобныя вдохновляющія слова!

Состояніе нашихъ армій и народа въ эпоху минувшей Великой войны, какъ и предшествовавшей — Японской, уже не являло картины какого-либо религіознаго подъема. Но по чьей-то инициативѣ, въ 1916 году, все же была сдѣлана попытка воздѣйствовать на эту сторону войскъ провозомъ среди нихъ Владимірской иконы Божіей Матери. При тысячеверстномъ фронтѣ и опасности приближенія къ боевымъ линіямъ не многимъ конечно пришлось поклониться иконѣ Царицы Небесной, да и вся обстановка провоза, безъ надлежащей къ тому подготовки, не носила благоговѣйнаго характера. Кромѣ того, при длительности войны, этотъ случайный, единственный эпизодъ на пути

къ религіозному воодушевленію войскъ не могъ имѣть какого-нибудь значенія.

Однако въ силу природныхъ свойствъ русской души, блестящей выучки войскъ и самоотверженности офицеровъ армія наша явила немалый рядъ славныхъ подвиговъ героизма. Не разъ бывало и то, что части ея, большія и малыя, выходили изъ трудныхъ, критическихъ положеній. Несомнѣнно, что во всѣхъ такихъ случаяхъ незримая помощь Божія, творившая ранѣе по молитвамъ русскихъ людей чудеса, сопутствовала нашимъ войскамъ и въ этой послѣдней войнѣ, хотя путь ея и не былъ всегда побѣднымъ. Не смотря на слабость матеріальной подготовки къ войнѣ и тяжелыя потери изъ-за ошибокъ командованія, арміи наши не были побѣждены, пока сохраняли вѣрность данной передъ Богомъ присягѣ. Божественная помощь являлась и въ періодъ революціоннаго разложенія арміи, въ 1917 году, въ моменты неожиданныхъ вспышекъ слабѣвшаго религіознаго чувства. Памятенъ, на примѣръ, слѣдующій случай. Послѣ неудавшагося наступленія подъ Бржезанами (Галиція), въ іюнѣ 1917 года, полку, въ числѣ другихъ частей Гвардіи, предстояло вступить на позицію для смѣны участвовавшихъ въ дѣлѣ армейскихъ частей и повторенія наступленія. По установившемуся обычаю священникъ, передъ выступленіемъ нашимъ въ бой, благословлялъ обыкновенно крестомъ проходившія роты. Въ данномъ случаѣ онъ колеблется, боясь оскорбленія святыни со стороны разнузданной части солдатской массы. Послѣ разговора со мной онъ выходитъ.

Тутъ происходитъ чудо. Весь полкъ, четыре тысячи, какъ одинъ человекъ, благоговѣйно подходитъ ко кресту, что раньше вообще не практиковалось и выступленіе наше задерживается на 2 часа. Между тѣмъ время рассчитано такъ, чтобы мы успѣли подойти къ позиціи и вступить въ назначенные окопы подъ покровомъ темноты и, до наступленія разсвѣта, закончить всю процедуру смѣны. Въ противномъ случаѣ полкъ подвергался опасности разстрѣла непріятельской артиллеріей.

Но случилось такъ, что нѣмцы взяли подъ обстрѣлъ слезоточивыми бомбами предназначенный намъ участокъ позиціи какъ разъ въ назначенные для смѣны часы, а запоздавшій полкъ, остановленный мной въ это время на безопасной дистанціи, выждалъ окончанія канонады и, подъ покровомъ подымавшагося утренняго тумана, благополучно завершилъ свою смѣну.

ВЫСОЧАЙШІЯ посѣщенія баталіона (полка).

Во вторую половину своего царствованія ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II сталъ проявлять особую близость къ офицерамъ. Пребываніе Его въ ихъ кругу, въ офицерскомъ собраніи, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Царскосельскаго гарнизона, не ограничивалось случаями особыхъ торжествъ, каковымъ на примѣръ было у насъ освященіе церкви, но становилось обычнымъ явленіемъ.

Послѣ упомянутыхъ посѣщеній нашего собранія при освященіи церкви и послѣ назначенія Шефомъ Великаго Князя ДМИТРІЯ ПАВЛОВИЧА, Государь зимою, въ началѣ 1906 года, въ сопровожденіи Дворцоваго Коменданта свиты Его Величества генерала Трепова, неожиданно прибылъ въ расположеніе казармъ и посѣтилъ баталіонный тиръ во время практическаго упражненія въ стрѣльбѣ одной изъ ротъ.

Въ томъ же 1906 г., въ ознаменованіе 50-ти лѣтняго юбилея баталіона, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО выразилъ желаніе провести вечеръ, черезъ нѣсколько дней послѣ праздника, въ кругу офицеровъ въ нашемъ собраніи. Къ назначенному часу, для встрѣчи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, офицеры были выстроены въ вестибюлѣ. Ровно въ 8 часовъ прибылъ Государь. Дежурный по баталіону подошелъ съ рапортомъ. Затѣмъ Государь обошелъ всѣхъ офицеровъ, подавая каждому руку. Въ столовой былъ сервированъ обѣдъ, причемъ, ради исключительнаго случая (юбилея), онъ былъ заказанъ извѣстному въ Петербургѣ ресторану Кюба.

Послѣ обѣда приглашенный нами знаменитый балалаечный оркестръ В. В. Андреева далъ въ присутствіи Государя концертъ. Оркестръ этотъ, искусно скомбинированный изъ ряда старинныхъ народныхъ инструментовъ, каковыми, помимо балалаекъ и домръ, являлись гусли, свирѣли и проч., по силѣ звука, своеобразному колориту и необыкновенной виртуозности производилъ замѣчательное впечатлѣніе.

Государь, любившій все русское, остался очень доволенъ концертомъ и удостоилъ послѣ него бесѣдой талантливаго В. В. Андреева, который, обладая живой мимикой и даромъ рассказчика, показывалъ потомъ Государю, какъ прыгаетъ не умѣющій летать молодой вороненокъ и другія смѣшныя вещи. Пребываніе Государя въ собраніи затянулось до утра.

Въ послѣдующіе годы ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО посѣтилъ наше собраніе еще нѣсколько разъ. Причемъ всегда предупреждалъ коман-

дира, чтобы для приема Его не было специальных приготовлений, которые бы вводили офицеровъ въ расходъ. Но, несмотря на предупрежденіе, для развлечения Государя, а также чтобы продлить время Его пребывания у насъ, приглашались артисты ИМПЕРАТОРСКИХЪ и частныхъ театровъ. Въ одномъ случаѣ была приглашена вся труппа театра Миниатюръ Баліева, причемъ въ залѣ собранія устроена была сцена со всѣми необходимыми декораціями, привезенными изъ Петербурга. Въ другихъ случаяхъ приглашаемые артисты, въ началѣ вечера, послѣ обѣда, исполняли обыкновенно концертную программу, а къ концу приема Государя, за общимъ столомъ во время ужина, выступали въ качествѣ рассказчиковъ.

Были въ баталіонѣ и свои исполнители юмористическихъ рассказовъ и анекдотовъ. Среди нихъ выдѣлялся подпоручикъ Крутецкій. Въ рассказахъ доморощенныхъ артистовъ, сопровождаемыхъ соответствующей мимикой, представлялись картинки и сценки изъ нашей военной жизни и народнаго быта. Выходя изъ предѣловъ этикета, онѣ допускались лишь въ болѣе поздніе часы, когда ослабѣвала официальность всего хода въ приемѣ Государя. Офицеровъ живо интересовало — какое впечатлѣніе произведетъ на Него, привыкшаго лишь къ официальнымъ докладамъ, это иногда откровенное выявленіе въ смѣшныхъ чертахъ нашихъ военныхъ не порядковъ.

Чувствовалось, что это общеніе Государя съ офицерами давало Ему нравственный отдыхъ послѣ многотрудныхъ и тяжелыхъ государственныхъ дѣлъ и официальныхъ приемовъ. Но пребываніе Государя въ офицерскихъ собраніяхъ, затягивавшееся иногда до поздняго времени, не нарушало обычнаго распорядка Его жизни. Возвращаясь во Дворецъ, Онъ, послѣ краткаго отдыха, въ точно назначенный и немѣняемый часъ снова приступалъ къ исполненію своихъ вѣнценосныхъ обязанностей.

При своей необыкновенной памяти ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II зналъ всѣхъ офицеровъ баталіона, и когда мнѣ пришлось впоследствии, въ началѣ войны, лежать въ лазаретѣ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, то при бывшемъ посѣщеніи Государемъ лазарета и обходѣ Имъ раненыхъ офицеровъ, называвшихъ при этомъ свой полкъ и фамилію, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО остановилъ меня словами — „знаю, знаю“. Отраднo при этомъ вспомнить, съ какой любовью и состраданіемъ лично дѣлала намъ перевязки ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА. До слезъ растрогало меня, особенно первый разъ, какъ нѣжно, стараясь

не причинить боли, прикасалась она инструментами къ моей гноящейся, запущенной ранѣ, спрашивая все время не больно-ли и лично поправляя подушку. Кончавшихъ лѣченіе ИМПЕРАТРИЦА благословляла образкомъ и дарила краткій молитвенничекъ.

СЛУЖБА ЦАРЮ И РОДИНѢ.

Стрѣлковое дѣло.

Изстари повелось, что въ гвардейскихъ стрѣлковыхъ баталіонахъ стрѣльба составляла остовъ или основу всей ихъ военной подготовки. Все остальное должно было помогать обученію стрѣльбѣ. Занятія ею не ограничивались никакими оффиціальными расписаніями и сроками. Стрѣльба раздавалось въ тирѣ нерѣдко въ свободное отъ службы время, даже по праздникамъ. Это кто-нибудь изъ ротныхъ командировъ занимался съ малоуспѣвающими стрѣлками.

По тѣмъ труду и заботамъ, которые прилагались для усовершенствованія въ стрѣльбѣ, мы были настоящими огнепоклонниками. Но въ тѣ времена, и до, и послѣ Японской войны, при практическомъ обученіи войскъ, роль огня не дооцѣнивалась. Въ нашей арміи господствовала отсталая доктрина „ударной тактики“, по которой огонь являлся лишь средствомъ моральнаго воздѣйствія, подготовкой къ рѣшенію боя путемъ штыкового удара.

Любили при этомъ вспоминать Суворовскій афоризмъ — „пуля — дура, а штыкъ — молодецъ“, отбрасывая мѣняющее весь смыслъ афоризма начало — „стрѣляй рѣдко, да мѣтко“ и забывая относящееся сюда другое требованіе Суворова — „скорости заряда и цѣльности приклада“. И усердно занимались обученіемъ штыковому удару и колкѣ чучела, придавая этому исчезавшему способу борьбы на войнѣ чрезмѣрное значеніе.

Однако ни преклоненіе передъ штыкомъ въ частяхъ русской арміи, ни отсутствіе правильнаго представленія о силѣ дѣйствія и рѣшающей роли огня въ современномъ бою не имѣли вліянія на наши занятія стрѣльбой, какъ одиночной, такъ и частями, исходившія изъ иныхъ основаній — „Гвардейской Стрѣлковой“ традиціи.

Тонъ всему дѣлу обученія давали у насъ офицеры своимъ безпримѣрнымъ, отмѣченнымъ выше искусствомъ въ стрѣльбѣ. Для достиженія же послѣдняго, помимо обязательной еженедѣльной стрѣльбы, часто съ присутствіемъ на ней командира, офицеры тренировались въ

ней постоянно. Не ограничиваясь самой стрѣльбой, занимались кромѣ того и прикладкой, дома и въ ротѣ.

До введенія остроконечной пули и ускоренной стрѣльбы, практическія упражненія офицеровъ состояли въ стрѣльбѣ по мишенямъ въ ростъ человѣка, на дистанціи въ 400 шаговъ. Для попаданія требовалась необыкновенная точность горизонтальной наводки, т. к. мишень на такомъ разстояніи представлялась лишь тонкой линіей. Упражненіе было прозвано стрѣльбой по „карандашамъ“.

Ни въ чемъ такъ охотно не шли офицеры навстрѣчу своимъ командирамъ, какъ въ ихъ начинаніяхъ, клонившихся къ усовершенствованію баталіона въ стрѣльбѣ. Послѣдніе, впрочемъ, не разъ сознавались, что ни они ведутъ это дѣло, а ротные командиры. И дѣйствительно, такъ это и было. Вообще можно сказать, что стремленіе къ поддержанію уровня стрѣлковой подготовки на особой, недосягаемой для массы русской пѣхоты высотѣ являлось, какъ сказано выше, спеціальной и унаслѣдованной традиціей Гвардейскихъ стрѣлковъ. И части наши пользовались вполне заслуженной славой.

Объ успѣхахъ же собственно нашего баталіона (полка) въ области стрѣлковаго дѣла свидѣтельствовали два ИМПЕРАТОРСКИХЪ приза, въ видѣ художественной работы серебрянныхъ кубковъ, выдававшихся при этомъ за лучшую стрѣльбу цѣлой части на протяженіи всего лишь 7—8 лѣтъ, предшествовавшихъ Великой войнѣ. Первый разъ этотъ призъ былъ полученъ баталіономъ, когда онъ по стрѣльбѣ оказался лучшимъ изъ всѣхъ частей ИМПЕРАТОРСКОЙ Гвардіи, а второй — когда перестрѣлялъ всѣхъ Стрѣлковъ Великой Россійской Арміи.

Искусство стрѣльбы самихъ офицеровъ, какъ изъ винтовокъ, такъ и револьверовъ, отмѣчено было многочисленными ИМПЕРАТОРСКИМИ призами, награжденія коими многократно удостоивалось значительное число офицеровъ. Итогъ же послѣдняго передъ Великой войной смотра офицерской стрѣльбы былъ изъ ряда вонъ выдающійся, а именно: по стрѣльбѣ изъ винтовокъ (лежа, 10 выстрѣловъ въ 2 минуты) офицеры дали 99% попаданій, а по стрѣльбѣ изъ револьверовъ, болѣе трудной (7 выстрѣловъ въ 30 секундъ) — 90% попаданій. Проценты эти, само собой разумѣется, далеко превышали нормы, установленныя для оцѣнки „отлично“.

Офицеры блистали своимъ искусствомъ и въ обычныхъ офицерскихъ состязаніяхъ въ стрѣльбѣ. Такъ, участвуя на Всероссійской Олимпіадѣ въ Ригѣ (1914 г.), офицеры нашего 2-хъ баталіоннаго полка

взяли I-й призъ за стрѣльбу командой изъ 9-ти человекъ, перестрѣлявъ таковыя же команды, составленныя напр. изъ лучшихъ стрѣлковъ всего Кавказскаго военнаго округа, одного изъ корпусовъ Кіевскаго военнаго округа и другія. Кромѣ того получилъ 2-ые призы за одиночныя стрѣльбы на выносливость и на скорость поручикъ П. Б. Вальденъ и дипломы за стрѣльбу на скорость — 4 другихъ офицера полка.

Образцовая постановка обученія стрѣльбѣ въ частяхъ Гвардейской Стрѣлковой бригады стала въ послѣдніе предвоенные годы вызывать подражаніе. По почину Главнокомандующаго, Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, на эту отрасль обученія было обращено въ войскахъ вообще большее, чѣмъ прежде, вниманіе, и не только въ пѣхотѣ, но и въ гвардейской конницѣ. Въ рядахъ послѣдней стремленіе къ этому впрочемъ замѣчалось и раньше. Такъ, задолго до начала общаго движенія, гусары ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА обращались къ намъ съ просьбой о командированіи къ нимъ инструктора по стрѣлковому обученію. Въ качествѣ такового назначенъ былъ командиръ 2-й роты капитанъ Ф. В. фонъ-Крузе. Кромѣ того посылались инструктора унтеръ-офицеры и раньше, не только къ гусарамъ, но и кирасирамъ.

Въ связи съ поднятіемъ общаго интереса къ стрѣльбѣ, выдачей ИМПЕРАТОРСКИХЪ призовъ и вліяніемъ стрѣлковой подготовки частей на аттестацію ихъ командировъ, сильно развилось чувство соревнованія между частями и стремленіе къ первенству и лаврамъ. На этой почвѣ происходили иногда нежелательныя явленія — недобросовѣстности на смотрахъ, карьеризма на почвѣ смотровыхъ процентовъ, развитія непріязни и зависти. Но у насъ въ баталіонѣ, какъ и вообще среди гвардейскихъ стрѣлковъ, гдѣ успѣхъ былъ естественнымъ результатомъ труда и системы, явленія эти не имѣли конечно мѣста.

Умѣніе офицеровъ отлично стрѣлять имѣло громадное значеніе въ дѣлѣ обученія стрѣлковъ. Нерѣдко бывало, что при промахѣ на практической стрѣльбѣ обучаемые приписывали свою неудачу какимъ-нибудь недостаткамъ винтовки. Тогда мы, офицеры, брали обыкновенно винтовку промахнувшася стрѣлка и мѣткимъ выстрѣломъ показывали ему на дѣлѣ, что онъ виноватъ, а не винтовка. Въ случаѣ же какой-нибудь неисправности тутъ же производилась поправка. И личнымъ примѣромъ офицера внушалось такимъ образомъ стрѣлку довѣріе къ своему оружію. А это довѣріе, въ связи со знаніемъ свойствъ оружія, должно было быть первымъ шагомъ на пути обученія стрѣльбѣ.

Отбываніе Шефомъ баталіона Великимъ Княземъ Дмитріемъ Павловичемъ краткаго лагернаго сбора при баталіонѣ въ 1909 г. для практическаго ознакомленія со строевой пѣхотной службой (стр. 28).

Отбываніе Шефомъ баталіона Великимъ Княземъ Дмитріемъ Павловичемъ краткаго лагернаго сбора при баталіонѣ въ 1909 г. для практическаго ознакомленія со строевой пѣхотной службой (стр. 28).

Что только ни дѣлалось у насъ для возбужденія интереса къ стрѣльбѣ и поощренія успѣвающихъ. Такъ рота, достигшая наивысшаго результата на смотровой стрѣльбѣ, получала отъ командира баталіона серебрянную чарку, хранившуюся на почетномъ мѣстѣ. Чарка была переходящей въ зависимости отъ успѣха на слѣдующемъ смотрѣ и, т. обр., вокругъ нея шло соревнованіе. Много водки лилось послѣ этихъ смотровъ, въ случаѣ ихъ успѣха. Жаловали ее и командиръ баталіона и командиръ роты. Послѣдніе придумывали и отъ себя различныя поощрительныя мѣры и, иногда, задолго до смотра, напоминали стрѣлкамъ, особенно начальствующимъ, о необходимости добыть чарку.

На ежегодныхъ смотрахъ подготовки молодыхъ солдатъ, практически еще не обученныхъ стрѣльбѣ, командиръ баталіона лично провѣрялъ каждаго изъ нихъ въ умѣніи правильно прицѣливаться и вѣрно опредѣлять ошибку или отклоненіе мушки въ моментъ спуска курка. Повѣрка эта, при несовершенствѣ способа, какимъ она производилась, имѣла, быть можетъ, небольшое практическое, но громадное нравственное значеніе: всѣ видѣли, какую особую важность имѣетъ этотъ подготовительный къ стрѣльбѣ отдѣлъ обученія, разъ самъ командиръ баталіона его провѣряетъ.

При переходѣ обученія стрѣльбѣ на практическую почву, при той интенсивности, съ какой это обученіе производилось, намъ далеко не хватало патроновъ, отпускавшихся въ войска по опредѣленнымъ нормамъ. Поэтому приходилось принимать всевозможныя мѣры, чтобы добыть ихъ, гл. обр. путемъ ихъ обмѣна на стрѣляныя гильзы въ частяхъ, гдѣ образовывался остатокъ.

До введенія остроконечной пули, когда вліяніе вѣтра сказывалось уже на разстояніи 300 шаговъ, у насъ широко примѣнялись вѣтромѣры и таблицы для вычисленія отклоненія пули на разныхъ дистанціяхъ. Въ области различныхъ приборовъ и приспособленій для стрѣльбы и для обученія имѣлись свои изобрѣтатели. Всея русской арміи извѣстенъ былъ капитанъ Панпушко, изобрѣтатель вертящихся мишеней, составившихъ цѣлую эпоху въ дѣлѣ устройства стрѣльбищъ. При новомъ ихъ оборудованіи неизмѣримо ускорился ходъ практическихъ упражненій въ стрѣльбѣ и облегчалось показываніе попаданій. Капитаномъ Панпушко была составлена также полевая табличка стрѣльбы, получившая большое распространеніе, и испытывались собственнаго изготовленія дальномѣры.

Въ послѣдніе предвоенные годы, на поприщѣ такого же увлеченія стрѣлковымъ дѣломъ, сталъ подвизаться одинъ изъ молодыхъ, подававшій большія надежды офицеръ—поручикъ П. Л. Лешъ, сынъ извѣстнаго генерала Лешъ, творца новой системы полевого обученія пѣхоты. Великая война, въ которой поручикъ Лешъ палъ смертью храбрыхъ въ бою 12-го февраля 1915 г., подъ дер. Рудка-Скрода, не дала развернуться его таланту.

Стремленіе къ изобрѣтенію, съ цѣлью улучшенія стрѣлковаго дѣла, проявляли не одни только офицеры, но и ихъ ближайшіе помощники по инструкторской части — сверхсрочнослужащіе нижніе чины. Такъ фельдфебель 2-й роты Іосифъ Петровскій изобрѣлъ удачное приспособленіе для автоматической отмѣтки ошибки, сдѣланной стрѣлкомъ, при повѣркѣ его въ умѣніи правильно прицѣливаться. Приборъ этотъ, между прочимъ, показанъ былъ Государю въ одно изъ Его посѣщеній офицерскаго собранія. Въ качествѣ командира 2-й роты я имѣлъ счастье, показывая приборъ, давать ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ соотвѣтствующія поясненія. Фельдфебель Петровскій былъ тутъ же представленъ Государю и удостоился Его благодарности.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II живо интересовался стрѣльбой и однажды посѣтилъ нашъ тиръ, присутствуя на упражненіи стрѣлковъ. Лѣтомъ 1903 года Государь былъ на гарнизонномъ стрѣльбищѣ. Когда же былъ выстроенъ большой, прекрасно оборудованный тиръ на Софійскомъ плацу у казармъ л.-гв. Кирасирскаго Е. В. полка и былъ образованъ при немъ кружокъ любителей стрѣльбы изъ офицеровъ всѣхъ частей гарнизона, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО принялъ въ немъ личное участіе.

Въ назначенный часъ, по субботамъ, Государь пріѣзжалъ въ этотъ тиръ и, наравнѣ съ офицерами, участвовалъ въ состязаніяхъ въ стрѣльбѣ. Помнится, что въ первый же свой пріѣздъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, какъ прекрасный охотникъ, оказался лучшимъ изъ состязавшихся въ стрѣльбѣ по мишени, изображавшей движущагося кабана. Завѣдущимъ кружкомъ и организаторомъ этого дѣла былъ командиръ л.-гв. Гусарскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка свиты генераль-маіоръ В. Н. Воейковъ, впоследствии дворцовый комендантъ.

Строевая подготовка.

Не смотря на первенствующее значеніе стрѣльбы въ дѣлѣ всей нашей военной подготовки, строевое обученіе шло своимъ чередомъ

и ему придавалось большое значеніе, какъ средству пріученія къ дисциплинѣ, въ концѣ концовъ необходимой и для стрѣльбы. Занятія лѣтняго періода открывались курсомъ стрѣльбы, соединеннымъ съ упражненіями по глазомѣрному опредѣленію разстояній, по окончаніи коихъ и смотровъ стрѣльбы начинались полевые уставныя и тактическія ученія.

Этими послѣдними и заключался кругъ обученія для рядовыхъ стрѣлковъ и младшихъ начальниковъ. Баталіонъ уходилъ послѣ этого въ лагерь подъ Красное-Село для участія въ такъ наз. „подвижныхъ сборахъ“, т. е. тѣхъ же тактическихъ ученіяхъ, но въ болѣе крупныхъ соединеніяхъ — отрядахъ изъ 3-хъ родовъ войскъ. Эти занятія, всегда двухстороннія, являлись уже школой для боевой подготовки старшихъ начальниковъ и командъ спеціальнаго назначенія, какъ-то развѣдчики, связь и др.

Помимо времени, спеціально отведеннаго для сомкнутаго строя съ его движеніями и перестроеніями въ теченіе лѣтняго періода, упражненія въ маршировкѣ и ружейныхъ приемахъ производились и на протяженіи зимы. Для этого отводились извѣстные дни и часы. Занятія производились въ гарнизонномъ манежѣ, который оффициально, по старинѣ, назывался экзерциргаузомъ. Въ немъ же происходили и инспекторскіе смотры и опросы, а въ дурную погоду — церковный парадъ.

Этотъ послѣдній, къ коему мы тщательно готовились, приходился ранней весной, и это много способствовало поддержанію строевой подготовки баталіона на большой высотѣ еще до начала спеціальныхъ лѣтнихъ занятій.

Японская война всколыхнула военную мысль не только въ области полевой тактической подготовки, но, косвеннымъ образомъ, затронула и вопросъ о значеніи строевой муштры. Въ сознаніи офицерства утвердилась новая мысль, что современная война, требующая большой индивидуальной подготовки рядового бойца и извѣстной его самостоятельности въ бою, приводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ большей чѣмъ прежде необходимости озаботиться внутреннимъ воспитаніемъ солдата. Одна внѣшняя выучка не дастъ еще гарантіи въ томъ, что усилія отдѣльныхъ бойцовъ будутъ всегда согласованы въ дѣлѣ достиженія поставленной цѣли и проникнуты духомъ взаимной поддержки; что развивающееся подъ вліяніемъ боевыхъ впечатлѣній

чувство самосохраненія не возьметъ перевѣсъ въ борьбѣ между страхомъ и велѣніемъ боевой обстановки.

При отсутствіи у насъ въ ту эпоху допризывной военной подготовки, а главное—школьнаго воспитанія массы народа въ національно-патріотическомъ духѣ, при замѣтномъ къ тому же паденіи нравственныхъ началъ жизни среди крестьянской и, особенно, рабочей молодежи, развитіи т. наз. хулиганства, оставалось прибѣгнуть лишь къ внѣшнему внѣдренію дисциплины, укорененію въ солдатахъ привычки къ исполненію воли начальства почти автоматически. Этому-то и должны были служить занятія сомкнутымъ строемъ съ особеннымъ развитіемъ вниманія.

Въ этомъ отношеніи пріобрѣтала нѣкоторое значеніе и гимнастика, производимая въ большихъ соединеніяхъ, по способу „соколовъ“. Послѣдняя начала было вводиться въ войскахъ, но занятія ею производились только въ учебной командѣ, и не съ вышеуказанной цѣлью—черезъ выработку внѣшняго единства привести къ внутреннему — а лишь для ознакомленія съ извѣстными видами гимнастическихъ упражненій, благопріятствующими развитію ловкости и силы. Нравственная сторона не учитывалась.

Т. обр. послѣ Японской кампаніи строевыя ученія, ротныя, баталіонныя и полковое, не только не потеряли своего прежняго значенія, но, наоборотъ, пріобрѣли большую осмысленность и стали примѣняться еще серьезнѣе и основательнѣе. При этомъ, съ цѣлью большаго изощренія вниманія, сталъ широко практиковаться предусмотрѣнный новымъ уставомъ способъ управленія строемъ путемъ условнаго знака пашкой или движеніемъ самого начальника. Это называлось нѣмымъ ученіемъ.

Каждый отдѣлъ обученія завершался обыкновенно смотромъ. Такъ было и въ отношеніи уставныхъ ученій, причемъ смотры ротамъ производилъ командиръ баталіона (полка), а смотры баталіонамъ — командиръ Гвардейскаго корпуса и Великій Князь Главнокомандующій.

Комплектованіе стрѣлковыхъ частей молодыми людьми болѣе низкаго роста, чѣмъ тѣ, что назначались въ пѣхоту, давало возможность добиваться у насъ и болѣе легкаго и быстрого шага. Стрѣлки считались поэтому болѣе подвижными, чѣмъ остальная пѣхота. Это касалось не только церемоніальнаго марша, гдѣ мы проходили болѣе быстрымъ, „стрѣлковымъ шагомъ“, но и маневровъ, гдѣ преимуще-

ственно на стрѣлковъ возлагались нерѣдко задачи, требовавшія форсированнаго марша.

Полевья тактическія ученія.

Что касается полевыхъ тактическихъ ученій, то можно сказать, что опытъ Японской войны заставилъ ихъ совершенно преобразовать. Обычное одностороннее ротное ученіе производилось до этого времени въ общемъ по опредѣленному шаблону. Движеніе по предполагаемому полю сраженія начиналось въ разрѣженныхъ колоннахъ, потомъ цѣпью всей роты; затѣмъ переходили къ перебѣжкамъ частями роты, постепенно все болѣе мелкими, поддерживая перебѣгающихъ огнемъ.

На такъ называемой „последней стрѣлковой позиціи“ развивали „пачечный“ огонь, послѣ котораго вся рота поднималась и рѣшительно шла въ атаку, съ винтовками „на руку“ и, на короткѣ, съ крикомъ „ура“, хотя и безъ барабаннаго боя, какъ въ старину, бросалась въ штыки. Занявъ предполагаемую позицію противника, обязательно останавливались и залпами преслѣдовали бѣгущаго непріятели. Всѣ дѣйствія производились по командамъ, а остановка огня по свистку.

Манчжурская кампанія, уже по первому столкновенію подъ Тюренченомъ, показала несостоятельность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ этой схемы. Дальнѣйшіе бои еще болѣе въ томъ убѣждали. Но въ чемъ именно измѣнилась природа боя не сразу могли ухватить. Многіе думали, что все сводится къ особенно тщательному примѣненію къ мѣстности и разрѣженнымъ цѣпямъ. И, при веденіи нами занятій, на это обращало свое вниманіе начальство высшихъ степеней. При этомъ вдавались въ крайность и, не взирая ни на какую обстановку, требовали такого примѣненія къ мѣстности, чтобы все поле нашего наступленія было какъ-бы пустымъ.

Такъ, присутствуя на смотрѣ боевой стрѣльбы съ маневрированіемъ, лѣтомъ 1905 года, командиръ Гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ князь Васильчиковъ, замѣтивъ при веденіи нами наступленія перебѣгающихъ, а не невидимо переползающихъ людей, нашель, что наступленіе никуда не годится, разсердился и уѣхалъ, не захотѣвъ смотрѣть стрѣльбу и ея результаты.

Прошло 9 лѣтъ отъ кампаніи въ Манчжуріи и въ начавшейся Міровой войнѣ русская пѣхота, подъ болѣе губительнымъ и дѣйствительнымъ огнемъ, производила блестящія наступленія движеніемъ цѣпей во весь ростъ. То же дѣлали и германцы. И правъ оказался

генераль М. И. Драгомировъ, который рѣшительно возставалъ въ свое время противъ „распростираниі по землѣ“, какъ онъ называлъ чрезмѣрное усердіе въ обученіи ползанію при наступленіи.

Только черезъ 3 года по прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Манчжуріи тактическое обученіе стало у насъ на здоровый и правильный путь. Въ 1908 году во главѣ Гвардейской Стрѣлковой бригады сталъ выдвинувшійся въ войнѣ съ Японіей доблестный генераль-майоръ Лешъ, бывший командиръ I-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка. Военно-образованный (окончилъ академію Генеральнаго Штаба) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даровитый практикъ военнаго дѣла, генераль Лешъ посвятилъ исключительное вниманіе поднятію полевой тактической подготовки частей бригады.

Съ этою цѣлью имъ сталъ насаждаться разработанный на основаніи личнаго боевого опыта новый методъ обученія одиночнаго бойца, звена, отдѣленія и взвода. Начальникамъ этихъ мелкихъ подраздѣленій роты, по принятой имъ системѣ обученія, въ ходѣ боевыхъ дѣйствій отводилась болѣе замѣтная роль. Отъ нихъ требовалась инициатива, находчивость и, особенно, пониманіе боевой обстановки и задачи, возложенной на взводъ и на роту.

Существеннымъ нововведеніемъ въ занятіяхъ, проводимыхъ генераломъ Лешъ, явилось продуманное обозначеніе непріятеля извѣстнымъ числомъ людей, снабженныхъ разноцвѣтными и разнаго размѣра щитами, соотвѣтствовавшими опредѣленнымъ боевымъ единицамъ и прозванными въ общезжитіи „петрушками“. Послѣдніе не привязывались обязательно къ мѣсту, но могли въ извѣстныхъ случаяхъ маневрировать, согласно указаніямъ производящаго ученіе начальника.

Была также разработана и введена въ употребленіе система управленія боевыми порядками, а также — связи пѣхоты съ артиллеріей, путемъ сигнализациі флагами, по сокращенному коду. Примѣненная нами въ первомъ бою Великой войны сигнализациа флагами оказалась въ дальнѣйшемъ несостоятельной, т. к. привлекала вниманіе и огонь непріятельской артиллеріи.

Ученіе „по Лешу“, какъ принято было выражаться, не производилось какъ раньше экспромтомъ, а шло по заранѣе разработанному плану. Для этого руководитель ученія, ротный или баталіонный командиръ, долженъ былъ побывать предварительно на мѣстности, отведенной для даннаго ученія, — участки каждый разъ мѣнялись — и тамъ продумать и проработать его. Проектъ ученія съ соотвѣт-

ствующей системой онъ долженъ былъ наканунѣ представить ближайшему начальнику и въ штабъ полка.

Предпринимавшіяся т. обр. мѣры, распространившіяся потомъ по всей Русской арміи и имѣвшія цѣлью оживить тактическія ученія, приблизить картину боевыхъ дѣйствій къ дѣйствительности и поднять къ этимъ занятіямъ интересъ, дали блестящіе результаты на поляхъ сраженій минувшей Великой войны. Русская пѣхота и артиллерія, особенно въ первый маневренный періодъ, какъ извѣстно, проявили необычайное искусство и настойчивость въ достиженіи цѣли и оказывались нерѣдко выше, чѣмъ таковыя же нашихъ противниковъ.

При новомъ методѣ занятій офицерамъ, имѣвшимъ академическое образованіе, открывалось широкое поле проявить свой большій чѣмъ у прочаго офицерства военный кругозоръ. И помню, какъ мы, академики, съ большимъ увлеченіемъ отдались этому дѣлу. Ища новыхъ путей для развитія сознательности дѣйствій своихъ подчиненныхъ, особенно младшихъ офицеровъ и взводныхъ командировъ, мы заставляли рѣшать ихъ несложныя тактическія задачи, выходящія изъ круга шаблоннаго обученія.

Офицеровъ, имѣвшихъ высшее военное образованіе, было въ то время въ баталіонѣ четыре, не считая еще прикомандированнаго къ баталіону для цензоваго командованія ротой, причисленнаго къ Генеральному Штабу, штабсъ-капитана Гвардейской артиллеріи Плотникова. Трое изъ насъ командовали ротами — капитанъ В. В. Книперъ, штабсъ-капитанъ Н. В. Соллогубъ (тоже для ценза) и я. Четвертый — капитанъ С. В. Нагаевъ — старшій изъ ротныхъ командировъ, согласно новаго закона, былъ назначенъ начальникомъ учебной команды.

Капитанъ С. В. Нагаевъ, мой старшій братъ, всегда увлекающійся и глубоко преданный долгу службы, проявилъ большую инициативу, знанія и опытность въ направленіи тактическаго обученія учебной команды и, на первомъ же выпускномъ смотрѣ, будущіе унтеръ-офицеры блеснули прекрасно выработанными сноровками и толковыми распоряженіями по управленію взводомъ, свободнымъ чтеніемъ карты и умѣніемъ набросать кроки и, наконецъ, яснымъ воспріятіемъ и умѣніемъ передать подчиненнымъ общую обстановку дѣйствій. Такъ же блестяще представились они и по другимъ отдѣламъ обученія. Къ сожалѣнію, испорченное здоровье брата не дало ему возможности развитъ свои военныя дарованія и онъ вскорѣ скончался, всего лишь 38 лѣтъ.

Мѣры для поднятія общаго умственнаго уровня солдатъ: чтенія со свѣтовыми картинами, занятія грамотностью. Борьба съ революціонной пропагандой.

Въ частяхъ русской арміи не было какой-нибудь продуманной системы занятій для поднятія общаго умственнаго уровня солдатъ, да это и не входило въ программу воинскаго обученія. Но, кромѣ того, при сравнительно краткомъ срокѣ военной службы и многочисленности хозяйственныхъ работъ, которыя должны были выполняться самими нижними чинами, для этого не оставалось и времени.

Однако офицеры нашего баталіона всегда были озабочены тѣмъ, чтобы хотя бы урывками, въ свободные часы, вести съ своей меньшей братіей бесѣды на общеобразовательныя темы и хоть немного восполнить то, что дается въ народной національной школѣ, которой такъ не доставало Россіи.

Съ этой же цѣлью въ расписаніе занятій вводилось чтеніе со свѣтовыми картинами на военныя и историческія темы. Къ сожалѣнію, чтеніямъ этимъ не придавалось особеннаго значенія и онѣ поручались самымъ молодымъ офицерамъ, безъ какихъ-либо спеціальныхъ для того указаній. Послѣдніе смотрѣли на это какъ на своего рода повинность, которую какъ-то надо отбыть, и особенной работы не прилагали.

Только однажды, при вступленіи въ командованіе баталіономъ полковника Дельсаля, послѣднимъ была сдѣлана попытка упорядочить это дѣло и поручить веденіе его спеціально выбранному для этого офицеру, при чемъ этотъ выборъ палъ на меня. Обдумавъ и подготовивъ, въ связи съ имѣвшимися возможностями, этотъ вопросъ, я получилъ одобреніе въ отношеніи намѣченнаго мною плана со стороны командира баталіона, но не смогъ привести его въ исполненіе въ виду возникшихъ событій 1905 года и возложенныхъ въ связи съ ними на баталіонъ особыхъ служебныхъ заданій.

Другимъ средствомъ для просвѣщенія солдатъ нашей арміи являлись обязательныя занятія грамотностью. Процентъ неграмотныхъ былъ великъ и съ этимъ приходилось считаться. Сами солдаты проявляли при этихъ занятіяхъ выдающееся усердіе, искренно желая научиться чтенію и письму. Но, къ сожалѣнію, занятія грамотностью въ ряду прочихъ отдѣловъ воинскаго обученія занимали послѣднее мѣсто и офицеры, кромѣ того, не будучи спеціально подготовлены, шли въ этомъ дѣлѣ ощупью.

Иногда они занимались съ неграмотными сами, но въ большинствѣ случаевъ возлагали обученіе на унтеръ-офицеровъ. Какой-нибудь выработанной системы или правилъ для обученія грамотности мы не имѣли. Каждый сочинялъ свою. Успѣхъ дѣла бывалъ поэтому чисто случайный и неравномѣрный даже въ ротахъ одного и того же полка. Между тѣмъ устройство спеціальныхъ курсовъ для офицеровъ или командированіе въ части войскъ опытныхъ инструкторовъ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія могло бы, казалось, повысить успѣхъ этой работы.

Рядомъ съ мѣрами по поднятію общаго умственнаго уровня солдатъ, необходимыми для лучшаго усвоенія ими науки воевать, въ описываемый періодъ возникъ еще новый вопросъ — политическаго воспитанія войскъ.

Въ прежнее время, когда роль русской арміи ограничивалась обычно внѣшними войнами, въ которыхъ движущей силой являлась понятная большинству идея защиты Православной Вѣры и ея охранителя Православнаго Царя, воспитаніе это давалось самой русской жизнью съ ея церковнымъ укладомъ и почитаніемъ Царской власти.

Но когда въ народъ нашъ стали врываться чуждыя христіанству марксистскія идеи и его стали вовлекать въ борьбу противъ государственнаго и общественнаго строя Россіи, когда пропаганда проникла въ армію, а части арміи призывались для защиты этого строя Россіи, вопросъ политическаго воспитанія воиновъ пріобрѣлъ большое значеніе.

Школьнаго воспитанія массы простого народа въ національно-патріотическомъ духѣ почти не существовало, а сдерживающія начала церковности и христіанства падали во всемъ русскомъ обществѣ, и т. обр. труднѣйшая задача созданія изъ русскаго мужика воина-гражданина и патріота перелагалась на плечи рядового, строевого русскаго офицерства. Между тѣмъ, въ результатъ подрывной революціонной работы въ войскахъ, по всей Россіи прошла, открыто обнаруживаясь въ нѣкоторыхъ частяхъ, волна недовольства солдатской среды условіями быта и службы, порядкомъ отношенія начальства и нѣкоторыми общественными ограниченіями, установленными для нижнихъ чиновъ. Волна эта задѣла и Гвардію. Формы выраженія недовольства были различны — отъ мелкихъ антидисциплинарныхъ выступленій до открытаго бунта включительно.

Высшій командный составъ застигнутъ былъ этимъ врасплохъ. Объ этомъ никогда раньше не думали, мечтательно представляя себѣ

русскаго мужика и простолюдина устоемъ русской государственности. Вѣрили въ какой-то отвлеченный государственный разумъ простого русскаго народа.

Произошли нѣкоторыя смѣщенія начальствующихъ лицъ, которые якобы что-то проглядѣли. Но нужна была борьба не мѣрами строгости въ отношеніи проглядѣвшихъ начальниковъ и не полицейскими только мѣрами, предпринимавшимися государственной властью въ очагахъ революціонной борьбы, а необходимо было организовать отпоръ, какъ принято теперь выражаться, на идеологическомъ фронтѣ.

Этого верхи русской арміи создать не могли, какъ не создала его и высшая государственная власть. Офицеры были предоставлены самимъ себѣ, причемъ имъ однако внушалось, что они должны быть ближе къ солдату и что въ разговорахъ съ нимъ должны разъяснять событія внутренней государственной жизни Россіи.

Задача для офицеровъ была непосильной. Да и что могли они тогда дать въ смыслѣ контръ-революціонной пропаганды, никѣмъ неорганизованной и необъединенной. Будучи тверды въ исполненіи присяги и долга, но въ массѣ своей не будучи политически образованными, они не могли быть сознательными и убѣжденными идеологами переживавшаго кризисъ государственнаго и общественнаго строя Россіи.

Въ результатѣ доблестной службы отборныхъ и вѣрныхъ войскъ и полицейской охраны революціонныя вспышки были всюду подавлены, но революціонные лозунги не были обезврежены и силу свою сохранили до временъ несчастной для насъ войны.

Тактическая подготовка офицеровъ къ занятію высшихъ должностей. Участіе офицеровъ въ Русско-Японской войнѣ. Офицеры баталіона и полка на должностяхъ командировъ полковъ и выше въ Міровую войну.

Не въ примѣръ тому, какъ поставлено дѣло совершенствованія офицеровъ въ области тактическаго образованія въ современныхъ европейскихъ арміяхъ, у насъ оно, по крайней мѣрѣ до Японской войны, сильно хромало. Вспоминаются наши зимнія офицерскія занятія на планахъ и картахъ. Велись онѣ подъ руководствомъ младшаго штабъ-офицера и состояли въ совмѣстномъ и устномъ рѣшеніи задачъ на дѣйствія импровизированнаго, отдѣльно дѣйствующаго отряда изъ 3-хъ родовъ войскъ.

Неподготовленность руководителей, не проходивших для этого специального курса и не сдававших экзаменов при повышении в чинах, как это установлено в современных армиях, дѣлало наши занятія скучными и непоучительными. Болѣе памятными остались отъ нихъ чаепитія, разгонявшія сонливость и скуку, чѣмъ какія-нибудь удачныя тактическіе ходы и комбинаціи, предложенныя кѣмъ-либо изъ участниковъ.

Впослѣдствіе, когда опытъ Японской войны началъ давать плоды, занятія эти были перестроены на составленіе проекта тактическаго ученія части, большей чѣмъ та, которою данный офицеръ командовалъ. Рѣшеніе было письменнымъ, съ приложеніемъ схемъ. Не разрѣшая вопроса научнаго совершенствованія офицеровъ въ своей специальности, эти задачи все же имѣли большую пользу, чѣмъ совмѣстная разработка дѣйствій отряда изъ 3-хъ родовъ войскъ.

Въ дополненіе къ этимъ занятіямъ, но уже по частной инициативѣ командира полка, были организованы лекціи по изученію армій и ихъ подготовки къ войнѣ у нашихъ вѣроятныхъ противниковъ, а также — военно-историческаго характера. Къ чтенію этихъ лекцій были привлечены свои офицеры академики. Такъ Н. В. Соллогубъ читалъ о германской арміи, а я — объ Австро-Венгерской. Въ связи съ юбилеемъ Отечественнѣй войны рѣшено было ознакомить офицеровъ съ ея выдающимися событіями. И опять Н. В. Соллогубъ изложилъ ходъ кампаніи до Бородина, а я — Бородинское сраженіе. Доклады свои мы иллюстрировали схемами и картами, заимствованными изъ библіотеки Академіи Генеральнаго Штаба. Приглашались и лекторы со стороны, особенно для ознакомленія съ дѣйствіями нашихъ армій и флота противъ Японіи. На лекціи, въ качествѣ слушателей, приглашались обыкновенно и офицеры другихъ частей гарнизона.

Конечно эти въ общемъ случайныя, несистематическія лекціи и еженедѣльные занятія по составленію проектовъ тактическихъ ученій были бы недостаточны для подготовки офицеровъ къ занятію впослѣдствіе высшихъ должностей, если-бы офицеры не пополняли своихъ познаній путемъ чтенія книгъ и журналовъ военно-научнаго содержанія, слушаніемъ докладовъ въ обществѣ „Ревнителѣй Военныхъ Знаній“, присутствіемъ на разборахъ маневровъ и личнымъ участіемъ въ нихъ, въ штабъ-офицерскомъ, а иногда и капитанскомъ чинѣ, въ качествѣ начальника небольшого отдѣльно дѣйствующаго отряда.

И многіе съ честью выдержали потомъ боевые экзамены на должностяхъ командировъ полковъ и выше въ Міровую войну, а ранѣе — въ Русско-Японскую. Участниками этой послѣдней явились полковники О. А. фонъ Геннингсъ, командиръ 2-го стрѣлковаго полка и В. Г. Семеновъ. Послѣдній, въ качествѣ командира 26-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка въ Портъ-Артурѣ, былъ награжденъ за боевыя отличія рядомъ исключительныхъ наградъ, какъ-то Георгіевскими крестомъ и оружіемъ, пожалованіемъ флигель-адъютантомъ и производствомъ въ генераль-маіоры. Послѣ войны онъ былъ назначенъ начальникомъ Туркестанской Стрѣлковой бригады и пожалованъ въ свиту ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Патріотическій порывъ, охватившій тогда русское офицерство, побудилъ многихъ изъ нихъ искать случая попасть на войну, переводомъ ли въ дѣйствующія части или путемъ назначенія на какія-нибудь особыя должности. Изъ баталіона отправились т. обр. капитанъ П. В. Панпушко, въ качествѣ коменданта Имени НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА санитарнаго поѣзда, и подпоручики Д. П. Кусковъ и Н. В. Соллогубъ, переведенные во 2-й Стрѣлковый полкъ, причемъ послѣдній — съ назначеніемъ ординарцемъ къ командующему 2-й Манчжурской арміей генераль-адъютанту, генералу-отъ-инфантеріи Гриппенбергу, нашему бывшему боевому командиру въ Русско-Турецкой войнѣ.

Міровая война выдвинула на должности командировъ полковъ и выше значительный рядъ офицеровъ. Изъ нихъ особенно отличился назначенный еще въ мирное время командиромъ л.-гв. Егерскаго полка, впоследствии командиръ бригады 3-й Гвардейской и начальникъ 38-й пѣхотныхъ дивизій, генераль-маіоръ А. П. Буковской. Его боевой путь былъ отмѣченъ Георгіевскими крестомъ и оружіемъ и звѣздами съ мечами до Св. Владимира 2-ст. включительно.

Генераль-маіоръ Е. К. Завадскій, командиръ 5-го стрѣлковаго полка также съ мирнаго еще времени, а затѣмъ командиръ бригады въ одной изъ Стрѣлковыхъ дивизій, имѣлъ Георгіевское оружіе.

Полковникъ Д. К. Седергольмъ, смѣнившій доблестно павшаго въ первомъ бою генераль-маіора Пфейфера, а затѣмъ выбывшаго изъ-за контузій генераль-маіора Васмундта, командовалъ 36-мъ пѣхотнымъ Орловскимъ полкомъ и окончилъ свою жизнь въ борьбѣ за возрожденіе Россіи на Сѣверномъ антибольшевистскомъ фронтѣ.

Полковникъ П. В. Панпушко былъ командиромъ Царскосельскаго

пѣхотнаго полка, а затѣмъ, съ формированіемъ изъ всѣхъ гвардейскихъ частей Особой арміи, — дежурнымъ генераломъ при штабѣ оной. Умеръ Петръ Васильевичъ въ Феодосіи, въ 1920 году, въ должности помощника начальника снабженія Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи.

Полковникъ Г. А. Пушкинъ, перешедшій еще въ мирное время въ 92 пѣх. Печорскій полкъ, командовалъ во время войны 91 пѣх. Двинскимъ полкомъ.

Полковникъ В. В. Кукуранъ, командовавшій во время войны въ теченіе значительнаго времени 2-мъ баталіономъ нашего полка и выдѣлявшійся своимъ хладнокровіемъ въ бою, былъ назначенъ затѣмъ командиромъ 200-го пѣх. Кроншлотскаго полка, въ рядахъ котораго былъ награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

Полковникъ А. А. Стессель, командовавшій временно, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, нашимъ полкомъ въ 1916 году, при тяжелыхъ операціяхъ на рѣкѣ Стоходѣ, впослѣдствіе былъ назначенъ командиромъ 152-го пѣх. Владикавказскаго полка и имѣлъ полученные еще въ должности командира баталіона Георгіевскіе крестъ и оружіе. Въ борьбѣ съ коммунистической властью со стороны армій генерала Деникина онъ участвовалъ въ роли командира Своднаго полка Гвардейскихъ Стрѣлковъ, входившаго въ составъ возглавляемой генераломъ барономъ Штакельбергомъ Гвардейской дивизіи.

Мнѣ выпала на долю высокая честь командовать нашимъ полкомъ, но, увы, уже въ тяжелый періодъ революціоннаго года, когда полку не пришлось проявить свои высокія боевыя качества. Георгіевскій крестъ былъ мною полученъ въ должности командира баталіона. Въ арміяхъ генераловъ Деникина и барона Врангеля, по создавшейся обстановкѣ, я проходилъ путь на строевыхъ должностяхъ Генеральнаго Штаба.

Въ 1917-мъ же году, еще совсѣмъ молодой, но прекрасно зарекомендовавшій себя офицеръ, отличенный Георгіевскими крестомъ и оружіемъ, С. А. Агаповъ назначенъ былъ въ чинѣ капитана, съ переименованіемъ въ подполковники, командиромъ одного изъ ударныхъ полковъ арміи генерала Корнилова.

Еще болѣе молодой, выдѣлявшійся храбростью и хладнокровіемъ, а особенно искусствомъ въ боевомъ управленіи ротой въ окопной войнѣ, А. В. Круглевскій выдвинулся, впослѣдствіе, въ борьбѣ за освобожденіе Россіи въ арміи адмирала Колчака, на должности командира 41-го кадроваго Уральскаго полка, а затѣмъ и начальника

Уральской дивизіи и палъ въ бою при отходѣ въ Восточную Сибирь близъ Манчжурской границы.

Такъ школа нашего доблестнаго баталіона и полка, въ связи съ извѣстнымъ подборомъ офицеровъ, дали въ послѣдствіе ихъ представителямъ возможность достигнуть сравнительно высокихъ должностей въ Русской Арміи и отлично зарекомендовать себя въ трехъ войнахъ нашего времени.

Участіе баталіона въ дѣйствіяхъ по отстаиванію государственнаго порядка Россіи отъ мятежныхъ элементовъ въ періодъ смуты 1905—7 г.г.

Военная экспедиція въ Прибалтійскій край.

Тяжкія событія 1905-7 г.г. въ государственной жизни Россіи явились для офицеровъ и вообще кадра Россійской Арміи экзаменомъ въ отношеніи преданности ИМПЕРАТОРСКОМУ Престолу и вѣрности государственному порядку Россіи. И этотъ экзамень подавляющей частью Россійской Арміи, а въ особенности ИМПЕРАТОРСКОИ Гвардіей, выдержанъ былъ блестяще. И надо думать, что не случись Великая война, надвигавшейся и назначенной на 1915 годъ, второй революціи трудно было бы ихъ одолѣть.

Революціонныя выступленія, начавшіяся около времени Японской кампаніи, которымъ предшествовали годы броженія умовъ и демонстративныхъ дѣйствій среди студенчества, при слабости полицейскаго аппарата, поставили высшую власть передъ необходимостью, въ извѣстныхъ случаяхъ, прибѣгать къ помощи воинской силы.

Наибольшую опасность для государственнаго порядка Россіи представляла борьба со стороны революціонныхъ элементовъ, которая, около октября 1905 года, особенно обострилась въ Петербургѣ съ его окрестностями, сопровождаясь всеобщей забастовкой, а затѣмъ къ декабрю перекинулась въ Москву (Московское вооруженное возстаніе), Прибалтійскія губерніи (движеніе латышей), Сибирь (Читинская республика) и, вообще, волной пронеслась по городамъ и весямъ Россіи, обозначаясь убійствами, пожарами и забастовками, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и выступленіями воинскихъ частей.

Участіе воинской силы въ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ бывало двоякимъ: предупредительное — въ видѣ несенія чрезвычайной охранной службы въ угрожаемыхъ пунктахъ и каратель-

ное — въ формѣ прямыхъ дѣйствій по поимкѣ и захвату мятежниковъ, особенно главарей движенія, расправѣ, до разстрѣла включительно, съ захваченными съ оружіемъ въ рукахъ, преслѣдованіи и разсѣяніи вооруженныхъ шаякъ, разгонѣ и наказаніи демонстрантовъ, борьбѣ съ забастовщиками путемъ замѣны ихъ воинскими частями и проч.

Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, имѣвшихъ своей цѣлью отстраненіе государственнаго порядка Россіи, Гвардіи и, въ частности, нашему баталіону пришлось играть довольно видную роль. Такъ мы охраняли Ижорскіе заводы Морского Вѣдомства въ пос. Колпино, находясь тамъ въ составѣ двухъ мѣнявшихся ротъ, слабой численности (50—60 чел.), при 8 тысячахъ ненадежныхъ рабочихъ этихъ заводовъ. При развитіи броженія среди Кронштадтскихъ матросовъ, въ предупрежденіе какихъ-либо враждебныхъ дѣйствій съ ихъ стороны, насъ по тревогѣ вызывали въ Петергофъ для охраны Особы ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Въ другомъ случаѣ мы несли караульную службу въ самомъ Кронштадтѣ.

Но наиболѣе выдающимся дѣломъ было участіе баталіона въ карательной экспедиціи въ Прибалтійскій край, охваченный мятежнымъ движеніемъ и всеобщей забастовкой. Баталіонъ нашъ, подъ командой полковника Дельсаля, вошелъ въ составъ отряда Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генераль-маіора Орлова, командира Уланъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА. Помимо насъ и уланъ въ формируемый отрядъ вступили два эскадрона Кирасиръ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА и Гвардейская конная батарея. Экспедиція продолжалась съ декабря 1905 г. по февраль 1906 г.

При молитвенномъ напутствіи ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ, переданномъ Ею черезъ командира, баталіонъ нашъ выступилъ изъ Царскаго по желѣзной дорогѣ. Прочія части такимъ же путемъ направились изъ своихъ постоянныхъ стоянокъ. Отрядъ благополучно сосредоточился во Псковѣ, хотя подъ поѣздъ начальника отряда съ его штабомъ и была подброшена къ счастью неразорвавшаяся бомба.

Отсюда предстояло двигаться по узкоколейкѣ на гор. Валкъ, центральный пунктъ предстоящаго раіона нашихъ дѣйствій. Но узкоколейная дорога давно уже была безъ движенія въ виду общей забастовки желѣзнодорожниковъ. Паровозы обледенѣли, путевой составъ служащихъ разбѣжался. Оттуда начиналось мертвое царство мятежниковъ. Только подъ угрозой немедленнаго разстрѣла со стороны генерала Орлова, что по тѣмъ временамъ расхлябанности и растерян-

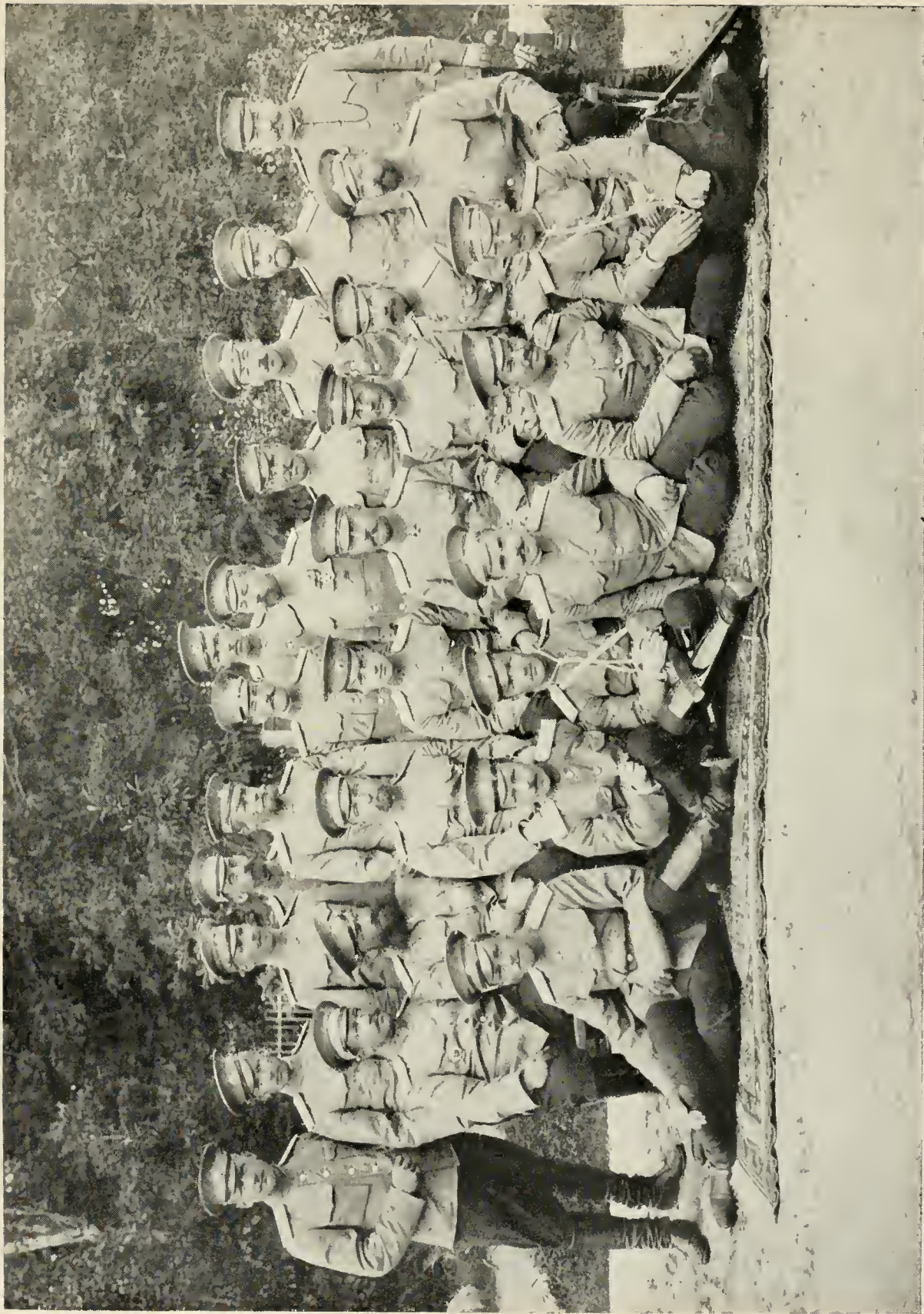
ности власти считалось проявленіемъ большого мужества, удалось заставить съ трудомъ разысканныхъ машинистовъ и ихъ помощниковъ стать на работу, контролируемую, впрочемъ, приставленными къ нимъ часовыми.

Послѣ этого, безъ путевыхъ сигналовъ и осмотра пути, отрядъ нашъ медленно двинулся дальше и началъ прибывать на ст. Валкъ. Городъ къ этому времени находился въ состояніи анархіи. Мѣстная власть терроризована. Громадная толпа рабочихъ, послѣ устроеннаго тутъ же при станціи митинга, насмѣшливо встрѣчала первые эшелоны нашего по численности ничтожнаго отряда. Но съ наступленіемъ темноты наши роты уже были высланы для захвата видныхъ участниковъ движенія, свѣдѣнія о которыхъ удалось получить отъ мѣстныхъ полицейскихъ властей.

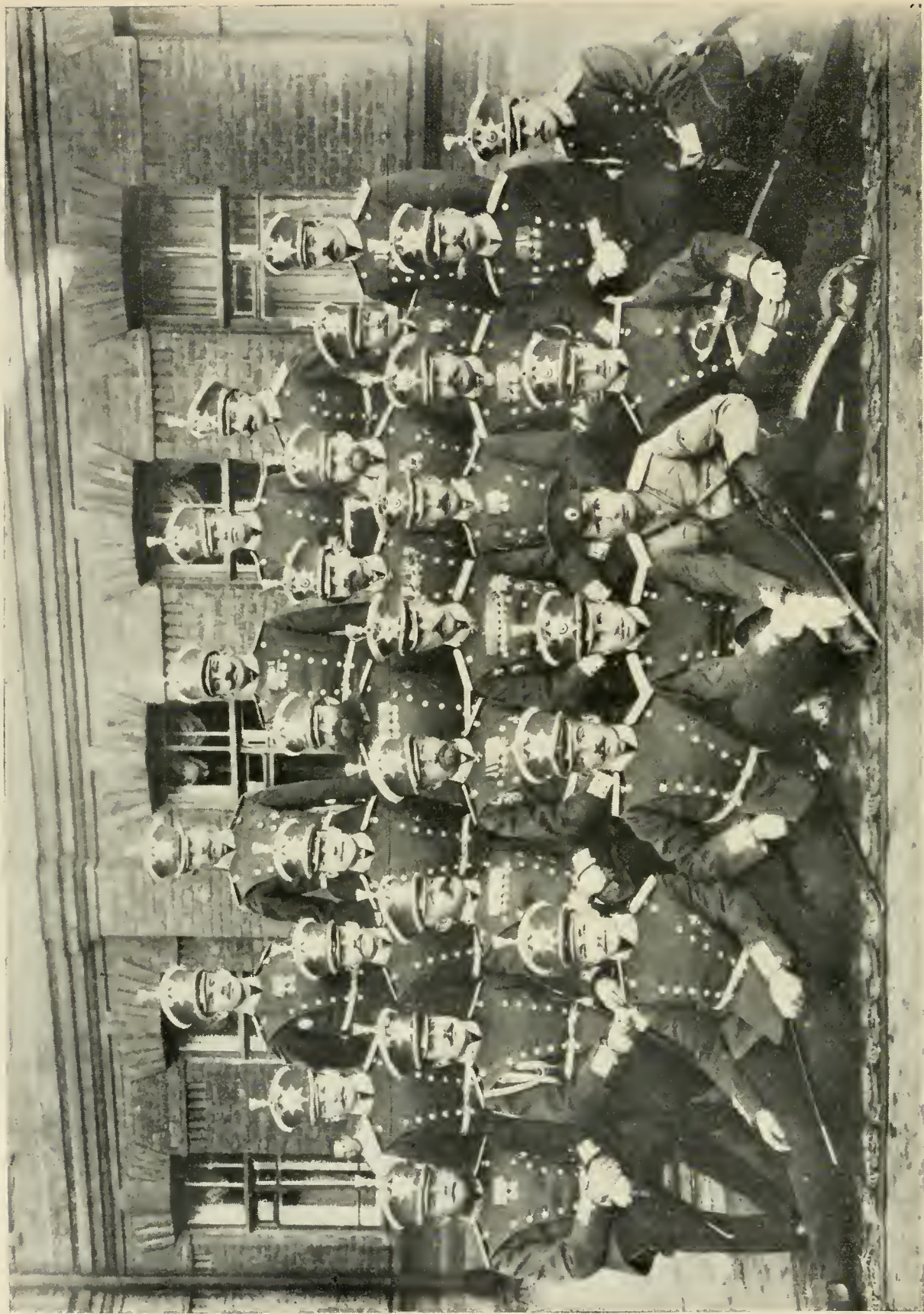
Общее состояніе края въ это время, мѣстонахожденіе вооруженныхъ отрядовъ мятежниковъ и планъ дѣйствій послѣднихъ не были въ точности извѣстны, т. к. мѣстныя власти, подъ угрозой расправы и при отсутствіи помощи и какихъ-либо свѣдѣній извнѣ, въ большинствѣ принуждены были скрываться. Отряду пришлось дѣйствовать ощупью, причемъ предѣлы полномочій генерала Орлова, какъ временнаго Генераль-Губернатора, не были точно опредѣлены и онъ былъ поставленъ кромѣ того въ подчиненіе пребывавшему въ г. Ригѣ Генераль-Губернатору всего Прибалтійскаго Края генераль-лейтенанту Соллогубу.

Послѣдній, какъ бывший долготѣтній профессоръ академіи Генеральнаго Штаба, являлся кабинетнымъ работникомъ, отличаясь кромѣ того либеральнымъ уклономъ мысли. Взгляды на положеніе вещей и приемы дѣйствій по возстановленію законнаго порядка въ краѣ обоихъ генераль-губернаторовъ далеко не сходились. Генераль Орловъ, рѣшительный воинъ, непоколебимо преданный Государю и особенно Имъ любимый, началъ дѣйствовать на свой рискъ и страхъ, не испрашивая полномочій у генерала Соллогуба и лишь донося ему о предпринятыхъ мѣряхъ.

Дѣйствуя изъ г. Валка какъ центра, отрядъ нашъ, разбившись на небольшія группы, большей частью въ видѣ отдѣльныхъ ротъ и эскадроновъ, подъ командой ихъ командировъ, началъ рѣшительныя дѣйствія, водворяя всюду законную власть, добиваясь прекращенія забастовки. захватывая и разстрѣливая мятежниковъ и карая менѣе строго — заключеніемъ въ тюрьму или наказаніемъ розгами — пособ-

Офицеры лейб-гвардии 2-го стрѣлковаго баталіона со своимъ Шефомъ. Царское село, лѣто 1909 г.

Группа офицеров лейб-гвардии 2-го стрелкового батальона передь развёртыванием лейб-гвардии во 2-ой стрелковый Царкосельский полкъ. Царское Село, 9-го мая 1910 г.

никовъ мятежнаго движенія. Категорія лицъ, подвергнутыхъ этой послѣдней экзекуціи, была наиболѣе многочисленной.

Для возстановленія законнаго порядка во входившихъ въ районъ нашихъ дѣйствій болѣе значительныхъ пунктахъ, какъ Юрьевъ, Венденъ и Маріенбургъ, посылались болѣе сильные отряды подъ начальствомъ штабъ-офицеровъ. Тѣснимые нашимъ рѣшительнымъ подвиженіемъ по всѣмъ направленіямъ края, вооруженныя банды мятежниковъ стали распыляться, принимая видъ мирныхъ жителей, а частью уходили изъ занятаго нами района. При этомъ только однажды, двигаясь по слѣдамъ уходившей вооруженной шайки, одинъ изъ отрядовъ открылъ артиллерійскій огонь по мѣстечку, надѣясь настигнуть бѣжавшихъ и помѣшать жителямъ въ оказаніи имъ содѣйствія.

Такимъ образомъ въ открытую борьбу съ частями отряда мятежники вступать не рѣшались. Главари ихъ по большей части бѣжали въ Ригу и другіе большіе города, гдѣ легче было въ то время скрываться. Населеніе въ значительной своей части не было на сторонѣ возставшихъ. Для возбужденія революціоннаго духа среди мирныхъ дотолѣ жителей мятежники дѣйствовали обыкновенно гдѣ—терроромъ, а гдѣ—обманомъ, распространяя ложныя свѣдѣнія объ анархіи въ Петербургѣ и паденіи государственной власти.

Рѣшительная расправа съ революціонерами и разъясненіе населенію истиннаго положенія вещей быстро вносили успокоеніе. Бывало даже такъ, что сельскіе жители, по окончаніи нами суда и расправы въ какомъ-нибудь пунктѣ, выражали свое патріотическое настроеніе общимъ пѣніемъ русскаго народнаго гимна, причемъ это населеніе состояло изъ латышей.

Въ результатѣ всѣхъ нашихъ дѣйствій, уже черезъ два съ половиной мѣсяца, порядокъ въ краѣ былъ возстановленъ и жизнь стала входить въ нормальную колею. Наступили дни нашего бездѣйствія, которые могли вредно отразиться на настроеніи солдатъ. Высшее командованіе подняло вопросъ о возвращеніи частей въ мѣста ихъ постояннаго квартированія. И вскорѣ, тѣмъ же путемъ мы возвратились въ Царское Село.

Въ воздаяніе доблестной службы баталіона Царю и Родинѣ въ опасный моментъ государственной жизни, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было наградить участвовавшихъ въ экспедиціи офицеровъ очередной наградой орденами, при чемъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, 28-го марта 1906 г., лично вручилъ ордена офицерамъ на площади у главнаго подъѣзда Екатерининскаго Дворца.

Бѣлградъ, 1935.

Н. В. Нагаевъ.

Опись

Музея л. гв. 2-го Стрѣлковаго Царскосельскаго полка.

- I. Портреты ВЫСОЧАЙШИХЪ Особъ :
 ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II поясной, писанный масляными красками — даръ ИМПЕРАТОРА.
 ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II въ ростъ, работа полк. Бардовскаго.
 ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III рисунокъ углемъ пор. Завадскаго.
 ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, масляными красками худ..
 ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, пастель — даръ ИМПЕРАТРИЦЫ.
 ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ, рисунокъ углемъ пор. Завадскаго.
 Великаго Князя СЕРГІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, масляными красками — даръ Шефа.
 Великаго Князя ДМИТРІЯ ПАВЛОВИЧА.
 Великой Княгини ЕЛИСАВЕТЫ ФЕОДОРОВНЫ, работа углемъ пор. Завадскаго.
- II. Портреты бывшихъ командировъ баталіона и полка.
- III. Портреты бывшихъ офицеровъ баталіона (полка).
- IV. Витрина съ мундиромъ Великаго Князя СЕРГІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.
- V. Фигура изъ гипса стрѣлка въ парадной формѣ (70-хъ годовъ), въ $\frac{1}{4}$ натур. величины—даръ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.
- VI. Витрина съ образомъ — благословеніемъ горожанъ Царскаго Села при отправленіи баталіона на театръ военныхъ дѣйствій въ Русско-Турецкую войну 1877—78 г.г.; солонкой отъ хлѣба и соли, поднесенными магистратомъ Царскаго Села при возвращеніи изъ похода; перстнемъ знаменщика и др.
- VII. Тарелка ИМПЕРАТОРСКАГО Фарфороваго завода съ изображеніемъ группы Царскосельскихъ стрѣлковъ.
- VIII. Баклага алюминіевая, изъ которой пилъ воду на маневрахъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО.
- IX. Рельефный планъ боя подъ Горнымъ Дубнякомъ — даръ командира л. гв. I-го Стрѣлковаго Е. В. баталіона генерала Глазова.

- X. Стойка съ образцами винтовокъ, бывшихъ на вооруженіи баталіона.
- XI. Стойка съ образцами оружія, взятаго у повстанцевъ Прибалтійскаго края въ 1905—6 г.г.
- XII. Обмундированіе, снаряженіе и головные уборы стрѣлковъ баталіона за 50 лѣтъ (1856—1906).
- XIII. Два ИМПЕРАТОРСКИХЪ призовыхъ кубка за стрѣльбу баталіона (полка).
- XIV. Графинъ въ золоченой оправѣ, съ золочеными стаканами и подносомъ въ память 25-лѣтія шефста Великаго Князя СЕРГІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА — даръ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА.
- XV. Массивная, художественной работы серебрянная братина, изображающая ладью съ воинскимъ шлемомъ на кормѣ, заказанная на собственные средства офицеровъ въ память 50-лѣтія баталіона.
- XVI. Двѣ серебрянныя художественныя вазы для цвѣтовъ — подарокъ АВГУСТЪЙШЕЙ Сестры Шефа, Великой Княгини МАРИИ ПАВЛОВНЫ.
- XVII. Поручичья чарка — даръ поручика А. Ф. Катыбаева.
- XVIII. Серебрянныя доски съ надписью о посѣщеніяхъ офицерскаго собранія ВЫСОЧАЙШИМИ Особами.
- XIX. Столовые серебрянныя приборы Высочайшихъ Особъ.
- XX. Книжный Шкафъ, въ которомъ хранились:
- а) книга почетныхъ посѣтителей офицерскаго собранія;
 - б) книга со спискомъ офицеровъ, оставившихъ свои портреты въ офицерскомъ собраніи;
 - в) черная книга (объ исключенныхъ по „Суду Общества Офицеровъ“);
 - г) исторіи частей Гвардіи; исторіи войнъ, въ которыхъ участвовала Гвардія; воинскіе уставы, наставленія и инструкціи;
 - д) альбомы съ фотографическими снимками офицеровъ, группъ и сценъ изъ жизни баталіона;
 - е) записки, воспоминанія, письма и сочиненія офицеровъ баталіона;
 - ж) рисунки и каррикатуры;
 - з) Списокъ офицеровъ баталіона, награжденныхъ ИМПЕРАТОРСКИМИ призами за стрѣльбу (позже замѣненъ мраморною доскою).

Первый бой*). Воспоминанія Царскосельскаго стрѣлка.

Не могу передать на словахъ того волнующаго чувства, какое охватило меня при чтеніи сводокъ „Союза Царскосельскихъ стрѣлковъ“.

Болѣе пятнадцати лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ пришлось покинуть родной полкъ. Много воды утекло; много пришлось пережить лично; многое уже и забылось, но той далекой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и близкой сердцу семьи Царскосельскихъ стрѣлковъ не стереть ни годамъ, ни событіямъ!.. Она жива, она вѣчно свѣжа и теперь въ памяти. Да и какъ ее забыть!...

Тамъ получилъ я первоначальное военное образованіе. Съ полкомъ выступилъ я лѣтомъ 1914 года въ походъ и только черезъ три года вернулся въ Царское Село, продѣлавъ всю боевую жизнь полка отъ перваго боя 26-го августа 1914 г. до того времени, когда уже не нужны были солдаты...

Уроженецъ я Донской области, Таганрогскаго округа. Родился въ 1892 г. въ имѣніи моего отца на хуторѣ Русско-Сидоровскомъ. По окончаніи Таганрогской гимназіи поступилъ въ Харьковскій университетъ на филологическій факультетъ. Осенью 1913 г., сознательно не воспользовавшись отсрочкой для продолженія образованія и правами вольноопредѣляющагося, былъ призванъ на военную службу и опредѣленъ лейбъ-гвардіи во 2-й стрѣлковый Царскосельскій полкъ, гдѣ назначенъ въ 7-ю роту.

Командовалъ ротой энергичный, настойчивый и дѣловой поручикъ Сергѣй Алексѣевичъ Агаповъ. Полуротнымъ числился шумный внѣшне пріятный подпоручикъ Александръ Яковлевичъ Добровольскій 2-й. Младшимъ офицеромъ роты былъ тихій, скромный, застѣнчивый подпоручикъ Евгений Александровичъ Криницкій.

Въ ротѣ я числился отличнымъ стрѣлкомъ и строевикомъ, за что назначенъ былъ въ учебную команду. Командовалъ ею знающій военное стрѣлковое дѣло, образованный и любимый стрѣлками поручикъ Павелъ Борисовичъ Вальденъ. Младшимъ офицеромъ былъ свирѣпый на видъ, но добрый, справедливый и въ то же время волевою подпоручикъ Александръ Владиміровичъ Круглевскій.

*) 26-го августа 1914 г., близъ дер. Калишаны-Камень, двухбаталіонный л.-гв. 2 стр. Царскосельскій полкъ атакой овладѣлъ непріятельской позиціей, захвативъ 16 орудій и 2 пулемета и взявъ въ плѣнъ 11 австрійскихъ офицеровъ и 221 солдата. Среди Царскосельскихъ стрѣлковъ былъ убитъ командиръ полка, ранено и контужено 14 офицеровъ, убито и ранено 407 стрѣлковъ (ред.).

Въ учебной командѣ оставался я до объявленія войны. Незабываемый день!...

Выжженная солнцемъ, утрамбованная царскосельскимъ гарнизонемъ Софійская площадь. Вдоль шоссе раскинулся нашъ полотняный городокъ-лагерь. Въ воздухѣ знойно, пыльно и душно. У насъ идутъ послѣобѣденныя занятія. Четко и гладко продѣлываемъ ротныя перестроенія. Муштровка наша доведена до высшей степени совершенства. Каждый мускулъ послушенъ командѣ. Ать!... Два!... Три!... Ноги сами перестанавливаются. Каждый въ отдѣльности, всѣ вмѣстѣ — точно машина-автоматъ...

Черезъ поле со стороны офицерскаго собранія быстро приближается начальникъ команды. — „Смирно!“... Мертвая тишина. Приблизился. Не слышно обычнаго привѣтствія. Въ лицѣ волненіе. — „Стрѣлки! Сегодня объявлена война Германіи. Черезъ нѣсколько дней полкъ выступаетъ на фронтъ. Завтра разойдетесь по ротамъ...“ Стоятъ ошеломленные нежданной вѣстью стрѣлки. Вмѣсто пріѣвшагося ротнаго ученія рѣчь о войнѣ, о походѣ звучала какъ награда. Едва сдерживаемъ свой восторгъ. Одно мгновеніе стоитъ молча и начальникъ команды, потомъ. — „За Вѣру, Царя и Отечество. — Ура!“... Ура-а-а-а грянуло и разнеслось по всей площади. Съ винтовками на перевѣсѣ и съ тѣмъ же громкимъ „ура“ отпустили насъ тотчасъ же въ лагерь.

На слѣдующій день я былъ въ ротѣ и единственный изъ молодыхъ солдатъ награжденъ нашивкой ефрейтора. Неожиданная награда пріятно меня поразила; сообщилъ отцу.

„Радуйся и дорожи всякой наградой“, пишетъ отецъ, „а пуще всего помни о своемъ долгѣ передъ Царемъ и Родиной. Сполохъ идетъ по всей Россіи. Объявлена усиленная мобилизація и у насъ на Тихомъ Дону. По улицамъ каждый день шествія съ плакатами, на которыхъ выражена воля народа. Энтузіазмъ всюду необыкновенный. Во всѣхъ живетъ непоколебимая вѣра въ побѣду надъ врагомъ...“

Въ полкъ прибываютъ пополненія и вливаются по ротамъ. Необыкновенно странно видѣть среди насъ молодежи этихъ загорѣлыхъ, только что оторванныхъ отъ гумна и пашни бородачей.

Царское не узнать. Изъ тихой, чинно-строгой царской резиденціи городъ превратился вдругъ въ шумный большой военный лагерь. Всюду идутъ лихорадочная подготовка и приготовленія къ походу.

Конница также усиленно готовится. Царскосельскіе гусары красятъ въ зеленый цвѣтъ своихъ сѣрыхъ въ яблокахъ коней.

Передъ самой отправкой изъ Царскаго полковымъ священникомъ былъ отслуженъ напутственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Затѣмъ командиръ полка генераль-маіоръ Пфейферъ обратился къ стрѣлкамъ со слѣдующей рѣчью: — „Его Императорское Величество, Государь Императоръ и Родина требуютъ отъ васъ исполненія долга, который вы, не щадя силъ и жизни своей, должны выполнить до конца. Отнынѣ вы должны забыть обо всѣхъ дѣлахъ, которыми вы занимались до призыва въ армію, о родныхъ своихъ и обо всемъ томъ, что вы считали дорогимъ вашему сердцу, ибо у васъ, какъ и у насъ всѣхъ“, — прикладываетъ онъ руку къ своей груди, — „не должно быть ничего дороже, какъ Царь, Отечество и Вѣра... Тамъ, на поляхъ сраженій, наша армія проливаетъ уже кровь. Такъ же и вы должны быть готовы каждую минуту до послѣдней капли крови, до послѣдняго вздоха защитить то, что завоевано нашими славными предками. Врагъ силенъ, но настанетъ день, когда онъ на колѣняхъ попроситъ у насъ мира. Кончится война, многіе изъ васъ вернутся домой героями, украшенными орденами. А если кому изъ васъ суждено будетъ умереть, то это — Божья воля, отъ которой укрыться нельзя нигдѣ. Итакъ, стрѣлки, терпѣливо и героически переносите всѣ трудности и лишения. Россія ждетъ отъ васъ чудесъ. — За Вѣру, Царя и Отечество — Ура!“ Мощнымъ дружнымъ „ура“ покрыты были послѣднія слова командира.

Проводы отличались торжественностью и задушевностью. Не у одного изъ насъ сердце стѣснилось томительной тоской.

Медленно, осторожно трогается огромный желѣзнодорожный составъ въ путь дорогу... Непрерывнымъ эхомъ несется по окрестностямъ громкое „ура“, пока Царское не скрывается изъ вида. Это было 3-го августа 1914 года.

На встрѣчу намъ побѣжали величественные по красотѣ и разнообразію виды необъятныхъ російскихъ просторовъ...

Въ Варшавѣ получаемъ извѣстія о крупной побѣдѣ нашихъ подъ Львовомъ. Тысячи плѣнныхъ и много трофеевъ, гласитъ телеграмма. Г.г. офицеры лично объявляютъ объ этомъ по вагонамъ. Взрывы — ура!.. Всюду ликование. Энтузіазмъ!.. Лица всѣхъ сіяющія, возбужденныя.

Приказъ выгружаться... Гвардія собирается на Повонзскомъ полѣ и располагается лагеремъ на ночлегъ. Рѣдкая величественная картина! На сколько глазъ хватить можетъ, вмигъ раскинулся и зажилъ шумной военной жизнью огромный лагерь. Помню тихое безоблачное вечернее небо. Милліарды лучистыхъ звѣздъ ласково и мирно глядятъ на вѣчно волнующійся, вѣчно мятежный родъ людской на землѣ. Съ каждой минутой одни за другими тухнуть у палатокъ костры и стихаетъ лагерный шумъ. Рѣже и рѣже стучать по шоссе пролетки съ запоздалыми сѣдоками. Темно-синяя ночь властно раскидываетъ свою пелену надъ засыпающей землей.

Притихъ лагерь, но не спитъ. Кто-то по сосѣдству затянулъ пріятнымъ баритономъ къ моменту идущую пѣсню. Пѣснь глубоко врѣзается въ душу. Въ ней поется о битвахъ кровавыхъ, о герояхъ, погибшихъ за отчизну, о заслуженной ими славѣ и вѣчномъ покоѣ. Вездѣ въ палаткахъ ведутся тихіе несмолкаемые разговоры. Вотъ одинъ рассказываетъ о турецкой кампаніи такъ подробно, такъ красочно, словно самъ былъ ея участникомъ. Отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну передаются и живутъ въ народѣ дѣла давно минувшихъ дней. Народная память ихъ по бѣлу свѣту разноситъ... Ведутся рассказы и не только военнаго характера. — Запасный бородачъ повѣствуетъ своему юному земляку, какъ онъ былъ взятъ по мобилизаціи. Рассказываетъ подробно, смачно, съ ловкостью заправскаго рассказчика, какъ онъ покинулъ домъ, маленькое хозяйчишко, необмолоченный хлѣбушко... Съ душевной скорбью говоритъ объ убивавшихся при разлукѣ женѣ и малолѣтнихъ дѣткахъ...

Въ другомъ мѣстѣ молодой саратовецъ бойко, рѣчисто, словно по книгѣ читаетъ: — „Съ разсвѣтомъ коня царю осѣдлали и поѣхалъ онъ къ царицѣ съ малымъ числомъ провожатыхъ. Подъѣзжаетъ къ пустыннымъ чертогамъ: Видитъ дворецъ весь внутри освѣщенъ и изъ него несутся звуки радостныхъ пѣсенъ. Одалъ оставя дружину, тихо подѣхалъ ханъ къ окнамъ. И видитъ! — Царица, сродницы ея и рабыни всѣ въ бѣлыхъ свѣтлыхъ одеждахъ съ веселыми лицами стоятъ передъ гяуромъ, одѣтымъ въ парчевую одежду, и какую-то громкую пѣснь поютъ. Вотъ царица подходитъ къ гяуру и цѣлуетъ его прямо въ уста. Свѣту не взвидѣлъ яростный ханъ, крикнулъ дружину и всѣхъ, кто тутъ ни былъ, избить повелѣлъ. А было то, братцы мои, въ ночь на свѣтлое Христово Воскресеніе, когда подъ конецъ заутрени царица, потаенная христіанка, первая съ іереемъ

христосовалась. Дворецъ тотъ сожгли, остатки его истребили, деревья въ садахъ порубили. Запустѣло то мѣсто. А рѣчку, что возлѣ дворца протекала, съ тѣхъ поръ прозвали рѣчкою Царицей, по рѣчкѣ теперь и городъ зовется — Царицынъ“...

„Дежурный!.. Дежурный!..“ раздается сразу нѣсколько голосовъ. „Къ ротному командиру!“ На фонѣ потухающаго костра вижу его огромную фигуру. Подлетаю съ рапортомъ. — „Что это у тебя, курицынъ сынъ, люди до сихъ поръ не спятъ!“ Напускается онъ на меня еще издали. — „Виноватъ, Ваше Высокоблагородіе! Извѣстіе о нашихъ побѣдахъ такъ взволновало и взбудоражило стрѣлковъ, что трудно быстро уснуть, Ваше Высокоблагородіе! Всѣ только объ этомъ и говорятъ!..“ — „Завтра объ этомъ будутъ говорить, а сейчасъ, чтобы не бродили и спали!..“ — „Слушаюсь, Ваше Высокоблагородіе!“ Ротный командиръ удаляется.

Иду исполнять приказаніе. У ближайшихъ палатокъ голоса умолкли, слышавъ приказаніе ротнаго, но въ дальнихъ продолжается еще гомонъ. — „Ты, чать, сегодня парень затмѣніе то солнца видалъ?“ — „Знамо видалъ! Какъ не видать! Всѣ люди видали, — среди бѣла дня вѣдь скрылось! А почему оно скрылось? Вотъ вѣдь въ чемъ главный вопросъ! Этого знать не можемъ“. — „Знать это, парень, не многимъ дано. На все есть своя причина, безъ причины ничего не бываетъ!“ — „Знамо не бываетъ“. — „Ты гляди-отъ! Какъ только гдѣ война затѣвается, сейчасъ значить и разныя знаменія: затмѣніе солнца, али тамъ комета съ хвостомъ въ полъ неба. Это ужъ, парень, безпремѣнно! Если комета-отъ имѣетъ хвостъ короткій, — войнѣ быть недолгой, мигомъ покончатъ...“ — „Спать, спать надо; завтра чуть свѣтъ выступаемъ!“ обрываю я ихъ ученый разговоръ. Разговоръ стихаетъ до шопота.

Рота за ротой, полкъ за полкомъ вытягиваемся по главному шоссе. Бравурно звучитъ полковой маршъ. Гордо развѣвается украшенное боевыми лентами потрепанное знамя. Клубится по дорогѣ густая сѣрая пыль. Музыку смѣняютъ пѣсни солдатскія — удалыя, отъ которыхъ прочь бѣжитъ усталость. Проходимъ польскія села и мѣстечки. Населеніе привѣтствуетъ насъ безъ энтузіазма, сдержанно. Походъ длится нѣсколько дней. Начинаемъ втягиваться въ новую походную жизнь и постепенно забываемъ о фронтѣ. Что дѣлается тамъ... Какъ наши... Никто изъ стрѣлковъ ничего не знаетъ. Офицеры свѣдѣніями не дѣлятся. Фельдфебель также, кажется, знаетъ

не больше нашего. Стрѣлкамъ остается только догадываться да смѣкать.

Маленькая желѣзнодорожная станція. На станціи невообразимый шумъ и гамъ. Идетъ спѣшная погрузка. Ротный съ полуротнымъ присутствуютъ здѣсь и за всѣмъ наблюдаютъ сами. Изъ всѣхъ силъ и больше всѣхъ старается фельдфебель, подпрапорщикъ Андрей Яковлевичъ Ярничъ. Онъ кричитъ до хрипоты, мечется изъ стороны въ сторону, шипитъ и ругается на попадающихся ему безъ дѣла стрѣлковъ и такъ, пока посадка не закончится и офицеры не уйдутъ въ свой вагонъ. Наконецъ погрузка закончена. Поѣздъ медленно трогается съ мѣста. Мы разсаживаемся на голыхъ нарахъ вагона, который немилосердно качается и скрипитъ.

— „На этотъ разъ салонъ намъ, братцы, отвели очень музыкальный!“ замѣчаетъ кто-то изъ угла вагона. — „Ужасный вагонъ“, соглашается его сосѣдъ, дѣйствительной службы стрѣлокъ. „Дай Богъ цѣлыми и невредимыми до фронта добратся-то хоть!“ — „Эхъ, его прости Господи, на фронтъ торопитесь какъ“, замѣчаетъ язвительно одинъ изъ запасныхъ, участникъ Русско-Японской войны. „Что тебѣ, царень, жизнь надоѣла! На фронтъ отъ, братецъ, медомъ не кормятъ. Развѣ они жили на свѣтѣ“, киваетъ онъ головой въ сторону молодежи. „А изволь иди—клади голову! За что?“ — „За Вѣру, Царя и Отечество!“, не задумываясь задорно отвѣчаетъ одинъ изъ молодыхъ. — „А что намъ за польза отъ этого всего? Какъ были бѣдняками да безграмотными мужиками, такими бы остались безъ войны и такими же будемъ послѣ войны, если не подохнемъ“... — „Что вы здѣсь разглагольствуете лишнее!“ строго вмѣшивается взводный, подпрапорщикъ Корбуть и прекращаетъ разговоръ.

Быстро плывутъ намъ навстрѣчу однообразныя песчаныя поля. Изрѣдка промелькнетъ вдругъ перелѣсокъ съ чахлыми низкорослыми деревцами; замаячитъ бѣдное селеніе и опять тянутся поля да пески... „Взвейтесь соколы орла-а-ами!“ затащилъ сидѣвшій у двери общій любимецъ и весельчакъ Пантелей Лохматый. — „Полно горе горева-а-ать!“ отвѣтили басы. Скучились пѣсенники, гаркнули всѣми голосами и полилась пѣсня, утѣха солдата въ походной жизни.

Стало совсѣмъ вечерѣть, когда поѣздъ остановился, чтобы раздать ужинъ. Едва успѣли разобрать супъ и кипятокъ, какъ поѣздъ снова тронулся дальше. Однотонно стучать колеса подъ ногами, то усиливая, то замедляя свой бѣгъ. Плавно покачиваясь и вздрагивая

всѣмъ корпусомъ на стыкахъ, все такъ же скрипитъ, будто поетъ намъ свою колыбельную пѣсню, нашъ товарный вагонъ.

Просыпаюсь. Поѣздъ стоитъ. Въ вагонѣ всѣ спятъ. Дверь плотно закрыта. На перронѣ слышны чьи-то шаги и голоса. Станція, соображаю я съ просонья и тутъ-же сладко засыпаю вновь. Вдругъ рѣзкій настойчивый стукъ въ дверь. — „Открывай! Выгружаемся!“ гремитъ изъ за двери голосъ фельдфебеля. — „Выходи, вылетай пулей!“ оретъ съ просонья не своимъ голосомъ нашъ взводный, одѣвая на ходу свое снаряженіе. Словно испуганныя мыши выскакиваемъ мы и выстраиваемся тутъ же передъ вагономъ. Нѣсколько человѣкъ отъ насъ отправляютъ выгружать кѹхни, патронныя двуколки, санитарныя повозки. Едва успѣли выгрузить обозъ, какъ полкъ, не дожидаясь разсвѣта, снова двинулся въ походъ. Идемъ молча, быстро, безъ обычныхъ приваловъ. — „Не растягиваться, не отставать!“ покрикиваетъ фельдфебель сзади. Судя по звѣздамъ, направленіе держимъ прямо на западъ. Не сразу ли въ бой, мелькаетъ въ головѣ любопытно-тревожная мысль. Нѣтъ, не можетъ быть. Мы идемъ безъ всякихъ мѣръ предосторожностей.

Медленно загорается востокъ и одна за другой гаснутъ звѣзды. Разсвѣтъ. Полкъ останавливается, дѣлаетъ передышку и съ первыми лучами солнца двигается дальше. Теперь идемъ безъ пѣсенъ, но бодро и весело. Слышны шутки и подтруниваніе надъ стариками—запасными, не вполне еще освоившимися съ общимъ военнымъ духомъ и его порядками. Дорога становится все хуже, все развѣзженнѣй. Видно здѣсь прошло не мало войскъ. Мѣстность выглядит все убоже и пустыннѣй. Справа и слѣва пески. Я начинаю чувствовать небывалую усталость и смертельный голодъ. Съ завистью смотрю моему сосѣду татарину прямо въ ротъ, который что-то аппетитно жуетъ. — „На бери знакомъ“—подаетъ онъ мнѣ кусочекъ какого-то сушеного мяса. Я съ благодарностью принимаю и сую моментально въ ротъ. — „А ты, знакомъ, сначала пробуй“, говоритъ онъ, улыбаясь во весь ротъ, при чемъ его нижняя челюсть съ жиденькой бородкой начинаетъ смѣшно дрожать. — „Якши, Махметушка, больно якши! Давай, много давай! Больно караша!“ Татаринъ хитро хихикаетъ.— „Ладна. Пошла дѣла. Давай рукамъ!“ говоритъ онъ, отсыпая цѣлую горсть сушеной конины. Я благодарю его еще разъ и мы становимся друзьями.

Полдень. Большой приваль. Словно раскаты отдаленнаго грома глухо доносится съ фронта грохотъ орудій. Всѣ настораживаются и

поднимаютъ головы. Впервые услышанная канонада орудій воспринимается людьми по разному. Кто мрачно молча хмуритъ брови; кто приходитъ въ такой дикій ражъ, что не посидитъ и минуту на мѣстѣ; а нѣкоторые въ паническомъ страхѣ объявляются больными. Подъѣзжаетъ кухня. — „Пошли за обѣдомъ! Пошли разобрать, супъ“! несутся со всѣхъ сторонъ голоса. Люди съ котелками выстраиваются въ очередь. Артельщикъ возвращается отъ ротнаго командира съ пробой и приказаніемъ раздавать пищу. Ловко работаетъ кашеваръ черпакомъ, стоя надъ котломъ, измазаннымъ зеленовато-желтымъ горохомъ. Его помощникъ накладываетъ въ котелки кашу и раздаетъ порціи мяса. Послѣ обѣда въ роту приходятъ ротный съ полуротнымъ. Оба участливо спрашиваютъ, всѣ ли получили кашу, мясо и понравился ли горохъ.

Кто-то изъ стрѣлковъ спросилъ ротнаго: — „А чья это, Ваше Высокоблагородіе, артиллерія такъ жаритъ.“ — „Это наши артиллеристы гвоздятъ по австрійскимъ черепамъ“, отвѣтилъ смѣясь ротный. „Завтра мы имъ покажемъ Кузькину мать. Будутъ помнить Царскосельскихъ стрѣлковъ“... Ротнаго окружаютъ тѣснымъ кольцомъ. — „А вамъ“, обращается онъ къ мобилизованнымъ псковичамъ, — „бороды ваши слѣдуетъ убрать, ибо, по доходящимъ съ фронта свѣдѣніямъ, очень большой процентъ раненыхъ и убитыхъ падаетъ, какъ разъ, на долю мобилизованныхъ, не желающихъ разстаться со своими мочалками. Каждая голова вотъ съ такою бородой“, — указываетъ онъ на бородача, — „представляетъ мишень, въ которую только плохая баба не сможетъ прицѣлиться и попасть“. Потомъ объявилъ, что выступаемъ мы черезъ два часа и будемъ идти всю ночь, чтобы къ утру занять исходное положеніе для атаки позиціи противника. Это было въ 1914 году 25-го августа, наканунѣ нашего перваго боя.

Примолкли стрѣлки. То грозное, что недавно еще казалось сказочно далекимъ, стало вдругъ дѣйствительнымъ и придвинулось вплотную. Не вѣрится, что сегодня мы, цвѣтушіе здоровьемъ люди, завтра можемъ обратиться въ прахъ. Крылатая быстролетная мысль устремляется къ роднымъ очагамъ. Почти всѣ пишутъ, наспѣхъ, роднымъ короткія письма. Нѣкоторые одѣваютъ свѣжее бѣлье, чтобы, если суждено будетъ умереть, предстать предъ престоломъ Всевышняго чистыми, ибо многіе увѣрены, что погибшіе на войнѣ попадутъ прямо въ рай. Всѣ, какъ одинъ человекъ, за исключеніемъ моего

новаго пріятеля Махметушки, выбрились. Махметушка же потомъ всю дорогу звѣрски выдергивалъ свою жиденъкую бороденку руками.

Приказано прочистить винтовки, отточить штыки и пополнить патроны. Солнце садится ближе и ближе къ горизонту. Смокла совсѣмъ канонада на фронтѣ. Мы трогаемся въ путь. Фельдфебель докладываетъ ротному о помолодѣвшихъ старикахъ. Ротный, окинувъ взоромъ роту, ухмыляется себѣ въ усъ.

Идемъ форсированнымъ маршемъ. Знамя, оркестръ, кухня, повозки все осталось позади. Верхомъ на лошади въ сопровожденіи полкового адъютанта обгоняетъ насъ командиръ полка. — „Командировъ ротъ впередъ! „передается тихо по колоннѣ изъ устъ въ уста. Насъ поглощаетъ темный лѣсъ. Останавливаемся.

Черезъ нѣкоторое время изъ темноты доносятся команды: — „Первый баталіонъ!.. Второй!.. Рота Его Высочества!.. Вторая!.. Третья!.. Седьмая!“...

Мы трогаемся и идемъ гуськомъ. Достигнувъ противоположной опушки лѣса, выстраиваемся развернутымъ строемъ, лицомъ къ западу. — „Можно сѣсть и отдохнуть, но не расходиться и не снимать снаряженія“, передается шопотомъ команда. Вся сѣрая масса людей тяжело опускается на землю и, утомленная длительнымъ ночнымъ переходомъ, засыпаетъ сидя.

Это наше исходное положеніе, думаю я, стараясь отогнать отъ себя сонъ. Съ разсвѣтомъ загремятъ здѣсь пушки, затрещатъ пулеметы, защелкаютъ винтовки и начнется бой.

Съ ранняго дѣтства я безумно любилъ блескъ военныхъ парадовъ. Я забывалъ все на свѣтѣ при видѣ гарцующихъ, подь музыку кавалеристовъ. Война въ моемъ дѣтскомъ воображеніи была благороднѣйшимъ, рыцарскимъ дѣломъ. Слово — Война — было для меня тѣмъ волнующимъ терминомъ, который опредѣлялъ высшую степень величія и красоты. Мое маленькое дѣтское сердце такъ учащенно билось при видѣ уходящихъ на Японскую войну солдатъ. Я видѣлъ въ каждомъ офицерѣ съ шашкой въ рукѣ и въ каждомъ солдатѣ съ ружьемъ на плечѣ и ранцемъ за спиной героя. Мнѣ тогда хотѣлось плакать отъ горя, что я еще такой маленькій и не могу тоже быть солдатомъ, не могу итти на войну. Теперь я на войнѣ, передъ самымъ боемъ и, стыдно сознаться, кромѣ усталости и безразличія ничего не чувствую.

Кромѣшная тьма постепенно разсѣивается. Все явственнѣй вырисовывается опушка лѣса; за ней, въ утренней дымкѣ, поле, а тамъ

дальше холмы и снова лѣсъ. На тѣхъ отдаленныхъ холмахъ, разсуждаю я самъ съ собой, должна быть позиція нашего противника. При этомъ чувствую, какъ легкій холодокъ забирается подъ мою рубашку, распространяется по всему тѣлу и захватываетъ все мое существо.

Мимо, придерживая свое бряцающее снаряженіе, спѣшить куда-то взводный. — „Есть новости г. взводный?“ — „Да. Приказано поднять людей и быть наготовѣ“. Вскорѣ стало извѣстно, что полкъ сейчасъ пойдетъ въ наступленіе.

Изъ за деревьевъ торопливо приближаются подпоручикъ Криницкій съ фельдфебелемъ и ротнымъ фельдшеромъ. Получаемъ перевязочный матеріалъ.

Совсѣмъ разсвѣло. Кругомъ еще по прежнему тихо, необыкновенно тихо, какъ будто вся природа затаила дыханіе и ждетъ чего-то чудовищнаго, страшнаго...

Но вотъ утреннюю тишину прорѣзаютъ ружейные выстрѣлы, сначала одиночные, словно случайные, потомъ все чаще и больше... Залпомъ хлестнула, сзади насъ, батарея. Всѣ встрепенулись, прислушиваясь къ полету снарядовъ, управляя машинально свое снаряженіе. Та... та... та... заговорилъ впереди насъ пулеметъ. Снова и снова оглушительно бухаютъ орудія... Вотъ оно, — начинается!

Передъ лицомъ смерти всѣ серьезны и молчаливы. Стоящій рядомъ со мною Махметушка дрожитъ всѣмъ тѣломъ и то и дѣло возводитъ на меня свои черные глаза, полные невѣдомой тоски. Я стараюсь ободрить его и пускаю вслѣдъ пролетающимъ снарядамъ какія-то неумѣстныя шутки. Онъ на мигъ кривитъ свой ротъ въ горькую улыбку и снова на его лицѣ появляется предсмертная грусть.

Выше и выше поднимается солнце. Отъ деревьевъ падаютъ и тянутся къ полю длинныя тѣни. На росистой травѣ видны слѣды ходившей ночью развѣдки.

„Седьмая рота впередъ,“ — раздается зычная команда появившагося передъ фронтомъ роты поручика Агапова.

Быстро, безъ суеты, точно на ротномъ ученіи, развертываемся въ цѣль и беремъ указанное направленіе. Передъ нами чистое, недавно скошенное поле. Здѣсь, на просторѣ, отчетливѣй слышна пулеметная и ружейная стрѣльба. Послѣ нѣсколькихъ перебѣжекъ попадаемъ уже въ сферу дѣйствительнаго огня. Стараюсь не растерять свое звено, быть возможно покойнымъ и полностью запомнить картину боя.

Влѣво, широкой цѣпью наступаетъ 1-й баталіонъ. Впереди насъ 5-я, 6-я и 8-я роты 2-го баталіона. Мы передвигаемся резервной цѣпью непосредственно за ними.

У расположившагося на высотахъ противника мы какъ на ладони. Неумолчно рокочутъ его пулеметы. Свинцовый дождь сыплется на насъ спереди и съ лѣваго фланга. Стрѣлки вспоминаютъ о своихъ лопаткахъ и пользуются ими при перебѣжкахъ. Переднія цѣпи передвигаются все быстрѣй и стремительнѣй. Наши батареи все усиливаютъ огонь и гремятъ несмолкаемымъ гуломъ. Вотъ уже намѣчаются окопы противника и видны разрывы шрапнелей надъ ними. Молчавшая до сихъ поръ артиллерія противника открываетъ вдругъ ураганный огонь по цѣпямъ, по резервамъ и по лѣсу, который укрывалъ насъ ночью. Снаряды съ жуткимъ возмъ рвутся въ нашихъ рядахъ.

„Ребята помогите“..., кричитъ кто-то. „Товарищи!... я раненъ... перевяжите!...“ несутся мучительно-жалобные стоны раненыхъ. Сзади слышны хриплые крики: „Впередъ!... Впередъ!...“ Мы бѣжимъ мимо раненыхъ и убитыхъ. Мы не смѣемъ остановиться; на то есть санитары.

Артиллерійскій огонь съ обѣихъ сторонъ достигаетъ наивысшей силы. Земля подъ ногами прыгаетъ, какъ при сильнѣйшемъ землетрясеніи. Мы настигаемъ переднія цѣпи, сливаемся съ ними и бурной всепоглощающей волной, которую не можетъ больше ничто остановить, устремляемся прямо въ клокочущій адъ, гдѣ съ дикимъ хохотомъ неистово пляшетъ смерть. Порой мнѣ сдается, что мы находимся въ гигантскомъ котлѣ, въ которомъ кипятъ кровь и желѣзо.

Вотъ упалъ мой сосѣдъ. Вотъ упалъ еще кто-то,... еще и еще!.. Чѣмъ меньше становится разстояніе между нашими и непріятельскими окопами, тѣмъ меньше я становлюсь способнымъ мыслить. Позади меня кто-то бѣжитъ, справа, слѣва тоже, но я не обращаю никакого вниманія. Мнѣ кажется, что малѣйшая заминка въ моемъ стремительномъ бѣгѣ приведетъ къ тому, что десятки пуль одновременно вонзятся въ меня.

Кто-то опять растянулся у моихъ ногъ и умолкъ. Мы уже давно не залегаемъ, а бѣжимъ, бѣжимъ, задыхаясь въ дыму, въ пыли, отъ которыхъ меркнетъ солнце.

Перепуганный на смерть и уставшій метаться изъ стороны въ сторону степной заяцъ, смѣшно прядая ушами, идетъ намъ навстрѣчу шагомъ.

Но вот среди рева всесокрушающаго урагана раздаётся наконецъ и съ молніеносной быстротой подхватывается всѣмъ живымъ потокомъ людей „ура“... Не помня себя, словно безумные, съ винтовками на-перевѣсъ устремляемся мы на противника. На лицахъ всѣхъ готовность умереть. Сухо и рѣзко трещать выстрѣлы. Идетъ нервная, критическая пальба въ упоръ. Дикими прыжками взбѣгаю на насыпь окопа. Передо мною вырастаетъ блѣдный съ искаженнымъ лицомъ австріецъ. Одну секунду онъ смотритъ на меня снизу вверхъ, держа поднятыми руки, но, кѣмъ-то подстрѣленный—падаетъ въ тотъ моментъ, когда я прыгаю въ окопъ. Артиллерія противника, разстрѣливавшая насъ прямой наводкой, смолкла. „Ура-а-а-а“ вспыхнуло съ новой силой.

Трещать безпорядочные ружейные выстрѣлы. Мелькаютъ въ воздухѣ приклады. По всему участку наши цѣпи заливаютъ непріятельскіе окопы. Бѣгу впередъ, натываясь на ужасно изуродованные трупы. Скачу черезъ нихъ съ ловкостью и быстротой кошки. Австрійки лихорадочно быстро отстегиваютъ свое снаряженіе и бросаютъ его къ нашимъ ногамъ...

Какъ-то сразу оборвалась стрѣльба. Я останавливаюсь. Никого изъ нашихъ. Вокругъ меня стрѣлки другихъ ротъ, которые также ищутъ своихъ. Всѣ перемѣшались. Никто толкомъ не знаетъ, гдѣ его командиръ, гдѣ товарищи. На лицахъ всѣхъ радость и упоеніе побѣдой; чувство, которое трудно передать. Люди бросаются другъ другу на шею. Всюду слышно: „Побѣда!... Поздравляю!... Съ побѣдой!...“ Иду отыскивать свою роту. Вездѣ на пути попадаются лежащіе въ лужахъ крови трупы австріевъ. Тутъ-же валяются ихъ винтовки, пулеметныя ленты, окровавленные тряпки, забрызганное кровью снаряженіе.

Лихорадочно работаютъ санитарныя команды, подбирая стонущихъ раненыхъ. Среди многочисленныхъ раненыхъ находится и Махметушка. Онъ лежитъ неподвижно съ потухшимъ взоромъ, постепенно холодѣя и коченѣя. А вотъ еще одинъ съ рваной раной въ лѣвомъ боку. Сколько ни накладываетъ санитаръ бинтовъ, кровь все равно течетъ. Онъ едва меня узнаетъ. „Не горюй, дорогой, раны твои хорошія“, — утѣшаетъ его санитаръ, — „повезутъ тебя въ Россію, будутъ лечить, а за это время, дастъ Богъ, миръ будетъ заключенъ“. Раненый блѣденъ и неподвиженъ. На лицѣ его легла уже та предсмертная грусть, которая замѣчается у всѣхъ умирающихъ.

Отъ санитаря узнаю, что наша рота собирается у дальней опушки лѣса. Иду туда и на пути попадаю на захваченную непріятельскую

батарею. Огромныя горы гильзъ свидѣлствуютъ о томъ адскомъ огнѣ, который противникъ развилъ за время атаки. Но перебитыя запряжки и переколотая прислуга говорятъ уже о силѣ нашего штыкового удара и мѣткости пулеметной и ружейной стрѣльбы. Изъ лѣса выводятъ обезоруженныхъ плѣнныхъ, на лицахъ которыхъ написаны и страхъ, и радость.

Въ указанномъ санитаромъ мѣстѣ нахожу свою роту. Меня встрѣчаютъ радостными возгласами и, окруживъ тѣснымъ кольцомъ, забрасываютъ вопросами: — „Не видалъ-ли того? Не встрѣчалъ-ли другого? Съ кѣмъ былъ во время атаки? Сколько закололъ австрійцевъ? Слыхалъ-ли, что снарядомъ убило командира полка и переранило весь штабъ? А правда-ли, что нашъ ротный также раненъ?...“ Словомъ идетъ тотъ характерный хаотическій обмѣнъ впечатлѣніями, какія бывають только непосредственно послѣ боя.

Къ вечеру насъ уводятъ на ночлегъ къ дер. Калишаны. Еще разъ окидываю взоромъ ратное поле. Вѣчнымъ сномъ спятъ на немъ павшіе герои, надъ которыми бѣлымъ саваномъ стелется туманъ.

Не доходя деревни, останавливаемся и располагаемся лагеремъ. Въ одинъ моментъ вырастають цѣлые ряды палатокъ и среди нихъ, въ вечерней мглѣ, ярко пылають костры. Подѣливъ между собой добычу: ромъ, табакъ, сигареты, консервы, молоко, стрѣлки оживленно справляютъ свою первую ратную побѣду. Горятъ не потухая костры. Всю ночь слышатся возбужденные голоса. Когда поздно ночью является съ ужиномъ кухня, то на зовъ:—„пошли разобрать ужинъ“, почти никто не шевелится. Пользуясь прибытіемъ кашеваровъ, наспѣхъ пишу домой открытку.

На утро, чуть на востокъ за лѣсомъ показался алыі дискъ солнца, мы стояли уже колоннами, готовые къ новому побѣдному маршу.

Вмѣсто убитаго наканунѣ командира полка генераль-маіора Пфейфера, подѣхалъ къ полку съ раненой рукой на перевязи старшій полковникъ Седергольмъ. Въ сильной рѣчи онъ благодарилъ гг. офицеровъ и стрѣлковъ за непримѣрную доблесть, закончивъ словами: „къ старымъ полковымъ традиціямъ вы, дорогіе стрѣлки, прибавили новые лавры.“

Затѣмъ въ присутствіи всего полка съ подобающими воинскими почестями и церковными пѣснопѣніями были преданы землѣ въ общей братской могилѣ павшіе бойцы. Невыразимо трогательно прозвучали

слова священника: „И сокруши Богъ высокія твердыни и разточи гордыя мыслью сердца ихъ“.

Надъ быстро возросшимъ холмомъ свѣжей земли водрузили большой деревянный крестъ, съ надписью: „Вѣчная память убитымъ, вѣчная слава живымъ“.

Дармштадтъ, 1934 г.

В. С. Ревенковъ.

Тернистый путь. Царскосельская быль 1917 года.

„Итакъ смиритесь подъ крѣпкую руку
Божію, да вознесетъ васъ въ свое время“.
1-ое посл. Св. Ап. Петра 5 — ст. 6.

Въ жизни человѣка давно минувшее событіе вновь переживается имъ до мелочей, при томъ все совершившееся имъ и совершенное проходитъ черезъ чистую отъ чего-либо посторонняго призму критики разума. Эта кристаллизація прошедшаго внезапно озаряется мистическимъ свѣтомъ и человѣкъ, прозрѣвая духовно, просматриваетъ и переживаетъ съ особенными ясностью и точностью минувшее событіе, отчетливо выявленное ему игрою свѣта и тѣней.

По истеченіи достаточнаго промежутка времени внезапно познается, что произошло, какъ произошло и почему оно произошло. Свершается Великій Судъ содѣланнаго.

На исходѣ восемнадцатаго года со дня отъѣзда Царственной Семьи изъ столь любимаго Ими Царскаго Села въ сибирскую ссылку суждено мнѣ было снова пережить тотъ историческій день, тѣ часы и особенно минуты, когда поѣздъ, увозившій Государя Николая Александровича и Его Семью, медленно, очень медленно отошелъ отъ платформы станціи „Александровской“, Московско-Виндаво-Рыбинской желѣзной дороги.

Возвратившись домой послѣ утомительной, изматывающей физическія силы работы на заводѣ въ ночную смѣну, я сидѣлъ передъ настѣжъ открытымъ окномъ. Безоблачное, чистое небо глядѣло въ него. Раннее, едва забрезжшее утро поздней весны врывалось ко мнѣ и обдавало меня неудержимымъ потокомъ душистой свѣжести среди невозмутимой тишины еще непроснувагося города.

Вспомнилось другое утро, давно, давно минувшее, когда, сидя на ступенькахъ крыльца Баболовскаго дворца въ Царскомъ Селѣ, я встрѣчалъ зарожденіе новаго дня.

Тогда было тоже тихо, тихо. Съ благоговѣніемъ, присущимъ природѣ, притихла среди густого кустарника толпа разросшихся на волѣ деревьевъ, вѣками укрывавшихъ своею тѣнью отъ знойнаго солнца Богомъ, вѣнчанныхъ на великое и тяжкое служеніе Царствен-

ныхъ Лиць. Замерла въ стеклянной неподвижности водная гладь пруда, кое-гдѣ подернутая тиной, и весь Баболовскій паркъ, любясь дѣвственной первой улыбкой весенняго утра, слалъ ему свой привѣтъ ароматомъ хвои, свѣжей юной зелени, раннихъ цвѣтовъ и пробудившейся отъ зимняго сна земли.

Нить воспоминаній, завязывая узелъ за узломъ картины давно и безвозвратно минувшаго, напомнила мнѣ и сѣрые сырые дни съ морозящимъ дождикомъ, вѣрнымъ другомъ нашихъ былыхъ маневровъ и подвижныхъ сборовъ Гвардіи.

Вспомнился пригорокъ, около котораго лежала въ цѣпи наша рота. Потомъ донесшійся торопливый конскій топотъ и внезапно затрепетавшій по вѣтру на этомъ пригоркѣ Императорскій штандартъ. И я, точно въявь, увидѣлъ спокойно поднявшагося на пригорокъ Государя, сопровождаемаго Августѣйшимъ Главнокомандующимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ.

Увидя лежащую въ цѣпи роту, Государь медленно оглядѣлъ ее, поздоровался съ ней и затѣмъ, сѣвъ на поданный Ему складной стулъ, началъ разсматривать въ бинокль впередилежащую мѣстность, слушая разъясненія Главнокомандующаго.

Въ этотъ моментъ воспоминаніе вдругъ рѣзко перекинулось на другой такой-же пасмурный день, день 1-го августа 1917-го года, и я началъ переживать событія этого историческаго и роковаго для Россіи утра.

При вспышкѣ этого воспоминанія какое-то оцѣпенѣніе охватило меня. Я не въ силахъ точно передать словами то состояніе, въ какомъ былъ. Скажу только, что въ этомъ переживаніи участвовали не только моя мысль, но все мое существо. Я чувствовалъ, какъ обострялись невѣроятно мои нервы, какъ началъ отчетливо работать разумъ и какъ медленно но глубоко воспринимала моя душа впечатлѣнія вновь переживаемаго историческаго факта.

Эти воспоминанія начались съ кануна историческаго утра 1-го августа 1917 года.

31-го іюля, около 8¹/₂ часовъ утра, меня вызвалъ по телефону начальникъ Царскосельскаго гарнизона и комендантъ Александровскаго дворца, полковникъ л. гв. Петроградскаго полка Евгеній Степановичъ Кобылинскій. Онъ мнѣ приказалъ немедленно пріѣхать къ нему на квартиру, захвативъ съ собой одного изъ членовъ исполнительнаго

комитета 2-го Гвардейскаго стрѣлковаго резервнаго полка, которымъ я тогда командовалъ.

Получивъ это сухое, короткое приказаніе, я вызвалъ къ себѣ предсѣдателя исполнительнаго комитета полка прапорщика Ефимова и предложилъ ему сейчасъ-же назначить одного изъ членовъ комитета. Ефимовъ, видимо, уже былъ въ курсѣ. Не спросивъ о сущности дѣла, онъ отвѣтилъ, что имъ уже назначенъ для этого стрѣлокъ Игнатовъ. Послѣдній въ это время былъ активнымъ агентомъ большевицкой партіи, поэтому подобное заранѣе сдѣланное назначеніе невольно насторожило меня.

Полковникъ Кобылинскій принялъ насъ въ рабочемъ кабинетѣ своей квартиры въ Лицейскомъ флигелѣ Большого дворца. Поздоровавшись и предложивъ намъ сѣсть, онъ сказалъ, что вызвалъ насъ по очень важному и экстренному дѣлу, которое до его выполненія нужно хранить въ строгой тайнѣ.

Къ большому удивленію полковника Кобылинскаго и моего стрѣлокъ Игнатовъ съ едва замѣтной усмѣшкой заявилъ, что ему это секретное дѣло хорошо извѣстно и что вопросъ о немъ уже разрѣшенъ въ исполнительномъ комитетѣ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ Петрограда.

Какъ всегда, спокойно и выдержанно, но не скрывая своего недоумѣнія на лицѣ, полковникъ Кобылинскій отвѣтилъ, что о рѣшеніи Петроградскаго Совѣта ему ничего не извѣстно, но что онъ имѣетъ особое на этотъ случай распоряженіе отъ министра-предсѣдателя Керенскаго.

Игнатовъ снова усмѣхнулся.

Тогда полковникъ Кобылинскій добавилъ, что если дѣло, по которому онъ насъ вызвалъ, извѣстно стрѣлку Игнатову, то оно не извѣстно мнѣ, командиру части, а обоимъ намъ — его распоряженія, которыя онъ сейчасъ дастъ.

Послѣ этихъ словъ полковникъ Кобылинскій сообщилъ, что министръ Керенскій ему передалъ рѣшеніе Временнаго Правительства о немедленномъ перевозѣ арестованной Царской Семьи въ другое болѣе благонадежное мѣсто, называть которое ему временно запрещено.

— „Я знаю куда“, сказалъ Игнатовъ.

— „Куда“?

— „Или въ Архангельскъ, или въ Вологду“.

— „Пусть будетъ такъ“, спокойно проговорилъ полковникъ Кобылинскій и пристально посмотрѣлъ на меня.

— „Но этого не будетъ. Совдепъ этого не допуститъ“, замѣтилъ Игнатовъ.

— „Почему?“

— „Потому, что Вологда близка къ Архангельску, гдѣ стоятъ англичане. Въ Архангельскѣ-же ни подѣ какимъ видомъ. Ихъ увезутъ изъ Россіи“.

— „Англія отказалась Ихъ принять“, сказалъ полковникъ Кобылинскій.

— „Это буржуазная уловка“, съ усмѣшкой возразилъ Игнатовъ.

На возраженія Игнатова полковникъ Кобылинскій сказалъ, что говорить объ этомъ сейчасъ не время, а что надо немедленно приступить къ исполненію распоряженія Керенскаго, и приказалъ сейчасъ-же по нашемъ возвращеніи въ полкъ сформировать полного состава мирнаго времени роту при двухъ офицерахъ, предназначенную въ очень длительную и дальнюю командировку, и представить именной списокъ роты ему на утвержденіе. Назначеніе роты — караульная служба при арестованной Царской Семьѣ въ Ихъ новомъ мѣстѣ пребыванія.

Такія же роты формировались отъ 1-го и 4-го Гвардейскихъ стрѣлковыхъ резервныхъ полковъ.

Отдавъ приказаніе, полковникъ Кобылинскій еще немного позондировалъ Игнатова относительно рѣшенія Петроградскаго Совдепа, но послѣдній отвѣчалъ уклончиво, глядя на него съ усмѣшкой изподлобья.

По дорогѣ въ полкъ Игнатовъ сказалъ мнѣ, что вопросъ о перевозѣ Царской Семьи (онъ назвалъ Романовыхъ) — вопросъ давнишній и почему-то Временнымъ Правительствомъ всегда откладываемый разрѣшеніемъ. Петроградскій Совдепъ настойчиво требовалъ увоза Царской Семьи изъ Царскаго Села въ болѣе надежное мѣсто, удаленное отъ центра политической свалки. Оффиціальной причиной этого требованія выставлялась боязнь проявленія нежелательнаго эксцесса по отношенію Царской Семьи, а въ дѣйствительности опасеніе за Ея бѣгство за границу Россіи.

На мой вопросъ, куда-же намѣчено Ее перевести, Игнатовъ отвѣтилъ, что уже только не въ Архангельскѣ. Вѣроятно же всего пове-

зуть въ Сибирь, въ одинъ изъ городовъ, наименованіе котораго начинается съ буквы Т.

— „Тюмень? Тобольскъ?“

— „Въ послѣдній“, перебилъ меня Игнатовъ.

Послѣ этого мы молча доѣхали до казармъ полка. Слѣзая съ пролетки, я поручилъ Игнатову передать Ефимову, чтобы онъ немедленно собралъ исполнительный комитетъ полка въ офицерскомъ собраніи, и пошелъ къ себѣ.

Дома была тишина. Сидѣлъ въ углу дивана полковникъ Ф. В. фонъ Крузе, задумчиво и неподвижно глядя передъ собою; что-то шила жена, сидя рядомъ съ нимъ въ креслѣ у стола. Я передалъ полковнику Крузе, какъ старшему штабъ-офицеру нашего дѣйствующаго полка, хотя и бывшему не у дѣлъ изъ-за своего тяжелаго раненія, полученное приказаніе и разговоръ съ Игнатовымъ.

Въ отвѣтъ полковникъ Крузе молчалъ. Онъ не проронилъ ни слова и во время завтрака. Только послѣ него задумчиво проговорилъ, что набрать нужную роту, особенно по желательному ея настроенію, въ нынѣшнее время задача очень нелегкая. Трудно разобраться въ стрѣлкахъ.

Снова наступило молчаніе. У каждого невольно явилась своя дума, а вѣрнѣе одна: дума о Царской Семѣ, предчувствіе уходящаго навсегда, безвозвратно стараго вѣкового уклада жизни Россіи, чувство отлетающаго строя Императорской Самодержавной власти и нахлынувшего на Родину ужаснаго мрака анархіи. Тогда намъ всетаки не вѣрилось, что это старое, вѣковое исчезнетъ навсегда. Мы сознавали роковой переломъ въ судьбѣ Родины, но будущее ея для насъ было темно.

У меня-же лично была еще и другая дума. Волею Провидѣнія я попалъ въ число тѣхъ немногихъ людей изъ многомилліоннаго населенія Россіи, которымъ поручалось изъ массы распущенныхъ и распропагандированныхъ людей, бывшихъ солдатъ доблестной и стойкой ранѣ Старой Императорской Гвардіи, выбрать тѣхъ, въ которыхъ сохранилось всетаки искони природная преданность Царю, человѣческое сердце и, хотя-бы, бережное отношеніе къ жизни и судьбѣ человѣка.

Вѣдь тогда набиралась рота для послѣдней охранной службы Того, кого самъ Богъ вѣнчалъ алмазнымъ вѣнцомъ Августѣйшихъ предковъ, вѣнцомъ, вручавшимъ Царю неограниченную власть надъ

судьбами величайшаго въ мірѣ государства, но перевитымъ терніемъ уже съ перваго возложенія его на царственную голову. Надо было набрать въ роту такихъ стрѣлковъ, которые были бы способны охранить Царскую Семью въ благополучіи, насколько это было возможно въ то время при наличіи ничтожной, слякотной государственной власти.

Вскорѣ послѣ завтрака исполнительный комитетъ полка собрался въ офицерскомъ собраніи. Придя туда, я засталъ всѣхъ членовъ комитета въ пріемной комнатѣ молчаливыми и сосредоточенными. На лицо были: предсѣдатель исполнительнаго комитета прапорщикъ Ефимовъ, подпрапорщики Смолинъ и Поповичъ, стрѣлокъ Игнатовъ, еще трое стрѣлковъ и полковникъ Вальденъ, приглашенный какъ начальникъ хозяйственной части полка для разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ его должностью.

Засѣданіе комитета происходило на балконѣ. Сѣли за столъ довольно странно. На одной длинной сторонѣ стола сѣли я и полковникъ Вальденъ, а напротивъ насъ занялъ мѣсто весь исполнительный комитетъ, кромѣ прапорщика Ефимова, сѣвшаго слѣва отъ меня, отдѣльно, на узкомъ концѣ стола. При предшествовавшихъ засѣданіяхъ комитета такъ не сажались; не было этого рѣзкаго разграниченія.

Съ самаго начала засѣданія водворилось серьезное настроеніе и все засѣданіе прошло безъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ демагогическихъ фразъ, провокаціонныхъ выступленій и выкриковъ. Очевидно члены комитета, можетъ быть и безсознательно, чувствовали, что дѣло касается не простаго гражданина Россіи, а особеннаго, и исполнительный комитетъ, кажется, единственный разъ за все свое существованіе оказался выдержаннымъ и даже дѣловымъ. Даже тогда, когда отъ спокойнаго разрѣшенія строевыхъ и хозяйственныхъ вопросовъ онъ перешелъ къ обострившемуся вопросу личнаго состава роты, особенно офицерскаго, онъ все-же остался выдержаннымъ, но изъ дѣлового перешелъ въ упорную борьбу.

Сравнительно легко прошелъ вопросъ о рядовыхъ стрѣлкахъ и начальствующихъ изъ нихъ. Меня тогда удивило, однако, то обстоятельство, что Ефимовъ, патентованный провокаторъ, предложилъ исполнительному комитету въ выборѣ стрѣлковъ руководиться моими указаніями, что комитетъ принялъ безъ возраженій. Въ этотъ разъ предложеніе Ефимова звучало искренно.

Я указалъ, что надо брать исключительно такихъ стрѣлковъ, въ которыхъ мы можемъ быть твердо увѣрены въ томъ, что они не сдѣ-

лаютъ поступковъ нежелательныхъ и грубыхъ по отношенію къ Царской Семѣ. Я потребовалъ набора стрѣлковъ выдержанныхъ, сохранившихъ еще свою воинскую выправку, нравственную и строевую. Особенно нравственную, такъ какъ именно это качество наличнаго состава роты главнымъ образомъ потребуетъ ея предстоящая служба.— „Если раньше наши стрѣлки“, сказалъ я, „умѣли образцово и твердо нести караульную службу при Императорѣ, то и теперь они должны и могутъ нести такъ-же образцово и твердо охранную службу при бывшемъ Императорѣ.“ Затѣмъ я указалъ, что хотя распущенность дошла не только до послѣдняго предѣла, но и перешла его, но набрать сотню желательныхъ стрѣлковъ изъ двухтысячнаго состава полка вполне возможно. Объ унтеръ-офицерахъ нечего было и говорить; такіе были.

Послѣдовавшіе переговоры членовъ комитета дали положительные результаты. Мои указанія были приняты къ исполненію безъ споровъ и возраженій. Небольшой споръ лишь возникъ о числѣ членовъ комитета, назначаемыхъ въ составъ роты, и былъ рѣшенъ постановленіемъ двухъ членовъ комитета на каждый взводъ.

Перешли къ офицерскому вопросу. — „Вотъ наши кандидаты на офицерскія должности, господинъ полковникъ. Согласны-ли вы съ этимъ спискомъ или у васъ есть свои кандидаты“, сказалъ Ефимовъ, передавая мнѣ списокъ намѣченныхъ комитетомъ офицеровъ. Въ списокѣ значился только одинъ кадровый офицеръ, капитанъ Матвѣевъ, какъ командиръ роты. Черезъ нѣкоторое время молчанія, Ефимовъ добавилъ: — „Для комитета стоитъ открытымъ вопросъ относительно капитана Матвѣева, который мы рѣшили обдумать вмѣстѣ съ вами. Дѣло въ томъ, что комитетъ не хотѣлъ-бы видѣть среди офицеровъ роты кого-либо изъ кадровыхъ, опасаясь того, что присутствіе въ ней такового можетъ дать поводъ къ провокаціи. Намъ хотѣлось-бы знать ваше мнѣніе“.

Мнѣніе комитета вполне отвѣчало моему и я безъ колебанія отвѣтилъ, что уже думалъ объ этомъ и пришелъ къ заключенію, что лучше въ составъ роты не назначать кадроваго офицера и именно изъ того-же соображенія, которое высказалъ комитетъ. Командиромъ роты я предполагалъ назначить одного изъ прапорщиковъ, произведенныхъ въ офицеры изъ подпрапорщиковъ полка за боевыя отличія, среди которыхъ можно было выбрать вполне удовлетворяющаго къ занятію этой должности.

Тогда председатель исполнительнаго комитета предложил назначить на должность командира роты или прапорщика Пыжова, или прапорщика Свѣтлыхъ. Считая обоихъ подходящими, я поставилъ ихъ имена на голосованіе. Былъ выбранъ прапорщикъ Пыжовъ.

Съ назначеніемъ-же въ роту прапорщика военнаго времени Деконскаго, помѣченнаго въ переданномъ мнѣ списокѣ, я категорически не согласился. Это обстоятельство вызвало глухую и упорную борьбу. Председатель комитета прапорщикъ Ефимовъ заявилъ, что присутствіе прапорщика Деконскаго въ ротѣ крайне необходимо, какъ стойкаго стараго революціонера, и потому онъ энергично настаиваетъ на включеніе его въ личный составъ роты. Члены комитета его глухо поддержали.

— „Я-же категорически вычеркиваю его изъ именнаго списка роты“, отвѣтилъ я, — „такъ какъ считаю эту личность низкой и совершенно недопустимой назначенію въ такую важную командировку. Кромѣ того я не считаю его въ составѣ нашего полка. Онъ состоитъ въ средѣ полка незаконно, благодаря недопустимому партійному кумовству. Приказомъ по полку онъ проведенъ не былъ и не будетъ, пока я команду частью“.

Члены комитета зашевелились. У Ефимова замѣтно передернулось лицо и онъ отвѣтилъ мнѣ съ отѣнкомъ упорства. — „Прапорщикъ Деконскій стойкій революціонеръ, на котораго мы можемъ вполне положиться, и его присутствіе въ ротѣ необходимо. Въ своей революціонной дѣятельности онъ особо отличенъ Петроградскимъ совдепомъ и намъ очень цѣнно его присутствіе въ полку“.

— „Ежели прапорщикъ Деконскій и отличенъ особо Петроградскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“, возразилъ я, — „то это лишь подчеркиваетъ недопустимость его не только въ ротѣ, но и въ полку. Изъ 4-го полка онъ выгнанъ за грязное и подлое провокаторство и никѣмъ другимъ, какъ самимъ полковымъ комитетомъ и притомъ единогласно. Это вамъ всѣмъ хорошо извѣстно“.

Послѣ долгихъ и упорныхъ споровъ по этому вопросу, я вновь подчеркнул, что прапорщикъ Деконскій въ спискахъ полка не состоитъ и указалъ на непослѣдовательность ихъ рѣшенія, требуя съ одной стороны набора въ роту стрѣлковъ отличныхъ по нравственной выдержкѣ, сознанію и воинской выправкѣ и настаивая одновременно на назначеніе имъ въ начальники мерзкую и подлую личность.

— „Наше рѣшеніе твердо и обдуманно“, упорно и сухо отвѣтилъ мнѣ Ефимовъ. — „Прапорщикъ Деконскій долженъ быть зачисленъ въ роту и отправленъ съ нею въ командировку. Пользуюсь правомъ председателя исполнительнаго комитета полка и на вторичное голосованіе этого вопроса не ставлю“.

— „Пользуясь властью командира части, вычеркиваю имя прапорщика Деконскаго изъ именнаго списка роты“, сказалъ я. — „Одновременно передаю этотъ вопросъ на окончательное разрѣшеніе полковника Кобылинскаго. Кто возражаетъ“. Въ отвѣтъ — гробовое молчаніе. — „Никто не возражаетъ. Сейчасъ-же послѣ засѣданія комитета я ѣду къ полковнику Кобылинскому. Кто изъ васъ ѣдетъ со мною“.

— „Я и Игнатовъ, господинъ полковникъ“, быстро отвѣтилъ Ефимовъ и, видимо, собирался еще что-то сказать, но я, не желая дальнѣйшихъ разговоровъ, всталъ. За мною встали всѣ члены комитета и такимъ образомъ засѣданіе комитета было закончено. На осторожный протестъ Ефимова, что засѣданіе комитета должно быть закрыто имъ, председателемъ, а не мной, не обратили вниманія и члены комитета вслѣдъ за мной разошлись.

Полковникъ Кобылинскій внимательно выслушалъ насъ и отвѣтилъ своимъ спокойнымъ невозмутимымъ голосомъ, что онъ также считаетъ присутствіе прапорщика Деконскаго въ составъ роты недопустимымъ и, ввиду осложненія этого вопроса, передаетъ его на разрѣшеніе министра Керенскаго. — „Какъ онъ прикажетъ, такъ и будетъ“.

Ефимовъ промолчалъ, но Игнатовъ выразилъ желаніе говорить съ Керенскимъ. Полковникъ Кобылинскій скинулъ на него взглядомъ и отвѣтилъ, что Керенскій будетъ сегодня въ Царскомъ Селѣ около 6-ти часовъ вечера и, что по его пріѣздѣ, онъ вызоветъ для разговора съ нимъ не только ихъ двоихъ, но и меня. Въ полкъ я вернулся одинъ. Ефимовъ и Игнатовъ пошли въ мѣстный Совдепъ.

Въ полку наборъ стрѣлковъ въ охранную роту происходилъ лихорадочно и безъ присутствія офицеровъ, одними членами комитета. Оказалось слишкомъ много желающихъ попасть въ роту и запутавшіеся члены комитета совершенно не справлялись съ работой. Было очевидно, что имъ набрать нужное число стрѣлковъ въ роту не по силамъ; время же шло быстро, а еще было нужно стрѣлковъ обмундировать, удовлетворить довольствіемъ и заготовить документы.

Видя полную растерянность членовъ комитета, я приказалъ имъ прекратить наборъ и, вызвавъ фельдфебелей ротъ, далъ имъ распоряженіе немедленно, подъ наблюденіемъ ротныхъ командировъ, назначить необходимое число рядовъ и начальствующихъ, провѣривъ воинское сознаніе и выправку, а членамъ комитета — политическую благонадежность. Мое распоряженіе о провѣркѣ политической благонадежности вызвало простодушную улыбку у стрѣлковъ и кто-то даже сказалъ: — „Какъ при старомъ режимѣ“. — „Вѣрно“, помнится отвѣтилъ я, добавивъ, что есть въ военной службѣ нѣчто остающееся неизмѣннымъ при всякомъ режимѣ и спросилъ у присутствующихъ, что именно? Быстро и твердо отвѣтилъ маленькій сѣдой фельдфебель изъ армейскаго запаса Аникіевъ:—„Воинская порядочность и дисциплина“. И по старому, по привычкѣ или нѣтъ не знаю, прибавилъ „Ваше Высокоблагородіе“. Черезъ какихъ нибудь полчаса мнѣ донесли, что стрѣлки въ роту особаго назначенія набраны, начальствующіе назначены и обмундировываются.

Воспользовавшись этимъ временемъ, я проѣхалъ въ Александровскій дворецъ, гдѣ у Свитскаго подъѣзда встрѣтилъ полковника Кобылинскаго. Онъ торопился къ себѣ, чтобы собраться самому въ дорогу, и предложилъ мнѣ пройти съ нимъ домой. По дорогѣ онъ приказалъ мнѣ, по распоряженію штаба округа, принять отъ него Гвардейскую Стрѣлковую резервную дивизію и должность начальника Царскосельскаго гарнизона, прося пройти сейчасъ-же въ его канцелярію и составить соотвѣтствующій приказъ. Одновременно онъ сообщилъ мнѣ, что вмѣстѣ съ Керенскимъ долженъ пріѣхать Великій Князь Михаилъ Александровичъ проститься съ Государемъ, выразивъ при этомъ свое возмущеніе, что Его Высочеству разрѣшили проститься только съ Августѣйшимъ братомъ и не позволили сдѣлать это со всей Царской Семейей.

Было уже около пяти часовъ пополудни, когда мнѣ доложили, что готовая рота выходитъ на мой осмотръ на площадку передъ офицерскимъ собраніемъ.

Будучи совершенно одинъ, наблюдая въ окно наступленіе сумерокъ, у меня явилось сравненіе безвозвратно уходящаго дня съ Россіей. Какъ безвозвратно уходилъ день 31-го іюля 1917 года, такъ-же безвозвратно уходило въ моемъ представленіи Россія стараго уклада. Уже быстро наступали ея сумерки и она вотъ, вотъ должна была погрузиться въ безпроглядную темную ночь. Отъѣздъ ея самодержав-

наго Хозяина былъ болѣе чѣмъ тѣсно связанъ съ уходомъ этой старой Россіи. Онъ былъ съ нею слитъ нераздѣлимо неизъяснимымъ закономъ бытія ея княжескаго, царскаго и императорскаго, прерываемаго печальными, скорбными, но неизбѣжными взрывами смуть и потрясеній. Исторія Россіи — исторія ея Царей; судьба Россіи — ихъ же судьба.

Во время этихъ моихъ думъ я видѣлъ въ окно, какъ пересѣкала небольшой церковный плацъ сформированная рота особаго назначенія.

Какъ странно! Изъ этой солдатской массы, превратившейся уже въ разнузданную, бездисциплинную, охамившуюся двухтысячную банду, благодаря попустительству Временнаго Правительства и стараній Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ Петрограда, создалась строевая рота стрѣлковъ, равняющаяся, несущая ровно штыки и четко и мощно отбивающая шагъ, идя на смотръ своего командира полка.

Ежели теперь, спустя пять мѣсяцевъ усиленнаго распропагандированія военной среды, легко создалась такая четкая рота, то сколько такихъ ротъ можно было сбить въ февральскіе дни колебанія трона. Но тогда блуждали умы у людей правленія государствомъ и раскисла воля.

Черезъ нѣсколько минутъ я долженъ былъ выйти къ этой ротѣ, увидѣть и осмотрѣть стрѣлковъ и что-то сказать имъ. Но что имъ сказать? По чему ударить ихъ словомъ? По сердцу, по хорошему русскому сердцу.

Эта рота пришла, встала передо мной выравненная по старому, по старорежимному. Опросилъ претензіи, ихъ не было. Осмотрѣлъ роту.

— „Ко мнѣ!“ — Рота сломала ряды и бросилась ко мнѣ. Окружила. Точно вихремъ пахнуло мнѣ въ лицо отъ этого движенія роты. Я до сихъ поръ помню эти лица и особенно эти глаза, упорные, проникающіе, ожидающіе, довѣрчивые взгляды которыхъ смотрѣли мнѣ прямо въ глаза. Вокругъ меня струдились стрѣлки, сосредоточились взоры, собрались русскія души.

— „Стрѣлки! Вы знаете, куда васъ отправляютъ. Вы знаете, какую службу вы будете нести. Добавлю, это ваша послѣдняя служба нашему Государю. Исполняя ее, помните Бога и слушайте своего хорошаго русскаго сердца. Богъ въ помощь!“ — И въ отвѣтъ я услышалъ не шаблонное „постараемся“, а искренно и правдиво звучавшее: — „Будьте покойны. Послушаемся..“ и какъ отзвукъ прошлаго, какъ

зарница ушедшаго: — „Ваше Высокоблагородіе“. Такъ было въ дни кульминаціоннаго развитія хамства, разнузданности и социализаціи арміи.

По моей командѣ „становись“ рота выстроилась, выравнялась, отчетливо взяла „на-плечо“ и, четко отбивая шагъ, ушла въ казармы.

Смеркалось. Зажглись уличные фонари. Густыя облака покрывали небо. Начинало моросить. Темно дѣлалось кругомъ. Но свѣтло было въ этотъ моментъ въ моей душѣ! Старые кадровые офицеры нашей доблестной Арміи! Быть можетъ, вы понимаете меня!...

Не заходя домой, я заѣхалъ въ Александровскій дворець. Въ караулѣ Императорскіе стрѣлки. Ихъ командиръ, полковникъ Кушелевъ спускался со Свитскаго подъѣзда. Его крѣпкая мощная фигура осунулась, онъ какъ-то согнулся. Хотѣлъ проститься съ Государемъ и Семей, но это ему не удалось. Я же рѣшилъ попробовать. Поднялся по Свитскому подъѣзду во дворець. Въ вестибюлѣ и въ дежурной комнатѣ никого. Направился по корридору къ гостиной и увидѣлъ быстро идущаго навстрѣчу лейбъ-медика Боткина. Онъ подошелъ ко мнѣ, нервно сжалъ мою руку и проговорилъ: — „Нѣтъ никакой возможности повидаться. Они поручили мнѣ обнять васъ“. — Почувствовалъ, какъ его слеза омочила мою щеку. Сжалъ порывисто мои плечи и быстро ушелъ. Все это произошло мгновенно, ловилась случайная минута возможности.

На крыльцѣ меня ждалъ Кушелевъ. Я звалъ его пріѣхать на вокзалъ проводить Царскую Семейю. Онъ сначала отказался, сказавъ, что ему будетъ очень тяжело. — „Но слушай Кушелевъ. Если-бы умеръ тотъ, кого ты крѣпко любилъ, кто для тебя былъ все въ жизни, неужели ты не пришелъ-бы на похороны, отдать ему послѣдній привѣтъ!“ — Онъ подумалъ и тихо отвѣтилъ: — „На вокзалѣ увидимся“.

Въ это время пріѣхалъ Керенскій, сопровождаемый помощникомъ командующаго войсками Петроградскаго военнаго округа, штабсъ-капитаномъ Козьминнымъ, бывшимъ въ 1905 году кратковременнымъ президентомъ Читинской республики, а затѣмъ находившимся въ ссылкѣ. Керенскій прошелъ въ покои Государя, гдѣ имѣлъ короткую бесѣду съ Его Величествомъ.

Очень скоро послѣ него прибылъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ. Онъ быстро вышелъ изъ автомобиля, блѣдный, нервный и порывистый. Быстрымъ шагомъ, ступая черезъ ступеньку, Онъ вбѣжалъ по крыльцу подъѣзда и скрылся за дверями. Прощаніе проис-

ходило въ кабинетъ Государя въ присутствіи Керенскаго и длилось около четверти часа. Лишь послѣднія двѣ-три минуты Августѣйшіе братья удалились въ личную комнату Государя и остались въ ней одни.

Около 7 часовъ вечера Керенкій принялъ меня, Ефимова и Игнатова въ Лицейскомъ флигелѣ Большого Екатерининскаго дворца, гдѣ онъ обычно останавливался во время своихъ пріѣздовъ въ Царское Село. Сидя на диванѣ бокомъ ко входной двери, Керенскій небрежно кивнулъ головой Ефимову и Игнатову и, подавъ мнѣ руку, предложилъ мнѣ сѣсть въ кресло рядомъ съ нимъ. Ефимовъ и Игнатовъ остались стоять у дверного косяка. Отрывисто спросилъ у нихъ, въ чемъ дѣло. Тѣ объяснили. Керенскій терпѣливо выслушалъ ихъ и сказалъ мнѣ: — „Ваше слово, полковникъ“. — „Присутствіе прапорщика Деконскаго въ составѣ роты особаго назначенія совершенно недопустимо“. — Короткое молчаніе и Керенскій порывисто бросилъ Ефимову и Игнатову: — „Исполните приказаніе вашего командира полка. Идите“. — Меня задержалъ, спрашивая о ротѣ. Его землистое бритое лицо слегка нервно подергивалось. Подслѣповатые глаза смотрѣли на меня и, казалось, не видѣли. Изъ толстыхъ губъ точно черезъ силу вырывались слова незначущихъ вопросовъ. Силился быть властнымъ, великимъ. Тужился, но былъ истеричнымъ, ничтожнымъ, сѣренькимъ мѣщаниномъ съ Васильевскаго острова или съ Выборгской стороны. Протянутая на прощанье рука его холодно-потная не была способна даже на легкое пожатіе.

По дорогѣ изъ Лицейскаго флигеля на станцію „Александровская“, съ которой долженъ былъ состояться отъѣздъ Царской Семьи, я нагналъ роту, шедшую ровнымъ неторопливымъ шагомъ. Она опаздывала. Ободрилъ ее, ускорилъ шагъ и подтянувшаяся рота двинулась дальше почти бѣглымъ шагомъ.

На станціи „Александровская“ было пусто. На перронѣ никого. На линіяхъ едва замѣтныя длинныя тѣни составовъ. Ничто не говорило о предстоящемъ отъѣздѣ Царской Семьи. Станція, казалось, жила мирною ночною жизнью не только дореволюціоннаго времени но и довоеннаго.

Подошла запыхавшаяся отъ быстрого шага рота. Стрѣлки, громко порывисто дыша и вытирая вспотѣвшія головы, окружили меня и засыпали вопросами. — „Можно-ли играть съ Наслѣдникомъ; какъ титуловать Государя, Государыню; можно-ли съ Государемъ работать въ

огородѣ, убирать снѣгъ“ — и имъ подобными. Снова увидѣлъ вокругъ себя не разнузданную толпу, а нашихъ старыхъ хорошихъ стрѣлковъ. Куда-же дѣвалось все то революціонное, такъ настойчиво, и надо признать успѣшно внѣдряемое въ нихъ всѣми этими дѣятелями и руководителями февральскаго дѣйства, особенно ненависть къ Монарху? Удостоверяю, что въ тотъ моментъ оно не существовало; оно исчезло, какъ наносное, оказавшееся совсѣмъ не внѣдреннымъ. И главное, такъ культивируемая ненависть къ природному Государю разсѣялась какъ туманъ, при первыхъ-же лучахъ солнца русской природы, такъ естественно, просто и отчетливо выразившейся въ этой присущей ей любви и преданности къ своему Царю. Ничто не можетъ искоренить ее изъ души русскаго человѣка.

Когда передохнувшая рота снова выравнивала свои ряды, чтобы идти на посадку, мое прощаніе со стрѣлками было настолько искренно и сердечно, что пропасть, такъ рьяно вырываемая между солдатами и офицеромъ, не существовала, будучи засыпана и сравнена единствомъ русской души. И когда я услышалъ отъ многихъ стрѣлковъ — „будьте покойны, дай Богъ вамъ благополучія“, — то это было сказано искренно, отъ всего сердца.

Рота ушла. Время проходило, а на станціи все такъ-же было безлюдно, тихо. Начальникъ станціи не зналъ ничего другого, кромѣ того, что подача состава отложена до особаго на это распоряженія. Подождавъ до полуночи на станціи, я снова поѣхалъ въ Александровскій дворецъ повидать полковника Кобылинскаго, чтобы узнать отъ него причину задержки отъѣзда и состоится-ли онъ

Повидать полковника Кобылинскаго мнѣ не удалось, но зато нашелъ въ дежурной комнатѣ дворца полковника Кушелева. Онъ былъ вызванъ штабсъ-капитаномъ Козьминнымъ по поводу караула. Козьминъ, находившійся тутъ-же, встрѣтилъ меня грубо и рѣзко спросилъ: — „Вы чего здѣсь? Карауль не отъ васъ. Вамъ нечего здѣсь дѣлать.“ — „Я пріѣхалъ узнать о причинѣ задержки отъѣзда“. — „Это не ваше дѣло. Поѣдутъ, когда прикажутъ“. — Я вспыхнулъ и рѣзко отвѣтилъ, что его довольно странная, хамская манера говорить съ командиромъ части для меня неприемлема и что ему слѣдовало-бы поучиться элементарной воспитанности, прежде чѣмъ браться за какую либо должность и особенно за такую высокую, какъ должность помощника командующаго войсками. Козьминъ вспыхнулъ, глаза его загорѣлись бѣшенною злобой и я не знаю, чѣмъ-бы кончилось это столкновеніе, если-

бы не вмѣшался полковникъ Кушелевъ, попрося меня подождать его на подъѣздѣ, дабы вмѣстѣ ѣхать на вокзалъ. По дорогѣ Кушелевъ мнѣ передалъ, что Козьминъ рѣшилъ меня арестовать за дерзость. Но не это было важно, а то, что князь Долгорукій передалъ ему желаніе Ихъ Величествъ попроситься съ нами, что изъ-за присутствія Козьмина не было возможно осуществить.

Когда забрезжило пасмурное утро и стало разгонять тьму сырой промерзлой ночи, послышался шумъ быстро приближающагося автомобиля. Это былъ броневикъ, подкатившій къ вокзалу. На его рѣзкій гудокъ торопливо вышелъ начальникъ станціи. — „Подавать составъ“, сухо послышалось изъ него. Броневикъ круто завернулъ и уѣхалъ.

На станціи зашевелились. Прошелъ черезъ полотно дороги начальникъ станціи — съ фонаремъ въ рукахъ, двинулись Кушелевъ и я, идя на перронъ, и вышелъ туда-же жандармъ въ своей полной формѣ.

Въ этотъ день по карауламъ Царскаго Села дежурилъ нашего полка капитанъ Владиміръ Николаевичъ Матвѣевъ. Безупречно воспитанный и выдержанный, такой-же чуткій и преданный Государю и его Семьѣ капитанъ Матвѣевъ въ это время, какъ дежурный, находился въ Александровскомъ дворцѣ. Будучи въ корридорѣ, ведшемъ отъ покоевъ Императрицы въ таковыя Императора, онъ разговаривалъ съ лицами, оставшимися при Ихъ Величествахъ. Сюда заходили и Царскіе дѣти.

Черезъ нѣкоторое время оберъ-гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ передалъ ему, что Государыня проситъ его къ Себѣ во внутренній покой попроситься. Когда онъ направился за графомъ Бенкендорфомъ, то находившіеся здѣсь Цесаревичъ и Царевна Ольга, по собственной инициативѣ, стали на двухъ концахъ корридора на сторожѣ, такъ какъ входъ караульнымъ чинамъ въ личные покои Ихъ Величествъ былъ строго воспрещенъ.

Встрѣтивъ капитана Матвѣева въ своемъ будуарѣ, Государыня обратилась къ нему со словами: — „Я просила васъ къ Себѣ, чтобы попроситься съ вами и поблагодарить за ваше всегда внимательное къ намъ отношеніе“. — Далѣе съ глазами полными слезъ Она добавила: — „Мы отрываемся отъ Нашего родного дома и ѣдемъ въ полную неизвѣстность“. — Съ этими словами Государыня нервно взяла образокъ и благословила его.

Вскорѣ послѣ этого въ одной изъ проходныхъ комнатъ онъ встрѣтилъ Царевну Марію и поцѣловаль поданную ему Ею руку. Проходившій въ это время, въ сопровожденіи полковника Кобылинскаго и караульнаго начальника, штабсъ-капитанъ Козьминъ увидѣлъ это, вызвалъ капитана Матвѣева на ротонду дворца и тамъ налетѣлъ на него въ высшей степени грубой и рѣзкой формѣ, обвиняя его въ нарушеніи приказа — не цѣловать рукъ и не разговаривать съ членами Царской Семьи. Пригрозивъ капитану Матвѣеву преданіемъ суду, онъ приказалъ ему не отходить ни на шагъ отъ него.

Черезъ нѣкоторое время князь Долгорукій далъ знать капитану Матвѣеву, что Государь со Своей Семьей хочетъ съ нимъ проститься. Чтобы отвлечь вниманіе находившагося тутъ-же Козьмина, капитанъ Матвѣевъ сошелъ съ ротонды въ паркъ, обошелъ вокругъ дворца и вошелъ въ него черезъ главный подъѣздъ.

Государь, Царевичъ, Царевны и нѣкоторыя лица свиты ждали въ библіотекѣ. Поблагодаривъ за службу, Государь передалъ ему свою фотографическую карточку съ надписью: „Николай, 1917 г.“, со словами: — „Я думаю, что вы не откажетесь принять на память Мою фотографію. Карточка эта случайная, которая оказалась у Меня подъ рукой. Я нарочно не написалъ числа, чтобы вамъ, въ случаѣ чего, не было лишнихъ непріятностей“. — Затѣмъ Государь обнялъ его и поцѣловаль. Едва капитанъ Матвѣевъ успѣлъ проститься съ Его Величествомъ и Его Семьей, какъ появился караульный начальникъ, передавшій ему, что штабсъ-капитанъ Козьминъ послалъ его розыскать капитана Матвѣева. Услышавъ это, Государь проговорилъ, обращаясь къ капитану Матвѣеву: — „Спрячьте скорѣй фотографію, чтобы вамъ не было новыхъ непріятностей“.

Въ этой же библіотекѣ происходило прощаніе Царской Семьи съ остающимися въ Царскомъ Селѣ лицами и слугами дворца.

Наступило время, назначенное для отъѣзда, но произошли какія то затрудненія съ подачей поѣзда и никто изъ присутствующихъ не зналъ, подадутъ ли его или совсѣмъ не подадутъ. Началось безконечное томительное ожиданіе. Вещи сложены, автомобили поданы къ подъѣзду въ паркѣ. Отъѣздъ ожидался съ минуты на минуту, но проходили часы.

Всю ночь Царская Семья провела безъ отдыха въ изматывающемъ ожиданіи. Подали чай. Пили его стоя тутъ-же въ гостиной. Нудно маячилъ все время Козьминъ, прислушиваясь къ отрывистымъ, очень

рѣдкимъ фразамъ, произносившимся въ полголоса и незначущимъ. Около четырехъ часовъ утра вновь появился на минуту Керенскій, неизвѣстно для чего и зачѣмъ.

И какъ странно—въ эти минуты никто изъ служителей церкви не пришелъ благословить крестомъ Того, кто былъ ея миропомазанымъ Главою. И никто изъ нихъ не пошелъ раздѣлить тяжелые послѣдніе дни земной жизни Царя и Его Семьи, такъ глубоко и полно хранившими въ Своихъ душахъ нашу православную вѣру

Только послѣ пяти часовъ утра Царская Семья стала садиться въ автомобили. Полковникъ Кобылинскій и капитанъ Матвѣевъ поднесли Государынѣ букеты розъ. Послѣдній привѣтъ отъ Ея родного угла. Спокойно и выдержанно сѣлъ въ автомобиль Государь Съ краской волненія на лицѣ сѣла Государыня. Окруженные коннымъ конвоемъ автомобили тронулись на станцію „Александровскую“.

Среди тишины ранняго утра послышался грохотъ двинувшагося безъ огней состава. Въ утреннемъ туманѣ было видно, какъ онъ медленно выползалъ изъ линій вагоновъ. Поѣздной составъ, предназначенный для Царской Семьи, не былъ поданъ на станцію, но поставленъ въ сторонѣ отъ нея въ направленіи Петрограда. Между нимъ и дорогой были еще двѣ линіи полотна желѣзной дороги. По другую сторону полотна тѣсно сгрудилась сѣрая людская толпа, молчаливая и неподвижная. Такъ держать себя люди при свершеніи какого-нибудь великаго таинства.

Броневикъ съ выкинутымъ краснымъ флагомъ медленно прошелъ по дорогѣ вдоль желѣзнодорожнаго полотна и, быстро повернувъ, ушелъ въ сторону Царскаго Села. Снова настала таинственная тишина. Переступая осторожно съ ноги на ногу, жандармъ не сходилъ со своего установленнаго мѣста у часовъ перрона.

Послышался автомобильный гудокъ. Машина подошла къ вокзальному крыльцу. Они? Нѣтъ. Составъ еще не былъ поданъ къ перрону. На него стали выносить багажъ. Вдругъ рѣзкій истерическій женскій вскрикъ пронзилъ тишину утра. Мужчина, несшій корзину, поспѣшно оставилъ ее и вмѣстѣ съ жандармомъ бросился къ только что вышедшей дамѣ. Они унесли ее въ вокзалъ. Кто она была, не знаю.

Въ это-же время донесся шумъ другого подходившаго автомобиля. Онъ не подошелъ къ вокзалу, но направился къ поѣздному составу. Изъ него вышелъ Керенскій. Мрачный, сторбившійся, онъ исподлобья

оглядѣлъ составъ и толпу. Видимо о чемъ-то думалъ, что-то соображалъ, что-то силился рѣшить въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Потомъ, отдавъ распоряженіе командиру броневика разсѣять толпу, быстро сѣлъ въ автомобиль и еще быстрѣе понесся въ Петроградъ. Броневику снова медленно проползъ вдоль толпы и, вставъ сбоку ея, спустилъ свой красный флагъ.

Подошли двѣ легкія машины. Изъ одной изъ нихъ вышли лица, не пожелавшія оставить Ихъ Величества въ скорбные дни Ихъ жизни, и быстро прошли въ предназначенный имъ вагонъ.

Изъ другого вышли Царевны, вынесли на рукахъ Цесаревича. Затѣмъ вышелъ самъ Государь и помогъ выйти Государынѣ. Вся Царская Семья медленно перешла пути и двинулась по шпаламъ къ своему вагону, спальному Восточно-Китайской желѣзной дороги. Поддерживаемая Государемъ, Императрица видимо дѣлала большія усилія, ступая по шпаламъ. Государь смотрѣлъ Ей подъ ноги и велъ, поддерживая подъ локоть, Свою Августѣйшую вѣрную Спутницу жизни.

А на другой сторонѣ путей стояла молчаливая, неподвижная толпа и броневикъ. Тогда Царская Семья начала свой страдный путь и толпа русскихъ людей, ихъ подданныхъ, свидѣтельствовала его своимъ священнымъ молчаніемъ и тишиной. Миръ удивленъ, что русскій народъ нынѣ покорно молчитъ при самовластїи кучки одіознаго правительства. Онъ никогда не пойметъ, что русскій народъ всегда въ молчаливой покорности передъ волею Бога переживаетъ двѣнадцатый часъ своего бытія.

Увидя полковника Кушелева и меня, Ихъ Величества кивнули намъ головами. Государыня съ трудомъ поднялась по ступенькамъ вагона. Государь помогаль Ей. Самъ Онъ поднялся спокойно и бодро. Черезъ нѣкоторое время въ одномъ изъ оконъ вагона показался Государь. Слева отъ него выглядывала Государыня, справа стоялъ Цесаревичъ, а сзади него Царевна Татьяна. Въ сосѣднемъ окнѣ показались Царевны Ольга, Марія и Анастасія. Они смотрѣли въ нашу сторону.

Увидѣвъ благославляющую руку Государыни, Кушелевъ и я сняли фуражки, склонили головы, а потомъ, точно сговорившись, направились къ вагону. Не знаю какъ Кушелевъ, но я шелъ, совершенно не думая о послѣдствіяхъ этого шага, дѣлаемаго въ присутствїи Козьмина. Сила, ведшая меня къ моему Государю, была неизмѣримо сильнѣе всякихъ постороннихъ вліаній.

На площадку вагона первымъ поднялся Кушелевъ. Поднявшись за нимъ, я увидѣлъ входящаго изъ прохода вагона Царя. Кушелевъ бросился передъ Нимъ на колѣни, но Государь не далъ ему сдѣлать это и, обнявъ его, поцѣловалъ, что-то сказавъ. Я не помню, что именно. Вѣрнѣе, не слышалъ отъ волненія, такъ какъ Государь осторожно, отклонивъ Кушелева, протягивалъ мнѣ руку. Онъ видимо торопился. Я до сихъ поръ помню теплоту Его руки, Ея пожатіе, когда я припалъ къ Ней губами, цѣлуя. Блѣдное лицо Государя и Его незабвенный взоръ навсегда останутся въ моей памяти. Я не въ силахъ передать словами Его взоръ, но повѣдаю, что этотъ взоръ Государя проникалъ въ самую тайную глубину души съ лаской, бодростью и вмѣстѣ съ этимъ озарялъ душу Царскою милостью. Государь привлекъ меня къ Себѣ, обнялъ и поцѣловалъ. Въ необъяснимомъ порывѣ я припалъ лицомъ къ Его плечу. Государь позволилъ мнѣ побыть такъ нѣсколько мгновеній, а потомъ осторожно отнял мою голову отъ Своего плеча и сказалъ намъ:

— „Идите, иначе можетъ быть для васъ обоихъ большая неприятность. Спасибо вамъ за службу, за преданность,... за все,... за любовь къ Намъ,... отъ Меня, Императрицы и Моихъ дѣтей... Служите Россіи такъ-же, какъ служили Мнѣ... Вѣрная служба Родинѣ цѣннѣе въ дни ея паденія, чѣмъ въ дни ея величія... Храни васъ Богъ. Идите скорѣй...“ Еще разъ Государь одарилъ насъ Своимъ незабываемымъ взглядомъ и скрылся въ вагонѣ.

Съ трудомъ сдерживая свое волненіе, мы сошли съ площадки вагона и прошли черезъ пути на свое прежнее мѣсто противъ вагона Царской Семьи. Молчаливая сѣрая толпа смотрѣла на насъ и точно чего-то ждала.

Въ окнѣ снова показались Государь и Цесаревичъ. Государыня выглянула въ окно и улыбалась намъ. Государь приложилъ руку къ козырьку своей фуражки. Цесаревичъ кивалъ головой. Также кивали головой Царевны, собравшіяся въ сосѣднемъ окнѣ. Мы отдали честь, потомъ сняли фуражки и склонили головы. Когда мы ихъ подняли, то всѣ окна вагона оказались наглухо задернутыми шторами.

Вдоль вагона медленно прошелъ Козьминъ, подошелъ къ намъ и, ничего не сказавъ, всталъ около насъ, точно на сторожѣ. Черезъ нѣсколько минутъ молчанія онъ сказалъ, что составъ отойдетъ съ вокзала.

Поѣздъ медленно тронулся. Сѣрая людская толпа вдругъ всколыхнулась и замахала руками, платками и шапками. Замахала молча, безъ одного возгласа, безъ одного всклипыванія. Видѣль-ли Государь и Его Августѣйшая Семья этотъ молчаливый жестъ народа, преданнаго, какъ и Они, на Голгоѣское мученіе іудами Россіи. Жестъ полный мистической священной тишины, безусловно любви, послѣднее „прости“. Жестъ единенія въ предстоящихъ мукахъ.

Закоренѣлый революціонеръ и такой-же противникъ Монарха Козьминъ недоумѣвающимъ взоромъ смотрѣль на происходившее, потомъ внезапно поблѣднѣль, съежился и торопливо уѣхаль.

Въ ожиданіи назначеннаго для отхода времени стояль на станціи „Александровская“ съ завѣшенными вездѣ окнами этотъ таинственный безмолвный поѣздъ. По третьему звонку отошелъ онъ отъ пустыннаго перрона и унесъ въ далекую Сибирь мистическую Божественную тайну Царскаго служенія и судьбы Россіи.

Въ это-же раннее утро на Маломъ пруду Царскосельскаго парка, взлетая грудью надъ водой, раскрывъ свои широкія крылья и поднявъ вверхъ свои кроваво-красныя клювы, пѣли черныя лебеди. Это были протяжныя пѣвучіе вскрики тоски, безисходной печали, рыданія по безвозвратно уходящему, неизъяснимо прекрасному, неоцѣнимо дорогому и незамѣнимо родному. Ихъ пѣсня метала душу и вмѣстѣ съ этимъ неудержимо увлекала, уносила ее ввысь, въ безконечность божественной вѣчности.

Тогда, когда не можетъ быть мѣсто человѣческому голосу, — царственная птица взываетъ къ Богу.

Предоставляя описаніе, критическій разборъ и оцѣнку царствованія Государя Императора Николая II-го Александровича и актъ Его отреченія отъ Всероссійскаго престола перу исторіи, я записываю нижеслѣдующія строки, какъ мои личныя, чисто индивидуальныя впечатлѣнія видѣннаго, слышаннаго и пережитаго.

Въ то утро, 1-го августа 1917 года, я поняль, что сталь свершаться послѣдній актъ великой мистеріи, начавшейся со дня восшествія на прародительскій престолъ Россіи Государя Николая II-го.

Твердо вѣря, какъ и Императоръ Павелъ I-й, что самимъ Богомъ вручена Ему самодержавная власть, Государь Николай II-й видѣль въ ней свой непрѣмный долгъ служенія Богу въ сохраненіи неприкосно-

венными православія и исходящаго изъ него русскаго природнаго царскаго самодержавія. Государь самоотверженно и мужественно стойко боролся за православную вѣру, самодержавіе и Родину противъ враговъ сознательныхъ и безсознательныхъ изъ среды передового общественнаго слоя. Крѣпко блюдя въ своей душѣ основы искони русскаго православія, любви къ Богу, любви къ ближнему и смиренія передъ волей Всемогущаго, Монархъ Николай II-й совершенно не былъ склоненъ къ жестокости. Когда Императорская власть, зорко стоявшая на стражѣ величія и благоденствія Россіи, принуждала Его прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ, то Государь безусловно тяжело страдалъ душой.

Съ сердцемъ полнымъ любви къ Россіи, тонкой чуткости и отзывчивости Государь Николай II-й очаровывалъ своимъ обаяніемъ, присущимъ только исключительнымъ натурамъ, особо отмѣченнымъ Богомъ.

Всегда привѣтливое лицо, открытая чарующая чисто русская улыбка, полный душевной глубины и доброты взглядъ. Взоръ ясный, прямой, иногда строгій, но никогда суровый. Взоръ свѣтившійся въ своей лазури благородной глубиной русской души — криницы православія.

Взоръ царской души.

Въ существѣ Государя Николая Александровича слились въ одно монолитное цѣлое: индивидуальныя атомы русской природы и характерная Ему исключительно присущая черта смиренной покорности волѣ Бога, исполненіе которой невозможно безъ дѣйствія непоколебимой, упорно-стойкой воли.

Эта воля дѣйствовала въ Немъ во время всей Его земной жизни вплоть до ея трагическаго конца. Трагическаго по людскому опредѣленію и дивнаго по христіанскому, такъ какъ Государь отдалъ жизнь Свою въ мученичествѣ за Вѣру, Самодержавіе и Родину.

Простота Его обращенія, шедшая рука объ руку съ безупречной выдержкой, создавала вокругъ Него тихій уютъ патриархальной семьи, который, казалось, Онъ приносилъ изъ Своей собственной семьи, дышавшей глубиной православія и чисто русскими обычаями и укладомъ.

Этотъ укладъ жизни Государь стремился дать своей другой семьѣ — Россіи, разносторонней, неизвѣданной и необъятной по пространству.

Русскій народъ, не придавая особаго значенія національности, прежде всего и главнымъ образомъ считаетъ себя „православнымъ“. Въ этомъ „православный“ и заключено его самосознаніе и душевное подсознаніе.

Какъ болѣе трехъ вѣковъ тому назадъ волна мятежа и развала разбилась о неприступную грань православія, такъ и теперь она уже остановилась передъ этой гранью. Именно православіе спасетъ Россію отъ окончательной гибели, какъ спасало ее и раньше и будетъ спасать всегда.

Въ Божій храмъ Ипатьевского монастыря пришла въ прошломъ опомнившаяся Россія, двинулась она уже и нынѣ туда-же, къ святому алтарю православнаго храма.

Она снова двинулась къ Богу, она пошла къ своимъ святымъ отцамъ, носителямъ и утвердителямъ православной вѣры, она придетъ къ своему природному Государю, православному Царю.

Не націоналистическая, а неизмѣнная идея православія, идея религіозная была, есть и будетъ духовнымъ содержаніемъ русскаго народа. Идея самодержавной монархіи всецѣло вытекаетъ изъ идеи православія.

Одинъ Богъ на небѣ, одинъ Царь на землѣ.

Николай II-й былъ истинно православнымъ, самодержавнымъ Царемъ—Государемъ, Хозяиномъ земли русской. Ставши нынѣ Царемъ-Мученикомъ, возвеличившимъ Своимъ подвигомъ наше православіе, покойный Государь вновь опредѣлилъ искони природный Россіи и единственно пріемлимый для нея образъ правленія — православнаго, царскаго и самодержавнаго.

г. Гренобль, Франція. 1936 г.

Н. А. Артабалевскій.

Эвакуація*).

Прибыль я въ Новороссійскъ наканунѣ новаго 1920 года. Съ каждымъ днемъ прибывало въ городъ все больше и больше бѣженцевъ. Губернаторскій домъ былъ ими переполненъ. Свободнаго помѣщенія невозможно было найти, все было занято бѣженцами. Моей женѣ, доставленной въ Новороссійскъ итальянской морской миссіей, была ея начальникомъ капитаномъ 2-го ранга Орнати предоставлена реквизированная комната. Въ ней помѣщалось семь душъ: жена съ годовалой внучкой, я, милліонеръ Красильщиковъ, пріѣхавшій въ Новороссійскъ безъ гроша, его дочь — Соллогубъ съ груднымъ ребенкомъ и нянькой. Моя жена, Красильщиковъ и я спали на койкахъ, прочіе — на полу; было безумно тѣсно, ночью не хватало воздуха. Въ сосѣдней комнатѣ жили Малама. Кормились всѣ пайкомъ англійскаго солдата, который мнѣ ежедневно выдавался какъ офицеру, состоящему при англійской миссіи. Какъ видно, паекъ изрядный, разъ на всѣхъ хваталъ.

Моя служба при англійскомъ начальникѣ Телеграфовъ и Радиотелеграфовъ была въ высшей степени интересна. Изъ всѣхъ союзниковъ одни англичане, владѣя „Индо-Европейскимъ“ телеграфнымъ кабелемъ, могли непосредственно сообщаться съ Европой. Всѣ свѣдѣнія проходили черезъ насъ, а многія свѣдѣнія были первостепенной важности.

Итальянская миссія переѣхала изъ города на старый крейсеръ „Этна“, слабая радиостанція котораго съ трудомъ сообщалась съ Константинополемъ. Привезенная ими для Добровольческой арміи радиостанція лежала въ закупоренныхъ ящикахъ на палубѣ „Этны“. Ожидая скорой катастрофы нашей арміи, они ее не возводили. Командиръ „Этны“ графъ Понза-ди-Санъ-Мартино былъ въ высшей степени любезный, милый и образованный человекъ. Онъ и капитанъ Орнати всегда радушно и сердечно принимали насъ съ женой и кормили отменными завтраками. На Этнѣ мы отдыхали душой среди понимавшихъ наше положеніе итальянцевъ. Капитанъ Орнати въ свою очередь часто навѣщалъ насъ. Англичане смотрѣли сначала немного косо на

*) Настоящая статья есть продолженіе воспоминаній того-же автора „Двадцать дней въ семьѣ офицеровъ Великобританской арміи“, печат авшихся въ сборникѣ „Памятные Дни“, изданія 1932 года. Полковникъ А. И. Джуліани, служившій въ „Отдѣлѣ Сношеній“ штаба Главнокомандующаго вооруженными силами на Югѣ Россіи, былъ прикомандированъ офицеромъ для связи къ Великобританской военной миссіи въ распоряженіе начальника „Телеграфовъ и Радиотелеграфовъ“, полковника англійской королевской службы Веледжъ (ред.).

мою близость съ итальянцами, но потомъ съ этимъ примирились и пользовались мною для связи съ ними.

Въ „Отдѣлѣ Сношеній“ далеко не все шло гладко. Начальникомъ „Отдѣла“ отъ штаба Главнокомандующаго состоялъ полковникъ баронъ Нолькенъ. Кубанское правительство, стремившееся къ сепаратизму, не признавало полковника барона Нолькена и самовольно назначило начальникомъ „Отдѣла“ генерала Евреинова, Кубанской службы. Послѣдвяго не признавалъ штабъ Главнокомандующаго. Положеніе полковника Нолькена становилось нелегкимъ, онъ часто отсутствовалъ; генераль же Евреиновъ благоразумно не показывался. Въ это время собственно всѣмъ орудовали англичане. Цементный заводъ, гдѣ размѣщались „Отдѣлъ Сношеній“ и Великобританская миссія, сталъ центромъ Новороссійска. Всѣ интересы сосредоточивались на англичанахъ. Въ ближайшемъ будущемъ все зависѣло отъ ихъ политики и ихъ отношенія къ Добровольческой арміи. Скоро стало мнѣ извѣстнымъ, что помощь англичанъ по израсходованію ассигнованныхъ кредитовъ прекратится и всѣ ихъ войска и офицеры будутъ отозваны въ Константинополь. Новый неожиданный ударъ, новое разочарованіе!

Все это держалось въ секретѣ и знали о томъ немногіе. Лично былъ освѣдомленъ, благодаря службѣ при великобританскомъ телеграфѣ. Конечно мнѣ было строго приказано молчать объ этомъ.

Большевики приближались къ Екатеринодару и началась эвакуація города. Новороссійскъ еще больше переполнился. Зеленые стали смѣлѣе и по ночамъ напали на окраины города. Участились грабежи. По ночамъ стали пострѣливать.

Изъ Константинополя былъ вызванъ баталіонъ англійской морской пѣхоты, занявшій караулы въ городѣ. Днемъ англичане часто дефилировали свои войска и танки по городу. Явно, что дѣла окончательно портились.

Эвакуація женщинъ, дѣтей и стариковъ была объявлена. Пришелъ изъ Константинополя „ГанOVERь“, громадный трансатлантическій пароходъ, захваченный англичанами во время войны. Онъ предназначался для перваго транспорта бѣженцевъ, которыхъ отвозили въ Константинополь.

Чувствовалъ, что женѣ, у которой на рукахъ была годовалая внучка, парализовавшая ея подвижность, пора было уѣзжать. Неизвѣстно было, удастся ли уѣхать позже и при какихъ условіяхъ. Тяжела была мысль разставаться съ женой, но надо было рѣшиться. Не безъ труда

уговорилъ жену ѣхать на „ГанOVERЪ“. Капитанъ Орнати также совѣтовалъ уѣзжать пока относительно спокойно. Вопреки категорическаго приказа изъ Рима выдавать визы лишь послѣ запроса и съ разрѣшенія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, итальянцы моей женѣ визу для Италіи поставили. Моя итальянская фамилія и знаніе итальянскаго языка помогли. Черезъ своего начальника, полковника Веледжъ получилъ всѣ нужныя бумаги и мѣста для эвакуаціи на „ГанOVERЪ“ для жены съ внучкой и для Красильникова съ его дочерью Соллогубъ и внучкой.

Пароходъ отходилъ черезъ день. На мое несчастье я въ это время какъ разъ заболѣлъ сильнѣйшимъ жаромъ и слегъ. Не смогъ, ни помочь женѣ въ сборахъ, ни проводить ее на „ГанOVERЪ“. Тяжело было наше прощаніе, впереди полная неизвѣстность!

Къ 12 часамъ дня жаръ немного спалъ, смогъ встать и поплелся на набережную къ „ГанOVERу“. Огромный пароходъ еще стоялъ у пристани „Штандартъ“, у такъ называемой англійской базы. Странное было время! Были базы: англійская, французская, итальянская и русская. Вѣдь мы въ Новороссійскѣ тоже считались для Кубанскаго правительства иностранцами и имѣли свою базу!

На „ГанOVERъ“ уже не пускали. Много кричалъ и суетился русскій комендантъ партіи, статскій совѣтникъ Б., производившій лишь безпорядокъ и суету, ужъ очень онъ старался выслужиться передъ англичанами. Не смотря на мою принадлежность къ Великобританской миссіи, все же на пароходъ не попалъ. „ГанOVERъ“ былъ такъ высокъ, что могъ проститься съ женой, стоявшей на палубѣ, больше знаками, чѣмъ голосомъ. Все же узналъ отъ жены, что ей отвели мѣсто подъ лѣстницей. Впослѣдствіи, сжалившись надъ внучкой, помѣстили въ каютѣ.

Скоро пароходъ отчалилъ и я, не на шутку борясь съ поднявшимся нордъ-остомъ, пошелъ на „Этну“ къ моимъ друзьямъ итальянцамъ.

Жалкій и печальный видъ имѣла Новороссійская гавань. Утопленникъ, распухшій и посинѣвшій, съ широко раскрытыми глазами, качался на волнахъ и никакъ не могъ найти пристанища у негостепріимнаго берега. Никто его не убиралъ, не до утопленниковъ было въ эти дни. Вдали виднѣлись верхушки мачтъ потопленныхъ нами же броненосцевъ, выкинувшихъ въ свое время красный флагъ. Печальная была картина, а еще печальнѣе и грустнѣе на душѣ. Неужели сатанинская сила окончательно поработила Россію и всѣ наши старанія и жертвы напрасны. Безумно обидно и больно

Нордъ-осьтъ усиливался. Приходилось продвигаться впередъ, перебѣгая отъ фонаря къ фонарю пристани, крѣпко за нихъ придерживаясь. Все же до „Этны“ добрался и увидѣлъ съ нея скрывающійся на горизонтѣ „Гановерь“. Графъ Понза-ди-Санъ-Мартино и капитанъ Орнати уложили меня въ своей каютѣ на кожаный диванъ, мягкій и удобный, заставили вышить поряточную дозу горячаго рома и прикрыли отличной шубой. Давно не лежалъ на такомъ мягкомъ диванѣ, да при такомъ комфортѣ!

За это посѣщеніе узналъ много интереснаго. Итальянцы подъ секретомъ сообщили, что какъ только посадятъ своихъ сородичей на ожидаемый изъ Италіи пароходъ, то ихъ сухопутная и морская миссіи покинутъ Новороссійскъ, который несомнѣнно скоро падетъ въ руки большевиковъ. Кубанское правительство и сопротивляться не станетъ, а англичанамъ нѣтъ интереса сопротивляться, да имъ однимъ и не удержаться. По братски совѣтовали и мнѣ уѣзжать, оставаться здѣсь безразсудно и бесполезно. Сознавалъ, что они правы, но оставался лучъ надежды, что еще не все потеряно, и удерживало чувство долга передъ Родиной. На всякій случай Орнати поставилъ мнѣ заднимъ числомъ въѣздную визу въ Италію. Къ вечеру жаръ спалъ и при содѣйствіи двухъ итальянскихъ матросовъ собралъ свои пожитки и переѣхалъ на Цементный заводъ въ „Отдѣлъ Сношеній“.

Отвели мнѣ койку на дачѣ, довольно отдаленной отъ главнаго зданія. Дорога къ дачѣ шла въ гору; съ одной стороны ея былъ крутой обрывъ, а съ другой — отвѣсная каменная стѣна, поддерживающая насыпь.

Большинство офицеровъ „Отдѣла Сношеній“ разѣхалось въ разныя командировки. Начальство почти не было видно. Въ Великобританской миссіи маіоръ Картеръ былъ посланъ въ Крымъ соорудить радиостанцію; съ его отѣздомъ работы еще прибавилось. Обыкновенно въ Великобританской миссіи въ занятіяхъ проводилъ отъ 9 час. утра до 11 час. вечера.

Однажды, около 12 ч. ночи, возвращался по своей горной дорожкѣ въ раздумьѣ о ненормальномъ положеніи въ „Отдѣлѣ Сношеній“, гдѣ за отсутствіемъ русскаго начальства не получалъ никакихъ директивъ. Неожиданно былъ сваленъ съ ногъ кѣмъ то, соскочившимъ со стѣны мнѣ на плечи и кричавшимъ на ломанномъ русскомъ языкѣ: „Зеленый, зеленый!“ Соскочившій субъектъ, поваливъ меня, самъ по инерціи растянулся. Инстинктивно я мгновенно вскочилъ ему на

спину, сталъ обѣими руками сжимать ему горло и призывать на помощь. На крикъ подошелъ великобританскій караулъ, забравшій его и подобравшій на мѣстѣ свалки большой англійскій ножъ солдатскаго образца. Нападавшій оказался англійскимъ солдатомъ — дезертиромъ, который на другой день былъ судимъ и разстрѣлянъ. Полковникъ Джуліусъ, предсѣдатель Великобританскаго полевого суда, передалъ мнѣ этотъ ножъ на память.

Екатеринодаръ палъ. Англичане спѣшно укрѣпляютъ „Тонельную“, привезли транспортъ орудій изъ Константинополя и по слухамъ рѣшили удержать Новороссійскъ до полной эвакуаціи. Удастся ли? Зеленые смѣлѣютъ. Вчера ночью напали на миссію, но были отбиты морской пѣхотой. Укрѣпляемъ доступы къ миссіи проволочными загражденіями и волчьими ямами. Проработали три дня и изрядно укрѣпились. Работалъ вмѣстѣ съ англійскими саперами и англійскимъ инженеромъ. Славные люди: толково работаютъ, понимаютъ на полу-словѣ, отлично дисциплинированы и вышколены.

Встрѣчаю замѣстителя полковника Нолькена — полковника Звигинцева, разговорились о положеніи. Онъ также совѣтуетъ мнѣ уѣзжать. — „Какого чорта вы здѣсь торчите. Вамъ 45 лѣтъ, въ чистой отставкѣ по болѣзни и числитесь добровольцемъ. Не сегодня, завтра подчинить насъ себѣ Кубанское краевое правительство, состоящее сплошь изъ социалистовъ. Уѣзжайте съ Богомъ“.—Приздумался, кому же я служу? На слѣдующій день приказъ Кубанскаго правительства: „Офицеры русской Добровольческой арміи на территоріи Кубанской республики впредь считаются иностранными подданными. Желающіе остаться на службѣ должны вступить въ ряды Кубанской арміи, принося присягу на вѣрность службы Кубанскому правительству“. Вотъ и достукались! Но почему Новороссійскъ вдругъ сталъ Кубанью?

Вечеромъ полковникъ Веледжъ мнѣ сообщилъ, что думаетъ скоро уѣхать въ Константинополь. Считаетъ свою задачу здѣсь оконченной. Предложилъ мнѣ устроить мѣсто для эвакуаціи на небольшомъ суднѣ „Какуртала“, которое уйдетъ черезъ три дня; по его словамъ — это послѣднее судно англійской эвакуаціи. Подумавайъ немного, соглашаюсь и благодарю. Жмемъ другъ другу руку. Веледжъ трогательно миль напоследокъ, благодаритъ за примѣрную службу и даетъ рекомендательное письмо въ Константинополь.

Подаю рапортъ на право эвакуироваться по возрасту. Съ резолюціей о согласіи иду въ контрразвѣдку за выѣздной визой. Въ

Новороссійской контрразвѣдкѣ какая-то знакомая мнѣ фигура горячо спорить о чемъ-то съ начальникомъ ея, казачьимъ эсауломъ. Послѣдній обращается ко мнѣ: — „чѣмъ могу служить, господинъ полковникъ?“ — Объясняю свое дѣло. Оказывается нужно для эвакуаціи еще свидѣтельство врачей и получаю адресъ комиссіи. Знакомая мнѣ фигура вновь горячо что-то требуетъ. Эсауль категорически заявляетъ: — „я доложилъ Вашему Превосходительству, что разъ вы заварили всю нынѣшнюю кашу, то теперь и расхлебывайте ее сами. Отъ контрразвѣдки вы пропуска на выѣздъ не получите и изъ Новороссійска не уѣдете“. — Наконецъ узнаю фигуру. Это Родзянко, бывшій предсѣдатель Государственной Думы.

Поѣхалъ въ комиссію врачей, расположенной на краю города. Оказалось, что эта комиссія только для оберъ-офицеровъ; для генераловъ и штабъ-офицеровъ имѣется другая на противоположномъ концѣ города. Нахожу наконецъ должное учрежденіе; знакомый зеленый столъ и синклитъ врачей. Предсѣдатель, старыи врачъ ничего слушать не желаетъ, а лишь твердитъ: — „раздѣвайтесь, раздѣвайтесь“. — Безъ того холодно, но дѣлать нечего, раздѣваюсь и представляюсь синклиту въ костюмѣ Адама. Предсѣдатель беретъ въ руки мои документы и наконецъ съ ними ознакомливается. — „Да вамъ 45 лѣтъ, чего раздѣлись, чортъ дери, только время отымаете“. — Изведенный хамскимъ обращеніемъ и продрогшій отвѣчаю: — „Чортъ васъ самихъ подери, а не меня, безтолковые черти. Не слушаете, что вамъ говорятъ, лишь зря морозите людей“. — Получивъ отпоръ, врачъ извиняется и даетъ нужное свидѣтельство. Въ контрразвѣдкѣ накладываютъ нужную печать и даютъ выѣздную визу. Наконецъ всѣ формальности соблюдены.

Заѣзжаю на „Этну“ и прощаюсь съ капитаномъ Орнати и графомъ Понза-ди-Санъ-Мартино. Пароходъ съ итальянскими бѣженцами отходитъ сегодня, ихъ не мало. Итальянскія миссіи покидаютъ Новороссійскъ черезъ день. Влетаетъ мой сынъ Михайль, вернувшійся съ итальянскимъ истребителемъ „Рака“, крейсировавшимъ около береговъ Малой Азіи. Завтра онъ снова на „Ракѣ“ идетъ въ плаваніе. Этотъ миноносецъ впоследствии погибъ подъ Одессой, наскочивъ на мину.

Вернувшись къ себѣ, укладываю пожитки; ихъ не много. Сосѣди совѣтуютъ захватить и койку миссіи; по ихъ словамъ „все же валюта“. Бѣженская психологія у меня еще не внѣдрилась. Нахожу съ трудомъ солдата, согласившагося отнести завтра утромъ мои чемоданы въ

Малую гавань за 500 рублей. Уже выпущены ассигнаціи въ 5000 рублей. Деньги обезцѣнивались съ неимовѣрной быстротой. Вечеромъ былъ обрадованъ неожиданнымъ прїѣздомъ старшаго сына Сергѣя. Удалось и съ нимъ проститься. Онъ предполагаетъ пробраться въ Крымъ со своимъ польскимъ генераломъ.

Рано утромъ спускаюсь къ Малой гавани. Дуетъ средній „нордъ-остъ“. Погода ясная съ прозрачнымъ воздухомъ; отлично видны всѣ цѣпи горъ, окружающіхъ Новороссійскъ. Величественная и строгая картина. Идеальная была бы гавань Новороссійска, не будь проклятаго „нордъ-оста“.

Маленькая „Какуртала“ — старый пароходъ, ходившій по Гангу, причаленъ къ молу. Его уже качаетъ даже на маломъ рейдѣ. Приходится проходить черезъ двѣ цѣпи солдатъ; каждая провѣряетъ документы вѣжливо, но строго. Это меня весьма затрудняетъ, ибо два большихъ полныхъ солдатскихъ вѣщевыхъ мѣшка рѣжутъ плечи; къ одному изъ нихъ, съ правой стороны, прикрѣпленъ большой 25-стаканный эмалированный чайникъ, подарокъ сержанта австралійскихъ войскъ, которому въ Таганрогѣ выхлопоталъ квартиру; слѣва — маленькій чайникъ и мѣдный котелокъ; въ рукахъ по большому чемодану; да еще черный морской мѣшокъ на ремнѣ переброшенъ черезъ плечо. Каждое мое движеніе вызываетъ грохотъ и шумъ. Самъ въ англійскомъ офицерскомъ мундирѣ и галифе съ большими солдатскими шнуровыми сапогами: сверхъ мундира романовскій полушубокъ; сверхъ него англійское офицерское пальто. Въ изнеможеніи достигъ палубы „Какуртала“ и примостился съ пожитками въ уютномъ уголку. Съ наслажденіемъ закурилъ трубку, гордый тѣмъ, что все же все дотащилъ. Трюмы еще не готовы, а потому не покидаю своего угла и не снимаю вѣщевыхъ мѣшковъ, чего добраго пропадутъ. Вѣдь въ нихъ послѣдняя собственность. Въ карманѣ два англійскихъ фунта и 50 итальянскихъ лиръ; для начала новой жизни маловато! Настроеніе сквѣрнѣйшее и злобное; сознаніе, что на дняхъ отдадимъ послѣднюю пядь территоріи, вызываетъ чувство глубочайшей обиды. Нестерпимо горько. Гдѣ и когда встрѣчусь съ женой и какъ наладимъ новую трудовую жизнь на чужбинѣ?

Наконецъ трюмы приспособлены для живого бѣженскаго товара. Забираю свои пожитки и начинаю спускъ по устроенной на скорую руку узкой лѣстницѣ. Застреваетъ большой чайникъ, повараживаюсь его отцѣпить — застреваетъ второй, ни назадъ, ни впередъ, ни вправо,

ни влѣво, основательно иммобилизованъ. Руки заняты двумя чемоданами, которые жаль бросить въ трюмъ съ такой высоты, въ нихъ двѣ бутылки коньяка, подарокъ полковника Веледжа на дорогу; навѣрное отмѣнный!

Басистый голосъ раздается сзади: — „Позвольте помочь, господинъ полковникъ; честь имѣю представиться л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка корнетъ князь Шаховской“. — „Очень пріятно, хотя не имѣю удовольствія васъ лицезрѣть; л.-гв. 1-го стрѣлковаго Его Величества полка полковникъ Джуліани, пихните маленько“. Дѣйствительно основательно пихнулъ, такъ что лѣстница отцѣпилась и съ ней полетѣли оба въ трюмъ, гдѣ оказались сидящими другъ противъ друга, окруженными своими пожитками и основательно ободѣлыми. Сидитъ предо мною здоровый тучный мужчина, лѣтъ 45, въ широчайшихъ бархатныхъ шароварахъ, въ романовскомъ полушубкѣ, подпоясаннымъ алымъ кушакомъ, въ огромной котиковой панахѣ и озабоченно чешетъ затылокъ. — „Здорово подпихнулъ“. — Отвѣчаю „основательно“ и тоже щупаю затылокъ. Познакомились. Корнетъ князь Шаховской оказался никто инымъ, какъ депутатомъ Государственной Думы, націоналистомъ, весьма симпатичнымъ человѣкомъ, большимъ балагуромъ и болтуномъ. Англійскій морской офицеръ сверху ругается, что лѣстницу свалили. Ладно голубчикъ; надо было ее лучше укрѣпить; не выдержала напора старой гвардіи.

Въ трюмѣ лежатъ на полу матрацы вилотную другъ къ другу и кипа шерстяныхъ одѣяль. Ихъ весьма много, а потому съ княземъ беремъ себѣ по шести штукъ и выбираемъ на полу трюма уютный уголокъ, который приспособляемъ возможно комфортабельнѣе. Князь устраиваетъ рядомъ съ собой мѣсто женѣ и сыну. По исправленной лѣстницѣ начинаютъ прибывать бѣженцы, все больше дамы. Егермейстеръ Балашовъ съ больной женой и сыномъ, лидеромъ націоналистовъ; устраиваемъ уголь его больной женѣ, отдѣляя его одѣялами. Вносятъ больную воспаленіемъ легкихъ княжну Урусову. Появляется нашъ бывшій посоль въ Корей Павловъ, но такъ какъ князь въ шутку выдаетъ меня за коменданта трюма и предлагаетъ всѣмъ явиться полковнику коменданту, то и Павловъ, какъ и прочіе, аккуратно явился и представился. Не зная про продѣлку князя, меня это не мало смущаетъ. Когда же я постигъ, гдѣ зарыта собака, и хотѣлъ разъяснить недоразумѣніе, то уже никто мнѣ не вѣрилъ и на свое несчастье сталъ дѣйствительно комендантомъ трюма. Впослѣдствіи князь

всю дорогу меня изводилъ, что, благодаря только его находчивости, я сдѣлалъ такую быструю и почетную карьеру и всѣмъ ему обязанъ. Среди пассажировъ припоминаю еще г-жу Бодиско, съ дочерью Юрьевичъ и ея дѣтьми, свѣтлѣйшую княгиню Ливень съ дочерью, г-жу Гучкову, жену печальной памяти военнаго министра, и другіе. Было еще двое юношей, лѣтъ 21—22, говорившіе по-русски съ дѣланымъ англійскимъ акцентомъ и непонятно по какимъ правиламъ получившимъ право на выѣздъ.

Нордъ-остъ сильно крѣпчалъ, очевидно шло къ шторму. Капитанъ „Какурталы“, старый опытный морякъ не хотѣлъ выходить въ море, считая безразсудствомъ пускаться въ путь. Великобританская миссія, по непонятнымъ причинамъ, настаивала и наша скорлупка двинулась изъ гавани. Болѣе часа мы бились, чтобы обогнуть молъ, и наконецъ, поднятые девятымъ валомъ, буквально стрѣлой были выброшены изъ порта, пройдя отъ мола на разстояніи лишь двухъ аршинъ. Выйдя стало немного лучше, но вѣтеръ сильно крѣпчалъ и волны достигли поразительныхъ размѣровъ. Я съ дѣтства знакомъ съ моремъ и очень его люблю. Когда мнѣ было 16 лѣтъ, я держалъ испытаніе на капитана каботажнаго плаванія итальянскаго коммерческаго флота и получилъ дипломъ, самый красивый и большой полученный въ жизни. Видалъ порядочные штормы въ Средиземномъ, Адриатическомъ морѣ и Ламаншѣ, но такихъ волнъ, до тѣхъ поръ, не доводилось видать... и испытать. Не смотря на всѣ старанія капитана держаться возможно дальше отъ берега, насъ все къ нему несло и намъ не удавалось обогнуть мысъ Новороссійскаго залива. Все ближе и ближе приближался берегъ. Спустили два якоря. Только ими и машиной удавалось удержать движеніе къ берегу. Команда индусовъ „Какурталы“ изъ бронзовой стала лимонно-желтой, собралась у кормы второй палубы и, шепча свои молитвы, покорно готовилась къ смерти. Никакими судьбами нельзя было ихъ заставить исполнять свои обязанности. Замерзшіи „кабестанъ“ пересталъ дѣйствовать. Волны увеличивались, особенно великъ всегда бывалъ девятый валъ. Одна якорная цѣпь не выдержала и лопнула. Мы держались на второмъ якорѣ, въ которомъ было все спасеніе. Три англійскихъ офицера команды съ самоотверженіемъ подтягивали голыми руками якорную цѣпь, чтобы было что отпустить при чрезмѣрно крупныхъ волнахъ. Двое изъ нихъ отморозили себѣ руки; одному впоследствии ампутировали въ Константинополь руку выше кисти. Они насъ спасли.

Такъ мы продержались до разсвѣта. Нордъ-остъ немного стихъ. Съ большими трудностями, исполнивъ огромный заѣздъ, повернули снова на Новороссійскъ и черезъ нѣкоторое время были буквально сброшены въ портъ. Толстые канаты, покрытые льдомъ, ломались какъ стеклянныя палочки. Будучи еще кадетомъ въ корпусѣ, училъ о ледяныхъ штормахъ Чернаго моря; теперь воочию увидѣлъ это страшное явленіе.

Въ эту ночь, княжна Урусова не выдержала холода и скончалась. Не предполагая, что скоро увидимъ землю, мы ее зашили въ одѣяла и думали предать морю. Не любятъ покойниковъ на кораблѣ. Когда причалили въ Новороссійскъ, то англичане, покрывъ ее своимъ флагомъ, тотчасъ вынесли хоронить на военное кладбище, оказавъ покойной военныя почести. Тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ произвела эта смерть.

Почистивъ работой бѣженцевъ всю „Какурталу“ отъ ледяного покрова и нагрузивъ угля, къ вечеру снова пустились въ путь. Штормъ утихъ, но нордъ-остъ продолжалъ усиленно дуть до самаго нашего входа въ Севастополь и наша скорлупка съ трудомъ съ нимъ справлялась. Изъ Новороссійска въ Константинополь, считая съ перваго выхода, мы шли 22 дня, тотъ же путь „Гановерь“ прошелъ въ семь дней. Кормили насъ довольно плохо; давали разведенный въ водѣ рисъ и традиціонный „корнедъ-бифъ“ и два раза въ недѣлю отличный сыръ, вродѣ честера.

Доѣхали до Севастополя, гдѣ намъ посадили еще человѣкъ 15 пассажировъ. Въ Севастополѣ всѣ горы были покрыты снѣгомъ и самъ городъ въ снѣгу. Севастопольскій комендантъ генераль Х. послалъ намъ въ подарокъ 2 мѣшка сахара, 2 мѣшка крупы и 2 ящика чая; все это было доставлено къ молу; надо было погрузить на пароходъ. Никто изъ молодыхъ людей не захотѣлъ этимъ заняться и этотъ грузъ перетасили на „Какурталу“ на своихъ спинахъ посолъ Павловъ, старикъ генераль генеральнаго штаба К., князь Шаховской и я. Когда же грузъ былъ на палубѣ и раздѣленъ между тремя трюмами, то дальше разнесли его дамы. Коментаріи излишни. Съ этого дня молодые франты моего трюма занимались одни уборкой помѣщенія, подъ наблюдениемъ князя Шаховскаго; наблюденіе нешуточное.

Волненіе немного утихло, погода установилась ясная, но продолжалъ дуть нордъ-остъ. Днями даже показывалось солнце и тогда всѣ спѣшили на палубу — немного отогрѣться. Сопровождало нашу

„Какурталу“ безчисленное количество дельфиновъ, забавлявшихъ насъ своимъ ныряніемъ и своими играми.

Берегъ Крыма удалялся, мы различали лишь голубую дымку его горъ. Грустныя мысли наворачивались, у многихъ были слезы на глазахъ. Тяжело было расстаться съ послѣдней пядью Русской земли. Невольно у меня вырвалось: „Прощай Матушка Россія, суждено ли мнѣ снова тебя увидѣть“. — Стоявшій рядомъ князь Шаховской добавилъ: „Вернемся къ тебѣ Матушка, когда заведешь снова Батюшку“.

Наконецъ показался турецкій берегъ и мы съ разсвѣтомъ выѣхали въ Босфоръ. Картина величественная. Несмотря на мерзвѣйшее настроеніе, нельзя было не любоваться феерическимъ зрѣлищемъ. Доѣхавъ до Константинополя, повернули послѣ безконечныхъ разсужденій и споровъ, что съ нами дѣлать, обратно въ „карантинъ“ у входа въ Босфоръ, гдѣ бросили якорь и подняли желтый флагъ неблагонадежности. Рядомъ съ нами стоитъ „Ріонъ“ тоже съ бѣженцами; на немъ свирѣпствуетъ тифъ и поднятъ черно-желтый флагъ; ежедневно по вечерамъ свозятъ съ него покойниковъ. Вошла Великобританская канонерка, но скоро и она очутилась рядомъ съ нами, т. к. всѣ суда съ Чернаго моря считаются неблагополучными въ санитарномъ отношеніи.

На третій день стоянки подъѣзжаетъ, останавливаясь на почтенной дистанціи, весь черный, допотопной конструкціи, моторный ковчегъ отъ карантина, на которомъ во весь ростъ выдѣляется огромная атлетическая фигура въ красной фескѣ. Атлетическій турецкій врачъ плохо понималъ по англійски, а нашъ капитанъ окончательно не понималъ его. Вмѣшали меня въ ихъ переговоры. Когда докторъ узналъ, что я говорю по итальянски, то быстро причалилъ и забралъ меня къ себѣ, похитивъ какъ прекрасную сабинянку. Карантинный врачъ оказался итальянцемъ, давно состоящимъ на турецкой службѣ. Благодаря моей итальянской рѣчи и фамиліи, мы, распивая отличный вермутъ, скоро подружились. Мои доводы, что мы выѣхали изъ Новороссійска 22 дня тому назадъ, что у насъ на пароходѣ нѣтъ заразныхъ больныхъ и что на психику дамъ вредно дѣйствуетъ наше сосѣдство съ зараженнымъ „Ріономъ“, а больше выпитый нами вермутъ оказались убѣдительными. На завтра эшелонами насъ будутъ свозить на берегъ, мыть и дезинфекцировать наши пожитки и „Какурталу“. Вернулся на пароходъ торжествующимъ, выполнивъ блестяще свою дипломатическую миссію къ великой радости капитана, угостившаго меня отлич-

нымъ портвейномъ. Всѣ довольны и жмутъ руку. Въ ту ночь я спалъ какъ мертвый, одинъ князь Шаховской ломалъ себѣ голову, гдѣ и когда я успѣлъ намазаться.

На слѣдующее утро съ разсвѣтомъ подъѣзжаетъ атлетическій докторъ на своей допотопной ладьѣ и приказываетъ въ первую очередь капитану, всѣмъ англійскимъ офицерамъ и мнѣ съ вещами садиться на ладью и ѣхать мыться и дезинфекцироваться. За нами послѣдуютъ эшелонами прочіе пассажиры, а тамъ предстоитъ дезинфекція судна. Съ „Ріона“ на насъ смотрятъ съ завистью; у нихъ увѣ смертность продолжается и имъ еще долго стоять въ карантинѣ.

Прекрасная турецкая баня съ маленькими отдѣленіями на каждого. Горячей и холодной воды для первыхъ эшелоновъ было вдоволь. Отлично вымылся послѣ 22 дневнаго пребыванія на „Какурталъ“ не раздѣваясь. По окончаніи мытья насъ черезъ цѣпь сенегальскихъ стрѣлковъ повели въ большое зданіе ожидать прочихъ очередей, а затѣмъ повезутъ обратно на нашъ корабль. Турки разложили свои товары: хлѣбъ, слойки, халва, рахатъ-лукумъ, апельсины и т. п. Все баснословно дорого, но на все набрасываются съ жадностью. Полетѣли въ турецкіе карманы серебрянные гривенники, двугривенники, полтинники и рубли, ихъ принимаютъ охотно. Добровольческихъ денегъ не принимаютъ, къ императорскимъ кредиткамъ относятся съ недо-вѣріемъ, но за шестую часть ихъ стоимости все-же берутъ.

Турки торгуютъ бойко. Турокъ въ бѣлой чалмѣ, значитъ полонникъ въ „Мекку“, предлагаетъ мнѣ свои сладости и соблазнительный бѣлый хлѣбъ. Отказываюсь, больно мало денегъ. — „Почему эфенди отказываешься? Коли денегъ нѣтъ, прими даромъ. Мы съ тобой глупцы. Были друзьями, были врагами (говоритъ все на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ). Тузили другъ друга, мирились и все шло гладко, а вотъ связались съ нѣмцами и союзниками, оба — отечество потеряли и ба-траками стали. Караетъ Аллахъ и твой Богъ за глупость насъ. Но Аллахъ и твой Богъ велики. Воскреснемъ и мы; станемъ умными и будемъ жить снова по завѣтамъ мудрыхъ дѣдовъ“, и съ грустью добавилъ, „но не скоро. Бери эфенди, бери, отъ чистаго сердца предлагаю“. Глубоко турокъ меня тронулъ своимъ предложеніемъ, но все же ничего не взялъ, что повидимому его огорчило, и долго онъ на меня смотрѣлъ, качая бѣлой чалмой. Въ простыхъ словахъ турка таилась глубокая истина.

Наконецъ всѣ вымыты, „Какуртала“ дезинфекцирована и насъ везутъ обратно эшелонами, командный составъ и я послѣдними. Отчаливаетъ ладья монументальнаго доктора. Вдругъ бѣжитъ турченокъ, сильно размахивая руками, и что-то кричитъ. Задерживаемся; турченокъ передаетъ рулевому красный платокъ, завязанный узломъ, „для эфенди“, показываетъ на меня и убѣгаетъ. Въ узелкѣ большая бѣлая булка, халва, 6 апельсиновъ, шиллинговъ на 10 товара. Глубоко былъ тронутъ вниманіемъ стараго турка и его деликатностью. Сердечное ему спасибо, большое сдѣлалъ удовольствіе.

Съ разсвѣтомъ „Какуртала“ снимается съ якоря. День ясный солнечный, но весьма холодный. Снова проходимъ Босфоръ. Передъ нами Константинополь въ голубоватой дымкѣ, изъ котораго выдѣляются солнечными блесками минареты стараго Стамбула. Поражаетъ прозрачность воды; дно моря на громадной глубинѣ видно, какъ на ладони. У входа въ Золотой рогъ бросаемъ якорь. Въ Константинополь никого не пускаютъ. Пересаживаемся по трюмамъ на нарядные колесные турецкіе пароходы, которые по Мраморному морю везутъ насъ на островъ Антигона, одинъ изъ Принцевыхъ острововъ, гдѣ насъ всѣхъ интернируютъ подъ надзоръ и заботы администраціи Итальянскаго правительства.

Записано на островѣ Антигона. Февраль 1920 г.

А. Джуліани.

СПИСОКЪ

георгіевскихъ кавалеровъ

лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлк. Царскосельскаго полка (баталіона).

I—Орденomъ Святого Георгія:

Шефъ баталіона, Великій Князь
Сергій Александровичъ — въ Русско-Турецкую войну 1877—1878 г.г.

Шефъ полка, Великій Князь
Дмитрій Павловичъ — въ Міровую войну 1914—1917 г.г. Выс. прик. 13—X—1914 г.

II — Георгіевскимъ (золотымъ) оружіемъ:

A. За бои въ рядахъ полка (баталіона).

Въ Русско-Турецкую войну 1877—1878 г.г.

К-рь баталіона, флигель-адъютантъ полковникъ *Геремія Теннеръ* — „за переходъ черезъ Балканы 19—XII—1877 г.“ Выс. утв. 13—I—1879 г.

Въ Міровую войну 1914—1917 г.г.

За бой 26-го августа 1914 г. у фольв. Калишаны—Камень.

1. К-рь полка, генералъ-майоръ
Дмитрій Пфейферъ. Пр. Арміи и Флоту 27—III—1917 г.

2. Мл. оф. роты Его Выс., подпоручикъ *Сергій Мацѣевскій*. Р. Инв. 8—I—1915 г. № 6.

3. Мл. оф. 2 роты, подпоручикъ *Борисъ Николаевъ*. Выс. пр. 30—XII—1915 г.

4. Мл. оф. 4 роты, поручикъ *Борисъ Добровольскій*. Р. Инв. 8—I—1915 г. № 6.

5. Н-къ пул. команды, поручикъ *Константинъ Ткачевъ*. Выс. пр. 10—II—1917 г.

1. К-рь роты Его Высочества капитанъ *Петръ Алексѣевъ*. Выс. пр. 8—XI—1916 г.

2. Мл. оф. 2 роты, подпоручикъ *Евгеній Де-Липпе-Липскій*. Выс. пр. 8—XI—1916 г.

3. К-рь 6 роты, поручикъ *Павелъ Вальденъ*. Р. Инв. 9—VI—1915 г. № 125.

4. К-рь 8 роты, капитанъ *Викторъ Книперъ*. Р. Инв. 9—VI—1915 г. № 125.

5. Мл. оф. пулем. команды, поручикъ *Сергій Зальесскій*. Р. Инв. 8—I—1915 г. № 6.

За бой 16—21 сентября 1914 г. подъ Опатовымъ.

6. К-ръ полка, генераль-маіоръ
Владиміръ Васмундтъ. Р. Инв. 7—VI—1915 г. № 124.

За бой 13-го октября 1914 г. у дер. Полично.

7. К-ръ 3 роты, поручикъ *Павелъ Лешъ*. Р. Инв. 10—VI—1915 г. № 126.

8. Мл. оф. 6 роты, подпоручикъ
Михаилъ Бибиковъ. Выс. пр. 7—II—1916 г.

За бои 11 и 12 февраля 1915 г. у дер. Рудка-Скрода.

6. К-ръ 3 роты, поручикъ *Павелъ Лешъ*. Р. Инв. 6—VI—1915 г. № 123.

9. Мл. оф. 3 роты, подпоручикъ
Борисъ Котляровъ. Р. Инв. 6—VI—1915 г. № 123.

10. Н-къ пул. команды, поручикъ
Константинъ Ткачевъ. Р. Инв. 6—VI—1915 г. № 123.

За бой 30-го августа 1915 г. подъ мѣст. Мейшагола.

7. К-ръ 1 баталіона, полковникъ
Александръ Стессель. Выс. пр. 26—XI—1916 г.

11. Ком-щій 2 баталіономъ, поручикъ
Сергій Агаповъ. Выс. пр. 18—VII—1916 г.

8. Вр. к-щій 8 ротой, подпоручикъ
Владиміръ Симоновъ. Выс. пр. 10—II—1927 г.

За бой 6-го сентября 1915 г. у дер. Осиники.

12. Н-къ команды связи, поручикъ
Александръ Тюнеговъ. Выс. пр. 18—VII—1916 г.

За бои съ 16—21 іюля 1916 г. подъ Стоходомъ.

9. Н-къ команды развѣдчиковъ, шт.-капит.
Сергій Агаповъ. Выс. пр. 21—II—1917 г.

13. Вр. ком-щій полкомъ, полковникъ
Александръ Стессель. Р. Инв. 16—V—1917 г. № 113.

10. К-ръ 11 роты, поручикъ
Георгій Тавастшерна. Выс. пр. 21—II—1917 г.

14. К-ръ роты Его Высочества штабсъ-капитанъ
Георгій Змѣтновъ 2. Р. Инв. 16—V—1917 г. № 113.

11. Ком-щій 8 ротю поручикъ *Георгій Серебренниковъ*. Армія и Флотъ Своб. Россіи 18—VII—1917 г. № 165.

12. Ком-щій ротю поручикъ *Сергій Романовскій*. Выс. пр. 21—II—1917 г.

За бои подъ Квадратнымъ лѣсомъ; сентябрь и октябрь 1916 г.

13. К-ръ полка, генераль-маіоръ *Эдуардъ Верцинскій*. Пр. Арміи и Флоту 12—VI—1917 г.

14. К-ръ 1 баталіона, полковникъ *Николай Нагаевъ*. Р. Инв. 11—VI—1917 г. № 135.

15. К-ръ 8 роты, шт.-капитанъ *Александръ Круглевскій*. Р. Инв. 11—VI—1917 г. № 135.

Б. За бои внѣ полка, но въ мундирѣ полка.

1. Военный летчикъ, поручикъ *Иванъ Хризосколео*—за бой 14-го августа 1914 г. Выс. пр. 13—X—1916 г.

2. Н-къ Гвард. стр. бригады, свиты Е. В. генераль-маіоръ *Петръ Дельсаль*—за бои 16—21 сентября 1914 г. подъ Опатовымъ. Р. Инв. 31—X—1914 г. № 246.

3. Н-къ броневгоавтом. взвода, подпоручикъ *Викторъ Капнистъ-Михайловъ*—за бой 23-го іюня 1916 г. Выс. пр. 1—II—1917 г.

15. К-ръ 4 роты, подпоручикъ *Дмитрій Козелло*. Р. Инв. 17—V—1917 г. № 114.

1. Н-къ Гвард. стр. бригады, свиты Его Величества генераль-маіоръ *Петръ Дельсаль*—за бой 13-го октября 1914 г. у дер. Поллично. Р. Инв. 15—III—1915 г. № 61.

В. Тѣ же награды за бои внѣ службы въ полку и не въ мундирѣ полка.

За Крымскую войну 1853—1856 г.г.

1. Полков. *Михаилъ Батьяновъ* за бой 5-го окт. 1854 г. (въ чинѣ мичмана). Нагр. 6—IV—1873 г.

1. Флигель-адъютантъ кашитанъ *Князь Анатолій Барятинскій*—1855 г.

За усмиреніе Польскаго мятежа 1863—1864 г.г.

2. Полковникъ *Александръ Гагемейстеръ*. Выс. пр. 27—V—1863 г.

За Туркменскій походъ 1866 г.

2. Капитанъ *Оскаръ Гриппенбергъ*—за штурмъ Бухарской крѣпости Ура-Тюбе, 2-го окт. 1866 г.

3. Капитанъ *Оскаръ Гриппенбергъ*.

За Хивинскій походъ 1873 г.

4. Н-къ Туркестанской стр. бригады, генер.-маіоръ *Николай Бардовскій*. Выс. пр. 9—I—1874 г.

За Русско-Турецкую войну 1877—1878 г.г.

3. К-ръ л.-гв. Московскаго полка, свиты Е. В. генераль-маіоръ *Оскаръ Гриппенбергъ*—орденъ Св. Георгія 3 ст. за бой подъ Арабъ-Конакомъ 21-го ноября 1877 г. Выс. прик. 7—IV—1878 г.

4. К-ръ л. гв. Преображенскаго полка, свиты Е. В. генераль-маіоръ *князь Николай Оболенскій*—„за бой подъ Ташкисеномъ 19-го декабря 1877 г.“ Выс. пр. 30—III—1879 г.

5. Н-къ 31 пѣх. дивизіи, генераль-лейтенантъ *Николай Вельяминовъ*—„за бой при Горномъ Бугарово 19-го декабря 1877 г.“ Выс. нагр. 29—XII—1877 г.

5. К-ръ л.-гв. Преображенскаго полка, свиты Е. В. генераль-маіоръ *князь Николай Оболенскій*—„за переходъ черезъ Балканы 19-го декабря 1877 г.“ Выс. утв. 13—I—1879 г.

6. К-ръ л.-гв. Павловскаго полка, свиты Е. В. генераль-маіоръ *Константинъ Шмитъ*—„за переходъ черезъ Балканы 19-го декабря 1877 г.“ Выс. утв. 13—I—1879 г.

7. Флигель-адъютантъ полковникъ *Николай Цеймернъ*—„за отличіе, оказанное въ дѣлахъ съ турками 20, 21 и 22 сентября 1877 г.“ Выс. нагр. 28—III—1878 г.

8. Л. гв. Павловскаго полка полковникъ *Ричардъ ф. Мевесъ*—„за бой подъ Филиппополемъ 3, 4 и 5 января 1878 г.“ Выс. утв. 2—I—1879 г.

9. Ст. адъютантъ Гвард. стр. бригады, капитанъ *баронъ Николай ф. Ашебергъ*—„за бои подъ Филлиппополемъ 3, 4 и 5 января 1878 г.“ Выс. утв. 2—I—1879 г.

10. К-рь 2 бригады 18 п. дивизіи, генераль-маіоръ *Михаилъ Донауровъ*. Выс. пр. 26—II—1878 г.

11. Генераль-маіоръ *графъ Дмитрій Егоровичъ Комаровскій*. 1878 г.

За Русско-Японскую войну 1904—1905 г.г.

6. К-рь 26-го Вост. Сиб. стр. полка, флигель-адъютантъ полковникъ *Владиміръ Семеновъ*—за бои подъ Портъ-Артуромъ.

12. К-рь 26-го Вост. Сиб. стр. полка, флигель-адъютантъ полковникъ *Владиміръ Семеновъ*—за бои подъ Портъ-Артуромъ.

13. Штабъ-офицеръ для особыхъ порученій при штабѣ 1-го Сиб. арм. к-са, генер. штаба, подполковникъ *Эдуардъ Верцинскій*—за бои 26-го августа 1905 г. въ долину рѣки Сидалихэ.

За Міровую войну 1914—1917 г.г.

7. К-рь л. гв. Егерскаго полка, генераль-маіоръ *Александръ Буковской*—за бои 20-го августа 1914 г. у д. Владиславовъ. Р. Инв. 6—II—1915 г. № 29.

8. К-рь 255 пѣх. Аккерманскаго полка полковникъ *Дмитрій Всеволожскій*—за бои 4-го сентября 1915 г. на рѣкѣ Версоки. Выс. пр. 14—XI—1916 г.

14. К-щій 6 Финл. стр. полкомъ полковникъ *Дмитрій Всеволожскій*—за бои 18-го сентября 1914 г. у д. Юриздина. Р. Инв. 17—VI—1915 г. № 132.

15. К-рь 5 стр. полка, полковникъ *Евгеній Завадскій*—за бои 21-го сент. 1914 г. подъ Опатовымъ. Р. Инв. 15—III—1915 г. № 61.

16. К-рь л. гв. Егерскаго полка генераль-маіоръ *Александръ Буковской*—за бои 19—20 октября

1914 г. на Лысоборгской позиціи.
Р. Инв. 21—VI—1915 г. № 136.

17. Зав. передв. войскъ по жел. дорог. и водян. путямъ Варш. раіона, полковникъ генеральнаго штаба *Левъ Савченко-Маценко*—за бой 10-го ноября 1914 г. подъ Ловичемъ. Р. Инв. 31—III—1915 г. № 7.

18. К-рь 200 пѣх. Кроншлотскаго полка, полковникъ *Владиміръ Кукуранъ*—за бой 8-го іюня 1916 г. у д. Мылекъ-Линевка. Р. Инв. 20—V—1917 г. № 117.

III Награждены золотымъ наперснымъ крестомъ на георгіевской лентѣ полковые священники:

Протоіерей *Александръ Ливанскій*—за службу въ полку. Р. Инв. 11—VIII—1915 г. № 152.

Протоіерей *Михаилъ Щербаковъ*—за службу въ 146 пѣх. Царичинскомъ полку.

Всего офицерами и священниками полка получено въ Міровую войну георгіевскихъ наградъ:

	Георгіевскіе кресты.	Георгіевское оружіе.	Золотые наперсные кресты на георгіев. лентѣ.
А. За бои въ полку	15	15	1
Б. За бои въ мундирѣ полка, но внѣ полка	3	1	—
В. За бои внѣ полка и не въ мундирѣ полка.	2	5	1
Итого	20	21	2
	георг. крест.,	георг. ор.,	нап. кр. на георг. л.

За предшествовавшія войны:

А. За бои въ баталіонѣ	—	1	—
В. За бои внѣ баталіона	6	13	—

Составилъ Э. А. Верцинскій.

Перечень

офицеровъ лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка
въ смутѣ убіенныхъ.

Составленъ для внесенія въ Синодикъ при сооружаемомъ въ Брюсселѣ православномъ храмѣ Святого Іова въ память Царя-Мученика Николая II и всѣхъ Русскихъ людей, богоборческой властью въ смутѣ убіенныхъ.

№№	Имя, отчество и фамилія	Примѣчаніе
----	-------------------------	------------

I. Погибли на гражданскихъ фронтахъ.

А. Во время Ярославскаго возстанія. Іюль и августъ 1918 г.

1	Поручикъ Сергѣй Александровичъ
<i>Романовскій 1.</i>
2	Прапорщикъ Алексѣй Александровичъ
<i>Романовскій 2.</i>

Б. Въ Добровольческой арміи.

3	Поручикъ <i>Гинетъ</i> . Убитъ 2-го октября 1918 г. въ бою подъ Армавиромъ.	Похороненъ въ брат. могилѣ подъ Армавиромъ.
4	Прикомандированный къ полку подьесаулъ Терскаго казачьяго войска <i>Дваліевъ</i> . Убитъ въ бою 16-го августа 1919 г. подъ Кіевомъ — за обладаніе Дарницею.	Похороненъ на родинѣ — на Кавказѣ.
5	Прикомандированный къ полку корнетъ 9-го гусарскаго Кіевскаго полка <i>Левицкій</i> . Убитъ въ бою 11-го ноября 1919 г. у селенія Козелець, близъ Кіева.	Похороненъ въ Кіевѣ въ оградѣ церкви на Львовской улицѣ.
6	Капитанъ Сергѣй Николаевичъ <i>Кулаковъ</i> . Убитъ въ бою въ 1920 г. въ рядахъ полка.	
7	Капитанъ Георгій Михайловичъ <i>Поспѣловъ</i> . Разстрѣлянъ весной 1920 г. при эвакуаціи Крыма и переходѣ власти къ большевикамъ.	

В. На Сѣверномъ фронтѣ.

- 8 | Генераль-маіоръ Дмитрій Карло-
вичъ *Седергольмъ*. Весною 1920 г. взятъ
большевиками въ плѣнъ и разстрѣ-
лянъ въ Москвѣ.
- 9 | Капитанъ Сергѣй Павловичъ *Ма-
цѣвскій*. Застрѣлился при переходѣ
власти къ большевикамъ.

Г. На Сибирскомъ фронтѣ.

- 10 | Генераль-маіоръ Александръ Вла-
диміровичъ *Круглевскій*. Убитъ въ по-
слѣднемъ бою при отходѣ къ границѣ
Манчжуріи. | Похороненъ въ Хар-
бинѣ.

II Разстрѣляны въ Совѣтской Россіи.

- 11 | Полковникъ Иванъ Федоровичъ
Алексѣевъ, въ 1920 г.
- 12 | Полковникъ Левъ Ивановичъ *Сав-
ченко-Маценко*, въ январѣ 1920 г. въ
Петроградѣ.
- 13 | Капитанъ Иванъ Ивановичъ *Иса-
новъ*. Осенью 1922 г. повѣсился въ
тюрьмѣ на Шпалерной въ Петроградѣ.
- 14 | Капитанъ Александръ Ивановичъ
Коняевъ, въ 1924 г. въ Петроградѣ.
- 15 | Капитанъ Захарій Александровичъ
Черновъ, въ 1925 г., при переходѣ Со-
вѣтской границы съ особымъ пору-
ченіемъ.
- 16 | Генераль-маіоръ Иванъ Адамовичъ
Добровольскій, въ Петроградѣ.
- 17 | Генераль-маіоръ Гавріилъ Василь-
евичъ *Ахвердовъ*, осенью 1930 г. въ
Ленинградѣ.

Составилъ Э. А. Верцинскій.

Оглавленіе.

	Стр.
1. Императорская Гвардія въ эмиграціи—Э. А. ВЕРЦИНСКАГО	3
2. Лейбъ-Гвардіи 2-й стрѣлковый баталіонъ—Лейбъ-Гвардіи 2-й стрѣлковый Царскосельскій полкъ. Очерки быта и службы Царю и Родинѣ за періодъ отъ Японской до Міровой войны. Изъ воспоминаній Царскосельскаго стрѣлка Н. В. НАГАЕВА .	16
3. Первый бой. Воспоминанія Царскосельскаго стрѣлка. — В. С. РЕВЕНКОВА	68
4. Тернистый путь. Царскосельская быль 1917 г. — Н. А. АРТАБАЛЕВСКАГО	82
5. Эвакуація — А. И. ДЖУЛИАНИ	104
6. Списокъ георгіевскихъ кавалеровъ л. гв. 2-го стрѣлковаго полка (баталіона)	117
7. Перечень офицеровъ л.-гв. 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка въ смутѣ убіенныхъ	123

Э. А. Верцинскаго:

1. **Усиленная развѣдка частей 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса** въ долину рѣки Сидалихэ 14/15 августа 1905 г. Изданіе 1908 года. Распродано.
2. **Современная война.** Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе 1909 года. Распродано.
3. **Постановка стратегическо-тактическихъ занятій** въ XVIII армейскомъ корпусѣ. Изданіе 1911 года. Распродано.
4. **Современная война.** Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе 2-е, 1912 г. Распродано.
5. **Годъ Революціи.** Воспоминанія офицера генеральнаго штаба. Изданіе 1929 г. Цѣна 40 амер. центовъ.
6. **Изъ Міровой Войны.** Боевыя записи и воспоминанія командира полка и офицера генеральнаго штаба за 1914—1917 г.г. Изданіе 1931 г. Цѣна 60 амер. центовъ.
7. **Памятные Дни.** Сборникъ воспоминаній, подъ редакціей Э. А. Верцинскаго. Изданіе 1932 г. Цѣна 30 амер. центовъ.
8. **Памятные Дни. Книга 2-я.** Сборникъ воспоминаній, подъ редакціей Э. А. Верцинскаго. Изданіе 1937 г. Цѣна 1 амер. долларъ.

Главный складъ:

Esthonia — Eesti. Tallinn. S. Tartu 59—2. E. Werzinsky. Телефонъ 305-10.

Выписывающіе непосредственно отъ автора — за пересылку не платятъ. Книжнымъ магазинамъ обычная скидка.

Складъ изданія: „Памятные Дни. Книга 2-я. Сборникъ воспоминаній, подъ редакціей Э. А. Верцинскаго. Изданіе 1937 г.“ — также въ книжномъ магазинѣ „Русская Книга“ — Russkaja Kniga. Vana Posti 8, Tallinn. Eesti (Esthonia). Тел. 476-24.

Выдержки изъ отзывовъ печати
О КНИГЪ
„ИЗЪ МІРОВОЙ ВОЙНЫ“
Э. А. ВЕРЦИНСКАГО.

1) Эстонскій военный журналъ „Sõdur“, №№ 50—52, 1930. Таллиннъ. „... annab objektiivse pildi Maailmasõja lahingutest Vene rindel jalaväe rügemendi raamides.“

2) „Возрожденіе“, 12. I. 1931 г. Парижъ. „Книга написана хорошимъ языкомъ... и издана съ такою роскошью, которой мы, парижане, должны позавидовать“.

3) „Морской Сборникъ“, январь, 1931 г. Прага. „Такая система повѣствованія гарантируетъ точность и достовѣрность въ изложеніи описываемыхъ событій“. „...Описанія эти... даютъ яркую и наглядную картину современнаго боя“.

4) „Сегодня“, 10. II. 1931 г. Рига „Читатель найдетъ не мало интересныхъ страницъ изъ недавняго прошлаго...“ „Книга издана безукоризненно“.

5) „Latvijas Kareivis“, 15. II. 1931 г. Рига.

6) „Militär Wochenblatt“, Heft 35, 1931. Berlin. „Wie sein erstes Kriegswerk so ist auch dieses zweite ausserordentlich fesselnd geschrieben“.

7) „Wissen und Wehr“, Heft 4, 1931. Berlin. „Das Buch ist fesselnd geschrieben und gibt anschauliche Bilder von den Zuständen im Zarenheere“.

8) „Вѣстникъ Военныхъ Знаній“, № 2, мартъ, 1931 г. Сараево „Въ тактическомъ отношеніи книга представляетъ большой интересъ“.

9) „Часовой“, № 55, 15 мая, 1931 г. Парижъ. „Можно сказать, что это вѣроятно единственная изъ появившихся въ эмиграціи книгъ, гдѣ боевая и административная работа полка во время войны такъ точно и подробно описана“.

10) „Русскій Инвалидъ“, № 19, 22. VI. 1931 г. Парижъ. „Съ неослабѣвающимъ интересомъ вчитываясь въ страницы описанія боевой дѣятельности полковъ, мѣстами сжато и сухо изложенными, ярко и живо чувствуешь сколько доблести и жертвенности было проявлено, какъ частями въ цѣломъ, такъ и отдѣльными чинами этихъ частей“... „Не мало существенныхъ и жизненныхъ вопросовъ возбуждаетъ ознакомленіе съ книгой“...

Выдержки изъ отзывовъ печати

О КНИГЪ

„ПАМЯТНЫЕ ДНИ“

подъ редакціей Э. А. ВЕРЦИНСКАГО.

1. „Часовой“, № 72, 15—I—1932 г., Парижъ:—„Памятные Дни“ — это удачный опытъ сборника воспоминаній, исключительно яркихъ и увлекательныхъ“...

„Въ книжкѣ всего 105 стр., но кажется она толстымъ томомъ, до такой степени насыщена она историческимъ и бытовымъ матеріаломъ“... „Книжка эта имѣетъ цѣнность одинаково и для историка, и для романиста“...

„Памятные Дни“ не забываются по прочтеніи“.

2. Эстонскій военный журналъ „Sõdur“, № 50/51/52—1931 г. Таллиннъ:—„Raamat annab huvitavat illustreerimise materjali ajaloole, samuti sisaldab palju huvitavat puhtinimlikust seisundist“.

3. „Militär Wochenblatt“ № 30, 11 Februar 1932. Berlin.—... „Veröffentlichung jetzt verschiedenartige Erinnerungen von ehem. Offizieren des 2. L. G.-Schützen-Rgts“... „Für deutschen Leser sind von besonderem Interesse die Schicksale russischer Offiziere nach der Revolution.“

4. „Сегодня“, № 112, 22—IV—1932 г. Рига: — „со страничекъ книги глядятъ много живыхъ, острыхъ, интересныхъ деталей изъ эпохи „памятныхъ дней“.

5. „Вѣстникъ Военныхъ знаній“, № 2 (15), май 1932 г. Сараево:— „Рекомендуемъ нашимъ читателямъ эту книжку. Читается она съ большимъ интересомъ“.

6. „Русскій Инвалидъ“, № 43, 22—VI—1932 г. Парижъ: — „Въ немъ помѣщены четыре цѣнныя, характерныя записи участниковъ и свидѣтелей времени Міровой и гражданской войны и революціи“... „Этотъ сборникъ въ цѣломъ представляетъ интересный и цѣнный матеріаль для исторіи“.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

D640
.A2
P35
1932
kn. 2

Изданіе Союза Царскосельскихъ стрѣлковъ

Цѣна 1 амер. долларъ

Весь чистый доходъ поступаетъ въ пользу архива и музея
лейбъ - гвардіи 2-го стрѣлковаго Царскосельскаго полка.